

БОРИС ДЕРЕВЕНСКИЙ

ТАИНЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

Античное христианство. Исследования

Борис Деревенский

Тайны евангельской истории

«Автор»

2014

УДК 27-246
ББК 86.37

Деревенский Б. Г.

Тайны евангельской истории / Б. Г. Деревенский — «Автор»,
2014 — (Античное христианство. Исследования)

ISBN 978-5-90670-570-9

В издании представлены исследования российского историка Бориса Деревенского, посвященные загадочным местам Евангелий, а также острым проблемам истории ранней Церкви. Широкому читателю автор известен как составитель популярного сборника «Иисус Христос в документах истории». Эта книга является новым исследованием, в котором отдельные аспекты евангельских сказаний, обстоятельства жизни Иисуса Христа рассматриваются достаточно подробно.

УДК 27-246
ББК 86.37

ISBN 978-5-90670-570-9

© Деревенский Б. Г., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Видеть собственными глазами	5
О местонахождении Голгофы и гробницы Христа	7
1. Что ранние христиане знали о месте распятия и погребения Христа?	7
2. Церковное открытие Голгофы и Гроба Господня	17
3. Дополнительная легенда о могиле Адама	38
4. Результаты археологических исследований	40
5. Анализ евангельских данных	48
6. Альтернативные гипотезы	56
Гробница в Восточном Талпийот (дополнение 2007 г.)	62
7. Местоположение Голгофы зависит от местоположения претория Пилата	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Борис Деревенский

Тайны евангельской истории

Видеть собственными глазами

С Борисом Деревенским я познакомился через Интернет на почве общих интересов. В поисках источников по истории христианства невозможно было пройти мимо бестселлера Деревенского «Иисус Христос в документах истории», так же, видимо, и он узнал обо мне, как об авторе наиболее полного в то время путеводителя по Святой земле, изданного на русском языке. Началась переписка, взаимная критика, замечания, советы, и я понял, что имею дело с весьма неординарным, интересным человеком, с историком, глубоко знающим свой предмет. Борис также заинтересовался моими знаниями и пожелал воспользоваться мною в качестве экскурсовода. Я сказал: «Приезжай». С тех пор мы провели несколько встреч в незабываемых увлекательных походах.

Но я помню его первые слова при первой нашей встрече: «Я рад посмотреть все, что ты мне покажешь, – сказал он, – но вот что меня интересует в последнюю очередь: я не хочу бутафории, которую показывают массовому туристу, не хочу национальных парков и музеев, не хочу святых мест, намоленных, нахоженных и облизанных, к которым водят толпы паломников».

После этих слов вся намеченная мною «культурная программа» полетела к черту. Но тут он сам стал моим экскурсоводом: сам составлял маршруты по местам, где обычно не ступает нога туриста, говорил, куда ехать, рассказывал по дороге о каждом объекте так, как будто он там родился и вырос, говорил, например, какой за поворотом будет мошав, кем и когда основан, как называлась бывшая тут до 48-го года арабская деревня. Я поражаюсь его эрудиции в знании местности, которую он никогда в глаза не видел, но лишь изучал по источникам и картам. Я видел, что он, будучи второй раз в Израиле, может дать фору и мне, и любому израильскому экскурсоводу по знанию страны.

Но зачем ему были нужны все эти экскурсии, если «культурная программа» его не так уж интересует, а местность он и без того прекрасно знает? Я нашел ответ и на этот вопрос. Борис не экскурсовод и не стремится им стать, он исследователь, занимающийся историей христианства. Предмет его исследования имеет массу тайн и нерешенных проблем, потому от историка здесь требуются особая добросовестность и скрупулезность. Здесь нельзя верить на слово ни путеводителям, ни картам, ни даже источникам. Чтобы быть более уверенным в своих выводах, нужно все десятки раз проверить и перепроверить, убедиться во всем собственными глазами.

В голове у Бориса вертится множество всяких смелых гипотез и теорий, которые легко могли бы стать сенсациями в околонульном мире, но Борис не стремится к дешевому успеху, пока у него есть хоть одно малейшее сомнение в его предположениях, он их держит при себе, а на суд читателя выносит только тщательно выверенную добросовестную работу.

Как и в наших турпоходах, так и в своих книгах Борис предпочитает водить читателя нехоженными тропами. За каждым поворотом страницы мы сталкиваемся с редким, эксклюзивным и малоизученным материалом. И это несмотря на то, что в наше время в такой области, как история христианства, весьма непросто сказать какое-нибудь новое слово. Вряд ли найдется в мире человек, который бы не знал, кто такой был Иисус Христос, и не имел бы общего представления о его жизни и смерти. Более того, здесь у большинства людей давно сложились собственные твердые убеждения, которые поколебать весьма непросто. И тут Борис ставит неожиданный вопрос: «А вы уверены, что Иисус был распят действительно на том месте, где

сейчас стоит Храм Гроба Господня?» – и показывает, что есть, оказывается, немало веских причин сомневаться в этом.

В работах Деревенского почти нет однозначных ответов на им же поставленные вопросы, да и вряд ли кто-нибудь и когда-нибудь сможет такие ответы найти. Но Борис умеет ясно и доходчиво донести до читателя суть проблемы, показать реальную картину уровня современных исторических знаний и предложить одно из возможных решений проблемы, которое представляется ему «наиболее оптимальным», а это уже само по себе дает пищу для размышлений, дает увлекательный материал, каковым могут пользоваться как профессиональные экскурсоводы, так и любознательные туристы.

Сергей Баландин

О местонахождении Голгофы и гробницы Христа

1. Что ранние христиане знали о месте распятия и погребения Христа?

Довольно долгое время, вплоть до IV века, христиан, по-видимому, не очень интересовали Голгофа и гробница Христа как осязаемые материальные объекты. В сочинениях доникейских церковных писателей содержатся рассказы о распятии, погребении и чудесном воскресении Иисуса, об этом говорится много и охотно, широко цитируются новозаветные и ветхозаветные писания, но при этом никто из авторов не дает каких-либо указаний насчет местоположения объектов, связанных с последними днями земной жизни Христа, в том числе того места, где Иисус был распят, и того места, где он был погребен.

Ранние христиане гораздо больше значения придавали духовному значению евангельских событий. «Ведь всякий, к кому пришел Христос, – писал Ориген, – более не поклоняется Богу ни в Иерусалиме, ни на горе самарян, но, узнав, что Бог – Дух, духовно служит Ему *в духе и истине* (Ин 4:24) и уже не образно поклоняется Отцу и Творцу всего» (Комм. на Ин, I 8; PG 14, 36). В другом своем сочинении Ориген заметил: «Спаситель ответил, что желающий следовать Господу должен оставить предрассудок относительно преимущества мест... В самом деле, те, которые поклонялись Богу в Иерусалиме, служили собственно тени или образу и, следовательно, почитали Бога не истиною и не духом» (О началах, I 1, 4; PG 11, 123–124). Под словом «образно» (δὲ τυπικῶς) понималось поклонение образу, форме, т. е. то поклонение, которым, по мнению христиан, отличались от них иудеи. Поклонение в Иерусалимском храме рассматривалось как формальное («образное») поклонение, в противовес которому христиане поклоняются Отцу в духе и истине и поэтому не нуждаются в храме, в священных предметах и вообще в каких-либо материальных атрибутах культа. «Всевышний не в рукотворных храмах живет», – утверждает в Деяниях апостолов (7:48). На вопрос римского судьи «где вы собираетесь?» мученик Иустин в 165 г. ответил: «каждый выбирает то место, какое ему угодно; отчего ты полагаешь, что мы встречаемся в каком-то определенном месте? Это не так, ибо Бог христиан не ограничен местом; Он невидим, объемлет Собою небеса и землю, и повсюду почитается и славится верующими» (Мученичество Иустина и других, 2).

Иными словами, отсутствие у доникейских писателей указаний на местонахождение объектов, связанных с земной жизнью Христа, в частности Голгофы и гробницы, отнюдь не случайно. У ранней Церкви отсутствовали не только святилища и материальные объекты поклонения, но и то, что впоследствии было названо «святыми местами». «Святым местом является чистая душа», – подчеркивал Ориген (Гомилии на Лев, XIII 5; PG 12, 551). Ему вторил Иероним Стридонский: «Истинный храм Христов есть душа верующего; ее украшай, ее одевай, ей приноси дары, в ней воспринимай Христа» (Письма, 58, 7; PL 22, 584).

Поклонение образу, «иконе», а также освящение предметов и мест, связанных с культом, – явление, совершенно естественное для древних религий, – было в конце концов усвоено и христианством. Но не в период ранней Церкви. Первые христиане решительно противостояли тому, что протопресвитер А. Шмеман назвал мистериальным культом. «Ранний христианский культ, – писал он, – не только лишен главных черт мистериального культа, но можно не преувеличивая сказать, что ранняя Церковь сознательно и открыто противопоставляет себя

мистерияльной религиозности и свое богослужение – культам мистерий»¹. Действительно, мы видим глубокое отвращение, испытываемое ранними христианами ко всякого рода мистериям, справляемым в эллинистических храмах, и вообще к храмам и гробницам эллинистических богов. «Египтяне, – читаем у одного из первых христианских апологетов Афин агора (II в.), – показывают не только гробницу Осириса, но и то, как он набальзамирован. Когда к ним приносят труп, то они показывают принесшим деревянные изображения умерших, отделанные посредством живописи; и превосходнейшим называют изображение того, чье имя сказать считаю неприличным при этом случае» (Прощение, 28; PG 6, 960). И всякий раз, когда речь заходит о почитании гробниц и мощей древних героев или же обожествленных современников типа Протея-Перегрини и Александра из Абонотиха, Афинагор не может скрыть своего крайнего омерзения (там же, 26). Добавим, что гробница Зевса на Крите сделалась предметом насмешек не только Афи-нагора (там же, 30), но и всех раннецерковных апологетов, которые, впрочем, в этом случае следовали за популярными эллинистическими писателями.

Так ранние христиане относились к гробницам и останкам эллинистических человеко-богов. Становились ли они другими и испытывали ли противоположные чувства в отношении гробниц новозаветных героев и памятных мест евангельской истории? Нет, ранние христиане и здесь оставались верны себе. Протопресвитер А. Шмеман продолжает: «Равнодушные ранней Церкви к местам, связанным с теми или иными событиями евангельской истории, может показаться разительным. Достаточно напомнить, что до нарочитого внимания, оказанного Константином Иерусалиму как главному центру земной жизни Спасителя, город этот не отмечается никаким особым почитанием, и епископ Элии Капитолины еще в начале четвертого века является “суффраганом” митрополита Кесарии Палестинской... Мы не видим никаких попыток Иерусалимской церкви сослаться на свое исключительное местопребывание, выводить из него какое-то бы ни было старшинство» (там же).

Земной Иерусалим не волновал ранних христиан. Говоря о нем, раннехристианские писатели имели в виду не реальный палестинский город, но Церковь в целом. «Обратись и всей мыслью поспеши к городу святых Иерусалиму, – читаем у Амвросия Медиоланского. – И воистину, Христос, говоря это благочестивой душе, повелевает ей обратиться, чтобы явилась нам слава ее и будущее упокоение со святыми, а потом приказывает ей поспешить к вышнему сообществу святых» (Слово на смерть императора Валентиниана, 65; PL 16, 1378). Иерусалим был образом желанной небесной обители. «Я молюсь о том, чтобы дух Христов вознес меня в мой Иерусалим, – писал Климент Александрийский (ок. 150–215). – Говорят ведь стоики, что именно небо является истинным градом, а не земные города-государства» (Строматы, IV 26; PG 8, 1381)². И в другом сочинении: «Мы почетного дара удостоиваемся... надежды на блаженство в небесном Иерусалиме, где, по Писанию, молоко и мед текут. Так под образом материальным мы получаем заверение о должной некогда стать нашей долей в небесном питании. Пища ведь упразднится, как сам апостол говорит (1 Кор 6:13)» (Педагог, 16; PG 8, 304). Таково было мировоззрение ранних христиан, отличное от мировоззрения христиан Никейской эпохи и всех последующих христиан, включая нынешних.

Даже после того, как Церковь вступила в обладание Палестиной и началось массовое паломничество христиан в Святую землю и Иерусалим, отцы Церкви продолжали настаивать на духовности и универсальности поклонения, на «детерриториализации концепции святости» (выражение Р. Д. Цви Вербловски³). Комментируя Ин 7:37 («кто жаждет, иди ко Мне и пей»), Августин Гиппонский (354–430) писал: «Когда мы жаждем, то нам следует идти, но не ногами своими, а скорее своими чувствами; нам следует идти не двигаясь, но любя. В духов-

¹ Шмеман 2003, 146; 155.

² Перевод Е. В. Афонасина (2002 г.).

³ Цви Вербловски 2001, 14.

ном смысле любить – значит странствовать. Но одно дело, когда перемещается тело, и совсем другое, когда странствует душа. Тот, кто странствует телесно, изменяет свое местонахождение, перемещая свое тело; тот же, кто странствует духовно, изменяет свои чувства благодаря движениям своей души» (PL 35, 1642). Так же и Григорий Нисский (331–395), сам совершивший паломничество в Иерусалим, тем не менее в письме к Флавиану наставлял: «И присоветуй братии взойти от телесного к господнему (= божественному), взамен странствия из Каппадокии в Палестину» (Письма, 2, 18; PG 46, КПЗ).⁴

Сказанное относится к почитанию «святых мест» евангельской истории и превращению их в священные реликвии. В полной мере это относится и к месту распятия Иисуса Христа, и к месту его погребения. Разумеется, ранним христианам были хорошо известны могилы своих единоверцев, в особенности – почитаемых в Церкви лиц. По словам Евсевия Кесарийского, раннехристианский апологет Гегесипп (или Егезипп; II в.), рассказав о расправе иерусалимских старейшин с Иаковом Праведным в 63 г., добавил: «И они похоронили его на том месте, где он был убит; и доныне памятник (ἡ στήλη) этот стоит возле храма» (Церковная история, II 23,18). Если эта цитата из утраченного сочинения Гегесиппа аутентична, мы можем констатировать, что христианам II века была известна гробница «брата Господня»⁵.

В другом месте Евсевий, касаясь воспоминаний Папия Гиерапольского (II в.) о двух Иоаннах – апостоле и пресвитере, заметил: «В Азии называли двух людей этим именем, а в Эфесе и ныне есть две гробницы (μνῆματα), и каждая зовется Иоанновой» (там же, III 39, 6; VII 26, 16). Хотя, по-видимому, сообщение о двух гробницах в Эфесе Евсевий взял не из сочинений Папия, тем не менее слова «и ныне есть две гробницы» относятся к некоей раннехристианской традиции, к которой Евсевий обращается в данном случае. Очевидно, эту же традицию нужно усматривать в письме Эфесского епископа Поликрата к Римскому епископу Виктору, посланном ок. 190 г., которое цитирует Евсевий: «В Азии покоятся великие светила, которые воскреснут в последний день, когда Господь снизойдет с неба во славе Своей и разыщет всех святых: Филиппа, одного из двенадцати, который покоится в Гиераполе, обеих дочерей его, состарившихся в девстве, и еще одну дочь, которой руководил Дух Святой и которая почивает в Эфесе. И Иоанн, возлежавший на груди у Господа, священник, носивший золотую дощечку, мученик и учитель, покоится в Эфесе» (там же, III 31, 3).

Итак, мы видим, что ранние христиане хорошо знали места погребений целого ряда церковных деятелей, включая апостолов и непосредственных учеников Христа. Были им известны и могилы святых в Иерусалиме. При такой осведомленности ранних христиан могло ли быть так, что они не знали и не интересовались местонахождением гробницы основателя и «краеугольного камня» Церкви – Иисуса Христа? Утверждать этого, конечно, нельзя. Другое дело, что мы не имеем никаких данных на этот счет. О месте погребения Иисуса раннехристианская

⁴ Если бы Иерусалим был объектом паломничества или хотя бы важным для путешественников местом во времена Римской империи, мы вправе ожидать, что каким-то образом это должно было отразиться на дорожных картах (*cursus publicus*) той поры. Но мы видим, что римские картографы считали Иерусалим мелким заштатным городишком, не идущим ни в какое сравнение с такими крупными торговыми и культурными центрами как Рим, Антиохия, Александрия, а затем и Константинополь. Вселенскую славу Иерусалиму создала сначала еврейская литература, включая грекоязычную (Иосиф Флавий и др.), а затем и христианская. В действительности же деловой мир Империи, имевший для своих нужд подробные итинерарии, не придавал Иерусалиму никакого значения. Это хорошо видно по т. н. Певтингеровой таблице (*Tabula Peutingeriana*), европейской дорожной карте, датируемой XII–XIII вв., которая очевидно воспроизводит более ранние дорожные карты, созданные еще римлянами. Важнейшие города, такие как Рим, Константинополь и Антиохия, отмечены на *Tabula Peutingeriana* символическими фигурами царей, восседающих на троне. Эти центры соединены дорогами, на которых обозначены дорожные станции, где путники могли бы найти постоялые дворы и смену лошадей. Иерусалим представлен одной из таких рядовых станций (два домика с красной крышей) и снабжен весьма примечательной надписью: *antea dicta H[ie]rusalem, nunc Aelia Capitolina* – «прежде он назывался Иерусалимом, а теперь это Элия Капитолина». Понятно, что средневековый картограф списал это название с какой-то виденной им римской карты или итинерария.

⁵ Средневековые христианские паломники указывают на гробницу Иакова Праведного в Кедронской (Иосафатовой) долине, находящуюся среди других известных иудейских гробниц (ППС 2, 206). Некоторые исследователи отождествляют эту гробницу Иакова Праведного с гробницей Садока из кумранского Медного свитка.

литература *ничего не сообщает*. Нет также никаких сведений о местоположении Голгофы – места распятия Иисуса.

Евсевий рассказывает, правда, очень невнятно, о паломничестве некоторых христиан в Иерусалим в доникейскую эпоху. Так, он приводит письмо Мелитона, епископа Сардского (ок. 110–190), адресованное брату Онисиму, в котором есть такие строки: «Я отправился на Восток и дошел до тех мест, где Писание было проповедано и исполнено; в точности разузнал о ветхозаветных книгах и послал тебе их список» (Церковная история, IV 26, 14). Не совсем ясно, побывал ли епископ Сардский в самом Иерусалиме. Во всяком случае, целью путешествия Мелитона на Восток было не поклонение святым местам, а изучение ветхозаветного канона. Далее Евсевий сообщает, что Александр Каппадокийский, ученик Климента Александрийского, отправился в Иерусалим ок. 212 г. «чтобы помолиться и разузнать о тех местах (святых местах? – Б. Д.)», после чего остался в Иерусалиме и был удостоен там епископского сана (там же, VI 11,

2). Какие именно «святые места» имелись в это время в Иерусалиме, не ясно. Были ли среди них Голгофа и гробница Иисуса? Прямых и ясных указаний на них у Евсевия нет.

В «Евангелических доказательствах» (*Demonstratio Evangelica*), сочинении, датированном примерно 320 г., Евсевий говорит, что христиане приходят со всех сторон света в Иерусалим и творят молитвы на Елеонской горе, напротив города, «куда перешла слава Господа, когда Он оставил прежний город». Сообщает Евсевий и о пещере, которая показывается на вершине Елеонской горы, где Христос «молился и открыл Своим ученикам тайну Его страдания, и отсюда же Он вознесся на небо, как Лука сообщает нам в Деяниях апостолов» (VI 18; PG 22, 457). Из этого рассказа можно вывести, что в начале IV века, фактически уже в Никейскую эпоху, христиане идентифицировали место последней молитвы Христа и место его Вознесения. Считались ли тогда это место или эти места святыми? Надо думать. Но почитались ли эти места до IV века – не ясно.

Немногим больше проливает света на историю «святых мест» и сообщение Оригена (185–254) в его Комментарий на Евангелие от Иоанна, где он говорит, что посетил некоторые места «в поисках следов Иисуса, его учеников и его пророков» (VI 24; PG 14, 269). Ориген не указывает ни одного такого места, а о своих поисках упоминает только за тем, чтобы выбрать между двумя различными интерпретациями евангельского текста. В другом сочинении «Против Цельса» Ориген говорит: «Относительно рождения Иисуса в Вифлееме... согласно с евангельским сказанием о Его рождении самая пещера Вифлеемская указывает, где Он родился, а также и ясли пещерные свидетельствуют о том, где Он был повит пеленами. В тех местах живо еще предание об этом событии; известно даже и врагам веры, что в той пещере родился Иисус» (I 51; PG 11, 756). Отсюда следует, что христианам III века была известна пещера Рождества, где еще сохранялись ясли, в которых лежал младенец Иисус. Однако из рассказа Иеронима Стридонского явствует, что еще во II веке место Рождества было включено римлянами в священную рощу Адониса⁶ и поэтому не могло сохраняться в прежнем виде и посещаться христианами.

Некоторые исследователи полагают, что идея сакрализации мест, связанных с главными событиями жизни Иисуса Христа, возникла у иудеохристиан, хорошо знакомых со святыми местами Ветхого Завета⁷. В частности, П. Мараваль видит «множество указаний, предполагающих благоговейный интерес Иерусалимской общины к местам, связанным с последними этапами земной жизни Христа, что выражается в организации посещений этих мест. Это была, несомненно, пещера его гробницы: рассказ о воскресении в Евангелии от Марка содержит

⁶ Иероним Стридонский. Письма, 58, 3: «этот Вифлеем омрачала роща Таммуза, то есть Адониса, и в пещере, где плакал маленький Христос, бесновался любовник Венеры» (PL 22, 581). В другом письме пещера Рождества описывается как небольшое земляное углубление – *parvo terrae foramine* (Письма, 46, 10; PL 22, 490).

⁷ Minois 1998, 364.

возможный намек на такое посещение, и фраза, вложенная в уста ангела, кажется, подобна руководству для паломников: «Вот место, где Он был положен» (16:6). Помимо этой гробницы, высеченной в скале, начинают пользоваться известностью два других грота, один из которых упоминается еще во втором столетии нашей эры. Это было место на Елеонской горе, где Христос в последний раз собирал учеников, а также место его рождения в Вифлееме. При отсутствии надежных археологических подтверждений литературные источники не легко интерпретировать, но все же, в конечном счете, позволительно допустить посещение иудеохристианами этих гротов, по крайней мере, до 135 г.»⁸

В этой связи стоит остановиться немного на гипотезе Багатти-Теста. В 50-70-х годах прошлого века францисканские ученые Б. Багатти и Э. Теста попытались доказать, что большинство палестинских христианских святынь подлинны, потому что иудео-христиане, проживавшие в Палестине, идентифицировали участки, которые были знаменательны в жизни Иисуса, и сохраняли их без перерыва вплоть до IV в., когда эти участки были «присвоены господствующей языческой Церковью», которая вместе с императором Константином стала устанавливать в Палестине христианские святыни. Обосновывая свою гипотезу, францисканские ученые и сами вели археологические изыскания и в своих работах указали множество памятников, определенных ими как иудеохристианские. Особое внимание Багатти и Теста уделили надписям и рисункам на еврейских погребальных памятниках – оссуариях и стелах, – находя в них большое количество христианских символов. Еще в 1955 г. Б. Багатти начал раскопки в Назарете. На месте нынешней базилики Благовещения была найдена пещера, изобилующая граффити, которые Багатти также интерпретировал как иудеохристианские. Так явилась идея о существовании в Назарете «тайного грота», где собирались члены якобы большой иудео-христианской общины. Францисканские раскопки в Капернауме (с 1968 г.) увенчались открытием фундамента жилого дома примерно I–IV вв., объявленного «домом собраний», в который был якобы обращен дом апостола Петра⁹.

Вначале изыскания Багатти и Теста встретили большое воодушевление в научных кругах, но когда с каждым «иудеохристианским» памятником стали разбираться в отдельности, наступило разочарование. Изображения крестов на оссуариях либо относились к Византийскому периоду, либо оказывались простой маркировкой для правильного накрывания оссуария крышкой¹⁰. Другие изображения, принимаемые францисканскими учеными за иудео-христианские, также, по-видимому, таковыми не являются. После тщательной проверки аргументов Багатти-Теста многие исследователи выступили с опровержением их гипотезы. Основательной критике она была подвергнута английской исследовательницей Джоан Тейлор, написавшей специальный труд: «Христиане и святые места. Миф о иудеохристианском происхождении»¹¹.

Но еще и теперь многие ученые пребывают под гипнозом взглядов Багатти-Теста. Так, например, в 1951 г. при ремонте церкви Апостолов (Агиос Сион, *Cenaculum*) на Сионской горе были вскрыты основания крестоносцкой и византийской церквей, а под ними обнаружен каменный настил более раннего здания, существовавшего в Римский период (135–325 гг.). По характерной нише в стене позади гробницы (кенотафа) Давида было предположено, что вначале на этом месте располагалась еврейская синагога. Открытые здесь неясные греческие надписи (или даже отдельные буквы) Б. Багатти и

⁸ Maraval 2002, 63–64.

⁹ Bagatti 1982. О том, что в Капернауме дом апостола Петра превращен в церковь, первым сообщает паломник из Плацентии ок. 570 г. (CSEL 39, 163). Но это сообщение относится к позднейшей эпохе. Найденные в «доме собраний» христианские надписи Дж. Мерфи О'Коннор датирует началом IV в., а основание здесь церкви приписывает крещеному еврею Иосифу из Тивериады, которому, согласно Епифанию Кипрскому, император Константин велел установить церкви в Капернауме и других местах Иудеи (Murphy-O'Connor 1998, 220).

¹⁰ Smith 1974; Беляев 2001, 23–29; Heiser 2007, 12–13.

¹¹ Taylor 1993.

Э. Теста в дальнейшем «расшифровали» как христианские молитвы и заклинания. Учитывая эту интерпретацию, бенедиктинский монах-археолог Б. Пикснер провел в 1980-е гг. новые раскопки и заявил, что это не еврейская, а иудеохристианская синагога, возникшая между 70 и 132 гг. Вдобавок Б. Пикснер обратил внимание, что синагога эта сориентирована не на северо-восток, т. е. на иерусалимский Храм, а на север. На север от горы Сион располагается традиционное место распятия и погребения Христа. Поэтому Пикснер заключил, что строители синагоги сориентировали ее на Голгофу и гробницу Иисуса и что они действительно были иудеохристианами¹².

Заявления Б. Пикснера имеют прямое отношение к настоящей теме. Если его версия верна, то получается, что иудеохристианам было известно место распятия и погребения Иисуса и что это то самое место, где ныне стоит храм Гроба Господня. Но насколько обоснована эта версия? То, что в Римский период на Сионской горе имелись синагоги, сообщает Бордосский путник, посетивший Иерусалим в 333 г.: «Внутри же Сионских стен указывается место, где стоял дворец Давида. Из семи здесь бывших синагог осталась только одна, на месте же остальных, по словам пророка Исаии, пашут и сеют» (CSEL 39, 22). Об одной из семи сохранившихся здесь синагог говорит и Епифаний Кипрский (О мерах и весах, 14; PG 43,261). Заметим, однако, что Бордосский путник не упоминает о церкви на Сионе. Следовательно, в 333 г. ее еще не было. Византийская церковь Агиос Сион была построена здесь позже, в середине IV в., и, не исключено, на месте еврейской синагоги¹³. Правда, Епифаний Кипрский наряду с синагогой говорит о сохранившейся на Сионе «небольшой церкви Божией, в горнице которой сходились ученики Спасителя (Деян 1:13), после того как Он вознесся с горы Елеонской» (там же), а Бордосский путник указывает на стоящий здесь дом первосвященника Каиафы со столбом, у которого бичевали Христа. Хотя эти указания не совсем согласны друг с другом, можно допустить, что с некоторых пор на Сионской горе существовала христианская святыня. В связи с этим Дж. Мерфи-О'Коннор отмечает: «Опасность и трудность доступа исключают изобретение христианами нового святого места во II веке. И если они, тем не менее, сохраняли это место, то, по-видимому, оно имело важное значение в предыдущем столетии. В то время это был престижный квартал, и некий богатый последователь Иисуса, возможно, сделал свой дом местом общинных собраний (Деян 2:44–45)»¹⁴.

Заметим, что рассуждение это основано на относительно поздних свидетельствах церковных авторов IV века. Изучая историю раннехристианской (апостольской) Церкви, исследователи, напротив, склоняются к мнению, что иерусалимские христиане I–II вв., испытывавшие периодические гонения, не имели постоянного места собраний¹⁵. В таком же положении, как мы говорили, находились и другие раннехристианские общины. Христиане собирались большей частью по частным домам, а иудеохристиане еще и в синагогах. Показательно, что Епифаний в 392 г. почти дословно повторил сообщение Бордосского путника, точнее, воспроизвел существовавшую в это время легенду о «семи синагогах» на Сионе. Между тем, как явствует из сочинения Оптата (ок. 370) *De Schismate Donatistarum*, III 2, в его время синагоги на Сионской горе уже не было (PL 11, 995). Вероятно, ее место заняла византийская церковь. Дж. Мерфи-О'Коннор вообще отрицает существование на участке Сионской церкви еврейской синагоги. Стенная ниша позади кенотафа Давида, принимаемая за место хранения свитков Торы, по его мнению, была неким вместилищем во внешней стене церковной апсиды¹⁶. Дж. Тейлор считает, что Б. Багатти и Б. Пикснер неправомерно объединили две разные традиции (или легенды):

¹² Bagatti 1982, 1 119–136; Pixner 1990.

¹³ По всей видимости, Сионская церковь была построена до 348 г., поскольку уже Кирилл Иерусалимский упоминает «церковь Апостолов на Сионе» (Поучения, XVI 4).

¹⁴ Murphy-O'Connor 1998, 106.

¹⁵ Smith 1898, 569; Taylor 1993, 209.

¹⁶ Murphy-O'Connor 1998, 106.

традицию «семи синагог» и традицию «церкви Божией» на горе Сион¹⁷. Но даже если на месте Сионской церкви все же стояла синагога, добавим мы, нет веских причин считать ее иудео-христианской. То, что синагогальная ниша ориентирована не строго на Храмовую гору (как у некоторых других синагог того времени) еще не служит верным показателем того, что строителями были не ортодоксальные евреи. Интерпретация обнаруженных здесь греческих надписей и граффити как христианских достаточно произвольна. При ближайшем изучении вещей францисканская гипотеза рассыпается как карточный домик. Вместе с ней рушится версия Б. Пикснера об известности в доникейском Иерусалиме места распятия и погребения Христа.

Миф о иудеохристианском происхождении церковных святынь породил множество причудливых гипотез и предположений. Действительность же совершенно иная. Не установлено вообще наличие в Палестине до IV в. достаточно организованной иудео-христианской общины. Правда, христианские источники сообщают о крещеных евреях, проживавших в разных местах Палестины, но эти сведения настолько скудны и отрывочны, что не позволяют говорить о иудеохристианской общине или общинах. Самых христиан в тогдашней Палестине было очень немного. В сочинении «О Палестинских мучениках» Евсевий Кесарийский рассказывает о кончине более чем 44 палестинских христиан доникейской эпохи, но ни один из них не принадлежал Иерусалимской общине. Большинство этих мучеников проживало в Кесарии Палестинской, а также в других палестинских городах: Гадаре, Элевтерополе (Бейт Гуврине), Аскалоне, Ямнии и Газе. То, что Евсевий не нашел ни одного иерусалимского мученика, весьма показательно. Видимо, христианская община в Иерусалиме не могла похвастаться своими героями, а точнее – своей величиной¹⁸. В «Церковной истории» Евсевий перечисляет предстоятелей Иерусалимской церкви, непрерывно сменявших друг друга на протяжении I–IV вв. (IV 5, 3–5; V 12, 1–2 и др.), но не говорит ни о численности этой церкви, ни о ее имуществе, ни о святынях, почитаемых в ней. До сих пор в Иерусалиме не удается найти христианского кладбища, датируемого доникейской эпохой, а израильский знаток древностей М. Ави-Йона даже заметил, что шансы тут близки к нулю.

Впрочем, имеющиеся источники время от времени пополняются вновь открытыми и обнаруженными писаниями ранних христиан. В поэтическом сочинении Мелитона, епископа Сардского (ок. 110–190) «О Пасхе», греческий оригинал которого был найден в 1940 г., встречаются такие строки, посвященные Христу:

Сей убивается!
И где убивается? Посреди Иерусалима.
Кем? Израилем (гл. 72).

И далее, обращаясь к Израилю, автор пишет:

Убил ты своего Господа посреди Иерусалима.
Слушайте, все семейства народов, и смотрите:
неслыханное убийство произошло
посреди Иерусалима (гл. 93–94).
Посреди улицы и посреди города,
среди [дня], на виду у всех,
произошло несправедливое убийство Праведника (гл. 94)¹⁹.

¹⁷ Taylor 1993, 212.

¹⁸ Б. Багатти (Bagatti 1982, 1121–22) приводит полный список палестинских мучеников I–IV вв., где указаны имена 58 лиц (не считая анонимных мучеников), из которых в Иерусалиме пострадали только первые пять: сам Иисус, Стефан, два Иакова и Симеон. При этом о кончине первых четверых говорится в Новом Завете.

¹⁹ Перевод А. Г. Дунаева (1999 г.).

Некоторые исследователи расценивают эти строки как первое в христианской литературе (и что важнее – в доникейской литературе) указание на местоположение Голгофы. Такие же слова – «посреди улицы [торговой]» (μέσης πλατείας [αγοράς]) – Евсевий Кесарийский употребляет при описании Константиновой церкви (ныне храма Гроба Господня), обозначая им то место перед входом в церковь, с которого мимоходящие любуются христианским святилищем (Жизнь Константина, III 39). Термин πλατεία (от πλατύς – «широкий») означал у греков широкую улицу или дорогу. Несомненно, Евсевий говорит о главной транспортной магистрали Иерусалима – Кардо Максимус²⁰, проложенной римлянами при строительстве Элии Капитолины. На Медебской мозаичной карте Иерусалима (VI в.) эта улица, пересекающая город с севера на юг, изображена обрамленной колоннадой. Археологические раскопки отдельных участков Кардо Максимус открыли и эту колоннаду, и торговые лавки, тянувшиеся вдоль улицы. Становится понятно, почему в некоторых рукописях Евсевиевой «Жизни Константина» в этом месте к слову πλατεία добавлено (αγοράς – «рыночная, торговая»).

Но что имел в виду епископ Мелитон, когда писал, что Иисус был распят «посреди улицы и города»? На этот счет выдвинуто несколько версий, исходящих из того, что Мелитон был знаком с топографией римского Иерусалима и отразил в своей поэме раннехристианскую (и даже иудеохристианскую) локацию Голгофы. Из упомянутого выше письма Мелитона к Онисиму, в котором говорится о путешествии епископа на Восток, «до тех мест, где Писание было проповедано и исполнено», английский исследователь Мартин Биддл делает вывод, что «Мелитон намеренно разыскивал место распятия, и это дает дополнительный вес его заявлениям относительно его местоположения»²¹.

М. Биддл обращает внимание, что словом πλατεία в Септуагинте переведено слово «площадь» в стихе Неем 8:16 «площадь у Ефремовых ворот», а также приводит две римские надписи I–II вв., в которых латинский термин *platea* также означает, по-видимому, двор или площадь, лежащую перед храмом или перед воротами²². Таким образом, под πλατεία Мелитона М. Биддл предлагает понимать римский форум, располагавшийся южнее Адрианова храма Венеры, на месте нынешнего Муристана, и называемый современными археологами западным форумом Элии Капитолины. «Если так, – пишет М. Биддл, – то Мелитон может отражать иерусалимскую традицию, которая направила поиск, предпринятый 150 лет спустя, по приказу Константина, в пределах области храма или на смежном с ним участке, где, возможно, находилась общественная площадь и где епископ Макарий производил раскопки в 325/6 г.»²³

Надо сказать, что М. Биддл несколько неточен. В Септуагинте, в стихе Неем 8:16 (2 Езд 8:16) стоит: ἐν πλατείας τῆς πόλεως, что означает: «на улицах города». Авторы Септуагинты достаточно вольно в Септуагинте же читаем: καὶ ἐν πλατείας τῆς πόλεως καὶ ἕως πύλης Εφραϊμ («и на улицах города, и до ворот Ефремовых»). Обычно в Септуагинте словом πλατεία передано настоящее еврейское слово, обозначающее ⁴²ется еврейское רחוב (ср. «улица, улицы») – «площадь» (как правило, рыночную), – שוק – авторы Септуагинты переводят соответствующим чешским словом ἀγορά (Еккл 12:4, 5; Песн 3:2; ср.: «торг» в Мк 7:4).

Допустим, что в римских надписях, приведенных М. Биддлом, *platea* означает площадь. Добавим также, что и на некоторых средневековых картах Иерусалима мы встречаем обозначение двора между мечетью ал-Акса и Куббат ас-Сахра как *platea Templi* а также и самого Мури-

²⁰ Ныне улицы Тарик Баб ал-Амуд, Сук Хан аз-Зайт и Харет ан-Наби Дауд (евр.: Бейт Хаблад).

²¹ Biddle 1999, 60.

²² Ibid., 61.

²³ Ibid., 62.

²⁴ Суд 19:15; 2 Цар 21:12; 2 Пар 32:6; Езд 10:9; Есф 6:9, 11; Иов 29:6; Пс 54:12; Притч 5:16; Иез 26:11; Дан 9:25.

стана – как *platea Ecclesia Resurfrectionis*]²⁵. Но далеко не всегда римляне разумели под *platea* двор или площадь. Как и греки, у которых они заимствовали это слово, они обычно называли так широкую оживленную улицу. Применительно к Иерусалиму о *platea*, ведущей от Новой церкви Юстиниана к источнику Силоам, сообщает пилигрим из Плацентии (CSEL 39, 174).

С тем же западным форумом Элии Капитолины отождествляет Мелитонову *πλατεία* английская исследовательница Джоан Тейлор. Она считает, что Голгофа не могла указываться посреди Кардо Максимус, поскольку в Евангелиях Голгофа представлена как более или менее обширный участок (тогтос; – «место»), а не какой-то маленький пункт, который мог уместиться посреди улицы, пусть даже широкой. «Иерусалимские христиане доконстантиновой эпохи, – рассуждает Дж. Тейлор, – кажется, помещали Голгофу южнее Западного форума. То, что форум этот был идентифицирован как место смерти Иисуса в конце II века, когда его посетил Мели-тон, позволяет предположить, что христиане в Иерусалиме имели некоторое общее понятие о той области, где Иисус умер и был погребен. Если бы Иерусалимская церковь просто изобрела это место, тогда ей было бы удобнее выбрать его вне Элии, поскольку очень немногие люди тогда могли бы знать, что область форума на север от ворот Генната (“Садовых”) находилась вне стен Иерусалима во времена Иисуса. Христианам II века это место казалось бы странным для распятия Иисуса. Да и многие сегодняшние христиане предпочитают воображать, что Голгофа расположена вне Дамасских ворот существующего Старого города, в области так называемой “Садовой гробницы”. Поэтому очень возможно, что Иерусалимская церковь сохраняла память о местоположении Голгофы, несмотря даже на радикальные разрушения и перестройки, которые совершенно преобразили Иерусалим»²⁶.

Рассуждение такое весьма любопытно. Действительно, для христиан римской Элии было бы довольно странным помещать Голгофу посреди Кардо Максимус. Столь же странно помещать Голгофу на римском форуме или южнее его (южнее форума проходил Декуманус), пренебрегая новозаветными указаниями, что Иисуса распяли за городом, вне городских стен (Ин 19:20; Евр 13:12). Все это так, но английская исследовательница строит на этом *argumentum ex contrario*: если тем не менее Мелитону показали Голгофу вблизи римского форума, стало быть, у иерусалимских христиан были на то веские причины. Будучи противницей гипотезы Багатти-Теста о иудеохристианском происхождении палестинских святынь, Дж. Тейлор все-таки считает, что «переход от иудейской церкви к языческой в Иерусалиме не должен подразумевать радикальное изменение в ее составе или разрыв в существовавшей традиции и коллективной памяти»²⁷. Таким образом, Дж. Тейлор соглашается с Багатти-Теста в том, что в доникейские времена существовала традиция или коллективная память (*community memories*) насчет местоположения евангельских мест.

Спрашивается, однако, почему епископ Мелитон, вызвавший своей *πλατεία* столь обширные топографические изыскания нынешних исследователей, никак не оговорился, что имеет в виду современную ему римскую Элию Капитолину, но прямо пишет, что Иисус был распят «посреди города», «посреди Иерусалима»? Неужели ему или его предположительным информаторам из числа иерусалимских христиан было все равно, происходило ли дело в библейском Иерусалиме или в императорской колонии, построенной на его месте? Мы были бы вправе усмотреть в помещении Голгофы «посреди города», «посреди Иерусалима» вопиющее противоречие с данными Евангелий, если бы Мелитон в самом деле пытался указать место распятия Христа. Но епископ Сардский писал не топографическое сочинение и даже не экзегетический труд, а религиозную поэму, насыщенную условными образами. Слова «посреди Иерусалима», «посреди улицы», «посреди города» по большей части образные, так же как образно

²⁵ Например, на голландской карте 1639 г. (F. Quaresmius'a) – <http://maps-of-jerusalem.huji.ac.il/html/jer250.htm>

²⁶ Taylor 1993, 135.

²⁷ Ibid.

и обращение автора к Израилю. Вместо выражения «посреди Иерусалима» Мелитон вполне мог бы сказать «посреди Израиля» – с тем же значением этой фразы: на самом видном месте, на виду у всего израильского народа. Не случайно в коптской, сирийской и грузинской версиях сочинения «О Пасхе» вместо выражения «посреди улицы и города» стоит множественное обобщающее число: «посреди улиц города». Вероятно, так и было в оригинале сочинения «О Пасхе», то есть вместо ἐπ'ὶ μέσῃ πλατείᾳ изначально стояло: ἐν μέσαις πλατείαις²⁸. Ничего конкретного о местоположении Голгофы из стихов Мелитона извлечь нельзя.

Сам М. Биддл отмечает, что, говоря о πλατεία, Мелитон, вероятнее всего, находился под впечатлением стиха Откр 11:8, где рассказывается о гибели двух «свидетелей Божиих» (Еноха и Илии?): «и трупы их оставят на улице (ἐπὶ τῆς πλατείᾳ) великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят» (11:8). «Если текст Откровения не был откорректирован в этом месте, чтобы соответствовать ситуации после 135 г., – рассуждает английский исследователь, – то эта фраза, кажется, отражает традицию идентификации Голгофы, имевшуюся в конце первого столетия, когда было написано Откровение и когда место распятия уже лежало в пределах Третьей стены, построенной в 41–44 гг., перед строительством Кардо»²⁹.

Эта πλατεία Откровения, на которой были брошены тела «свидетелей Божиих», примечательна только тем, что она сопровождается ремаркой: «где и Господь наш распят». Означает это, впрочем, не то, что М. Биддл пытается вывести отсюда, а то, что Мелитон использовал уже существующую риторическую фигуру или символ, который до него употребил применительно к Христу автор Откровения. Вероятно, что и автор Откровения в свою очередь заимствовал этот символ из более раннего апокалипсиса, скорее даже нехристианского³⁰. Во всяком случае, то, что Египет, наряду с Содомом, олицетворяет в этом месте Откровения нечестие и грех, весьма характерно для иудаистского мировоззрения. Никакого отношения к топографии исторического Иерусалима символика Откровения и Мелитона не имеет.

Мы должны констатировать, что до IV века – вплоть до церковного открытия Гроба Господня – в христианской литературе не встречается *никаких* указаний на место погребения Иисуса. За исключением короткой статьи о Голгофе в «Ономастиконе» Евсевия Кесарийского, которую мы рассмотрим ниже, нет также никаких указаний на место распятия Христа. Упомянутые стихи Мелитона Сардского нельзя признать таким указанием. В то же время видно, что во второй половине III – начале IV вв. в Церкви возрастает интерес к местам, связанным с жизнью и страданиями Иисуса Христа, а также с деятельностью других новозаветных героев. В числе таких мест указываются пещера на вершине Елеонской горы и пещера Рождества в Вифлееме. О других «святых местах», за отсутствием данных, нельзя сказать что-либо определенное. Сам термин «святые места», обычный у греко-римских авторов, начинает употребляться в Церкви только в Никейскую эпоху. В источниках он впервые встречается в письме императора Константина Иерусалимскому епископу Макарию (*Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина*, III 52).

²⁸ Biddle 1999, 61.

²⁹ Ibid., 64.

³⁰ Ср. Тов 2:3.

2. Церковное открытие Голгофы и Гроба Господня

Итак, ранние христиане не особенно интересовались местоположением Голгофы и гробницы Иисуса. Ситуация коренным образом изменилась в начале IV века, когда христианство из доселе отверженной и гонимой секты внезапно превратилось в господствующую в Империи религиозную, социально-политическую и финансовую организацию. Именно тогда Церковь ощутила настоятельную потребность в наглядных, общедоступных, вещественных памятниках, свидетельствующих об истинности новой религии. В числе первейших таких памятников был найден и идентифицирован Гроб Господень. О том, как это произошло, сообщает уже цитированный нами авторитетнейший христианский историограф Евсевий Кесарийский (ок. 260–340) в панегирическом сочинении «Жизнь Константина». Примечательно, что автор был почти что свидетелем этого самого открытия.

«Устраивая таким образом все разумно, – пишет Евсевий о событиях, последовавших за Никейским собором 325 г., – боголюбивый император приступил к созданию величайшего памятника в Палестине. Какого же именно? Ему угодно было священнейшее место спасительного Воскресения в Иерусалиме сделать славным объектом всеобщего благоговения. Посему он повелел немедленно построить там молитвенный дом и задумал это не без внушения свыше, будучи подвигнут духом самого Спасителя» (III 25).

Сообщив об императорском решении, Евсевий переходит непосредственно к истории гробницы Христа: «Некогда нечестивые люди, или, лучше сказать, через них все демонские силы, приложили старание скрыть во мраке и предать забвению тот божественный памятник бессмертия, где снисшедший с неба светозарный ангел отвалил камень от душ окаменевших и мнивших найти живого [Христа] между мертвыми, где он изрек благовестие женам и, сбросив камень неверия с их помыслов, вывел их из заблуждения касательно понятия о жизни Того, Которого они искали. Сию спасительную пещеру (τὸ σωτήριον ἄντρον) некоторые безбожники и нечестивцы умыслили скрыть от взора людей, с безумным намерением скрыть через это истину. Употребив много трудов, они навезли откуда-то земли и завалили ею все то место. Потом, подняв насыпь до некоторой высоты, замостили ее камнем и под этой высокой насыпью сокрыли божественную пещеру (τὸ θεῖον ἄντρον). По окончании такой работы им оставалось только на поверхности земли приготовить странную, поистине гробницу душ, и они построили мрачное жилище для мертвых идолов, тайник (οὐκσίον) демона сладострастия Афродиты, где на нечистых и мерзких жертвенниках приносили ненавистные жертвы. Так, а не иначе думали они привести свою мысль в исполнение, скрывая ту священную пещеру под отвратительными нечистотами... Водимый духом Божиим, он (Константин) не оставил без внимания того места, по умыслу врагов заброшенного всякими нечистыми веществами и преданного совершенному забвению, не уступил злобе виновников сего зла, но, призвав на помощь Бога, повелел очистить упомянутое место, думая, что, будучи осквернено врагами, оно должно быть украшено им с тем большим великолепием. В силу этого повеления убежище обмана было тотчас разрушено сверху донизу, жилище заблуждения со всеми статуями и демонами ниспровергнуто и раскопано» (III 26).

«Ревность императора не ограничилась этим. Материал раскопанного идольского капища, состоявший из камней и деревьев, он приказал взять и бросить далеко от того места, что тотчас же и было исполнено. Но этого еще мало: вдохновленный свыше император повелел до значительной глубины раскопать саму почву на том месте и землю, оскверненную идольскими возлияниями, вывезти как можно далее оттуда. Немедленно было исполнено и это. Когда же снимали слой за слоем, вдруг во глубине земли, *сверх всякого чаяния*, показалось пустое пространство, а потом честное и всесвятое знамение спасительного Воскресения. Тогда священнейшая пещера сделалась для нас образом возвратившегося к жизни Спасителя, сокры-

тая во мраке, она наконец снова вышла на свет и приходящим видеть ее представляла поразительную историю совершившихся в ней чудес, делами, громче всякого голоса, свидетельствуя о воскресении Спасителя» (III 27–28; PG 20, 1085–1089).

«По совершении этого император немедленно сделал благочестивые распоряжения и, дав обильное пожертвование, повелел около спасительной пещеры строить с царским великолепием и богатством приличный Богу молитвенный дом. Предположив это задолго и с *величайшей проницательностью* сообразив будущее, он приказал архонтам восточных епархий содействовать в роскошной, великолепной и богатой отделке храма щедрыми и обильными приношениями» (III 29; курсив мой. – Б. Д.).

Из напыщенного и велеречивого, свойственного всякому панегирику, повествования Евсевия мы можем извлечь некоторые факты:

1) «спасительная, божественная пещера» – это гробница, в которой был погребен основатель христианства и где совершилось его воскресение из мертвых;

2) «нечестивые люди», засыпавшие пещеру землей, – по всей видимости, не иудеи, а римляне («язычники»). Следующие слова о том, что на этом месте был построен храм Афродиты, позволяет видеть в «нечестивых людях» не кого-нибудь, а строителей Элии Капитолины, римской колонии, построенной по распоряжению императора Адриана на месте дважды разрушенного (в 70 и 135 гг.) Иерусалима.

Афродита – греческая параллель римской богини любви Венеры, которой, собственно, и было посвящено святилище, построенное над гробницей Христа. Под «отвратительными нечистотами» и «нечистыми веществами» надо понимать жертвы, приносимые в храме Венеры ее многочисленными поклонниками³¹. Со времен Юлия Цезаря культу Венеры придавалось все большее значение. От Венеры, считалось, произошел род Цезарей. Ей придавался статус не только покровительницы императорского дома, но и защитницы всего римского народа.

На сохранившейся римской монете времен Антонина Пия (138–161), чеканенной в Элии Капитолине, изображен храм со стоящей в нем статуей Венеры Победительницы (Victrix). Богиня представлена опирающейся на копье, с зубчатой в виде башни короной (отчего в ней видят также богиню судьбы Тихе); правой ногой она попирает лежащего перед ней человека, символизирующего поверженную Иудею. Некоторые ученые находят, что колонны римского храма на этой монете похожи на колонны, находящиеся ныне в часовне Елены в храме Гроба Господня.

Следующие факты, извлекаемые из рассказа Евсевия, можно сформулировать таким образом:

3) император Константин по вдохновению свыше велел снести почитаемое святилище Венеры и построить на его месте христианскую церковь «с тем большим великолепием»;

4) во время этих работ при раскопках под римским храмом была найдена гробница Христа, что еще раз подтвердило прозорливость и боговдохновенность первого христианского императора.

Из рассказа Евсевия явствует, что, когда Константин принял решение о строительстве церкви на месте римского храма и когда это строительство началось, сама гробница Иисуса еще не была найдена. Не открытие гробницы повлекло строительство церкви, а, напротив, строительство церкви привело к открытию гробницы. Но отчего, спрашивается, церковь решено было построить именно на том участке, где потом и обнаружилась гробница, – на месте римского храма Афродиты-Венеры? Имелись ли у топографов Константина какие-то предварительные сведения о гробнице Иисуса? Существовала ли традиция почитания данного участка

³¹ Ср.: *Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина*, III 52: «Святые места осквернять непотребными жертвами – поистине, великое нечестие».

христианами? Евсевий об этом не говорит. Он пишет лишь о величайшей проницательности Константина, который действовал по вдохновению свыше.

Примечательны слова Евсевия, что гробница была открыта сверх всякого ожидания (τοῦ ἑλπίδα πᾶσαν). Получается, что, разрушая «идольское капище» с тем, чтобы возвести на его месте христианскую церковь, строители Константина еще не знали о том, что под капищем скрывается гробница основателя Церкви. Уже одно то, что Евсевий представляет открытие гробницы как неожиданность, свидетельствует о том, что рабочим Константина не было известно точное место погребения Христа. Величайшим чудом называет Константин открытие святой гробницы в письме к Иерусалимскому епископу Макарию, которое Евсевий приводит следом за цитированными нами строками (III 30).

В другом сочинении – «Теофании», III 61 – Евсевий сообщает, что на этом месте была найдена лишь одна пещера-гробница (PG 24, 620). Современные исследователи склоняются к мнению, что на самом деле было найдено несколько гробниц, т. е. небольшое еврейское кладбище. Но когда Евсевий прибыл на место, он действительно увидел только одну гробницу, показанную ему, – именно ту, которую идентифицировали как могилу Христа. Соседние с ней еврейские гробницы уже срыли или уничтожили для того, чтобы выделить нужную.

Добавим, что в том же 326 г. на Святой земле были обнаружены еще две пещеры, связанные с евангельскими событиями: в Вифлееме – «место первого богоявления Спасителя и рождения Его во плоти», а на Елеонской горе – место Вознесения. Над всеми этими святыми местами по велению Константина были возведены христианские церкви. Евсевий называет все эти пещеры таинственными (Жизнь Константина, III 41; Похвальное слово Константину, IX 16–17). Это пристальное внимание христиан к палестинским пещерам и гротам весьма примечательно. Мы еще вернемся к этому обстоятельству.

Показательно, что Евсевий говорит об открытии в Иерусалиме гробницы Иисуса, но ничего не сообщает об открытии места распятия, то есть Голгофы. В другой своей работе – чисто топографической – «Ономастиконе» Евсевий локализует Голгофу таким образом: «Это Лобное место, где был распят Христос; оно указывается в Элии, к северу от (или на северных отрогах – Ρορσιου;) горы Сион» (74, 19–21; ППС 1, 360). Конечно, указание «на север от горы Сион» можно понимать достаточно широко: в эту местность можно включить весь нынешний Армянский квартал в Старом городе, вплоть до улицы Давида и Яффских ворот. Переводя Евсевиев «Ономастикой» на латинский язык, Иероним Стридонский заметил, что это произведение было одним из последних сочинений Евсевия, написанным после «Церковной истории», «Хроники» и других работ. Современные исследователи, напротив, склонны датировать «Ономастикой» последними годами III в. или первыми годами IV в., до прихода к власти Константина Великого и до открытия гробницы Иисуса. Следовательно, Евсевий, связывая Голгофу с Сионской горой, отражает некий взгляд, существовавший тогда в Церкви. Ученые разошлись в оценках этого сообщения. В то время как одни находят в нем подтверждение церковной традиции, помещающей Голгофу на том месте, где она ныне и показывается, – в храме Гроба Господня, другие считают это указание свидетельством того, что Евсевий и не думал помещать Голгофу на том участке, где была открыта гробница Иисуса.

М. Биддл сближает это указание Евсевия с πλάτεια в поэме Мелитона Сардского и Откровении 11:8 и видит в нем всю ту же предполагаемую раннехристианскую локацию Голгофы: «Использование названия “Элия”, а не “Иерусалим”, имеет специфическое значение. Но местоположение “в Элии”, а не “вовне” или даже от горы Сион “вне” Элии является, конечно, существенным. Если бы Евсевий пожелал, он бы описал это место как находящееся в окрестностях Элии. Таким образом, его помещение Голгофы “в Элии, на север от горы Сион”, вероятно, отражает продолжение традиции, переданной Мелитоном. Поразительно, что Евсевий использует здесь, как неоднократно в других местах, слово δείκνται (“показывается, указывается”), с ясным значением, что это было нечто достаточно заметное. Перевод Иеронимом

Евсевиева взгляда на Голгофу, кажется, подтверждает это: «Голгофа, место Лобное (Calvary), на котором распят Спаситель за спасение всех. И доныне оно указывается в Элии, к северу (буквально: на северной стороне) горы Сион (Onomasticon, 75, 20–22)»³².

Стоит, однако, заметить, что и евангельскую Акелдаму – «Поле крови» Евсевий также размещает «на северных отрогах горы Сион», в том же месте, что и Голгофу (Onomasticon, 38, 20–21). Согласитесь, что этот не учтенный доселе важный момент способен охладить пылкую восторженность М. Биддла. Видимо, на «северных отрогах горы Сион» при Евсевии указывалось несколько евангельских объектов (если не все), и выражение это надо понимать в самом общем смысле. Позднее церковная традиция, отраженная на Медебской карте, поместила Акелдаму совсем в другом месте – юго-западнее горы Сион. Вероятно, точно так же были «разнесены» по своим участкам и другие евангельские объекты, когда пришло тому время.

Почему все же Евсевий связывает Голгофу с Сионской горой? Или, точнее говоря, почему ориентиром для Голгофы служит Сионская гора, а, скажем, не Храмовая, не какие-либо городские ворота и т. п.? Оказывается, в Церкви не только почитали Сионскую гору как особенно святую, связанную со многими библейскими событиями, но и рассматривали ее с точки зрения топографии как господствующую над городом высоту, так что сам Иерусалим считался прилегающим к ней, располагающимся на ее склоне. Восемь столетий спустя то же самое пишет о храме Гроба Господня паломник Зевульф (ок. 1102): «Церковь эта располагается на склоне Сионской горы, так же, как город». Более того, во времена крестоносцев считалось, что древний Иерусалим целиком располагался на Сионской горе. Об этом читаем в сочинении *La Citez de Jherusalem* (ок. 1220) неизвестного французского автора: «Иерусалим не стоит больше на том месте, где он стоял, когда Иисус Христос [пребывал на земле,] был распят и воскрес из мертвых. Когда Иисус Христос пребывал на земле, город Иерусалим находился на Сионской горе, но ныне не находится там. Ныне там только аббатство, и в этом аббатстве церковь святой Марии»³³.

Если такой взгляд существовал и во времена Евсевия, то его помещение Голгофы «в Элии, на северных отрогах горы Сион» можно понимать как указание на север от библейского Иерусалима или на северную часть библейского города. Но это слишком общее указание. В этой стороне находятся не только храм Гроба Господня, но и «Голгофа Гордона», и «Садовая гробница» (см. далее, гл. 6), и другие альтернативные локации, связанные с распятием и погребением Христа.

* * *

Продолжим изучение источников. Если Евсевий рассказывает лишь об открытии «божественной гробницы», то последующие церковные историки обращают мало внимания на открытие гробницы, но повествуют главным образом о нахождении креста распятия. Если Евсевий ограничивается кратким упоминанием о посещении матерью Константина святых мест Палестины и построении ею некоторых церквей³⁴, то у последующих церковных авторов царица-мать Елена становится организатором и руководителем археологических изысканий в Иерусалиме.

³² Biddle 1999, 63–64.

³³ *La Citez de Jherusalem*. Transl. C. R. Conder // PPTS 6. London, 1896.

³⁴ «Жизнь Константина», III 42–43: «Эта старица необыкновенного ума с быстротой юноши поспешила на Восток и с царской заботливостью обозревала дивную землю, восточные епархии, города и селения, с той целью, чтобы совершить должное поклонение стопам Спасителя... В то же время воздвигла она поклоняемому Богу два храма: один при пещере Рождества, другой на горе Вознесения». Поездку в Палестину Елена совершила в 326 г., в глубокой старости, незадолго до своей смерти в 327 г. Евсевий сообщает об особом внимании Елены к пещере Рождества в Вифлееме и к месту Вознесения на Елеонской горе, но не говорит, побывала ли царица-мать в прежде всех открытой гробнице Христа.

Руфин Аквилейский (ок. 345–410), переведший Евсевиеву «Церковную историю» на латинский язык, по сути дела, создал новый вариант этого сочинения. Его рассказ таков: «В то же время Елена, мать Константина, женщина безупречной веры и религиозной души, несравненная благородством, чьим сыном по праву был Константин, побужденная, говорят, божественным видением, отправилась в Иерусалим и там у местных жителей разузнала о месте, где на кресте висело священное тело Христа. Однако поиск был затруднен тем, что в свое время гонители установили в том месте статую Венеры, чтобы, если кто из христиан захотел бы в том месте молиться Христу, оказывалось бы, что он молится Венере. И из-за этого место то стало редко посещаемо и почти забыто. Но когда (как мы сказали выше) религиозная женщина поспешила к месту, отмеченному знаком небесным, удалив с него все нечистое и порочное, в глубине под мусором нашла беспорядочно лежащие три креста. Однако радость обретения находки нарушалась внешней неразличимостью крестов. Хотя там была найдена и табличка, на которой Пилатом была сделана надпись на греческом, латинском и еврейском языках, однако ясного указания на Крест Господень не было. Поэтому человеческая неопределенность нуждалась в божественном свидетельстве. Случилось, что в том же городе недалеко от этого места находилась снедаемая тяжким недугом и уже умирающая знатная женщина. Епископом Церкви того города в то время был Макарий. Когда он увидел царицу, стоящую в нерешительности, а также всех, кто там присутствовал, то сказал: “Принесите сюда все кресты, какие были найдены, и тот, что нес на себе Господа, откроет нам Бог”. И вступив вместе с царицей, а также с народом [в дом] к той, которая была при смерти, став на колени, произнес такую молитву к Богу... (далее следует длинная молитва. – Б. Д.) И когда он сказал это, приложил [к больной] сначала первый из крестов, но ничего не достиг. Приложил второй, и также ничего не произошло. Когда же он приложил третий, женщина, открыв вдруг очи, встала и, когда вернулась к ней телесная крепость, стала она более свежей, нежели когда лежала больной. И все в доме засуетились и принялись славить могущество Божие. Так, получив очевидное свидетельство, царица по данному обету с царственным рвением построила удивительный храм на том месте, где был обретен Крест. Гвозди же, которыми тело Господне было приколочено [ко Кресту], отправила к сыну... Это происходило в Иерусалиме» (Церковная история, X (I), 7–8)³⁵.

Совершенно идентично рассказу Руфина повествование Сократа Схоластика (ок. 380–450): «Мать царя Елена, во имя которой император прежнее селение Дрепану сделал городом и назвал Еленополисом, получив наставление во сне, отправилась в Иерусалим. Нашедши же его, по пророку, пустым как *овощное хранилище* (Пс 78:1 по Септуагинте), она начала ревностно искать гробницу, где Христос был погребен и воскрес и, хотя с трудом, однако, при помощи Божией, отыскала. А какая была причина затруднения, скажу кратко. Мудрствующие о Христовом чтили эту гробницу со времени страстей; а убегающие от Христа зарыли то место и, построив на нем капище Афродиты, поставили идола, чтобы истребить самую память о месте. В древности все это им удалось. Но матери царя дело стало известно. Сняв идола, откопав и очистив место, она нашла в гробнице три креста: один – преблаженный, на котором висел Христос, а прочие – на которых распяты были и умерли два разбойника. Вместе с ними найдена и дощечка Пилата, на которой распятого Христа провозглашал он в разных письменах Царем Иудейским. Но так как все еще неизвестен был Крест искомый, то мать царя обуюла немалая скорбь. От этой скорби вскоре, однако, избавил ее Иерусалимский епископ по имени Макарий. Он разрешил недоумение верою, то есть просил у Бога знамения и получил его. Это знамение состояло в следующем: в той стране одна жена одержима была долговременной болезнью и, наконец, находилась уже при смерти. Епископ вознамерился поднести к умирающей каждый из тех крестов, веруя, что, коснувшись Креста драгоценного, она выздоровеет. Надежда не обма-

³⁵ Перевод В. М. Тюленева (2005 г.).

нула его. Когда подносили к жене два креста не Господних, умирающей нисколько не было лучше, а как скоро поднесен был третий, подлинный – умирающая тотчас укрепилась и возвратилась к совершенному здравью. Таким-то образом найдено древо Креста. Между тем, мать царя предложила создать на месте гробницы многоценный молитвенный дом и, построив его против того древнего разрушенного Иерусалима, назвала Иерусалимом новым. Что же касается Креста, то одну часть его, положив в серебряное хранилище, оставила она там, как памятник для последующих историков, а другую послала к императору... Это написал я хотя и по слуху, однако о подлинности сего события говорят почти все жители Константинополя. Константин получил также и гвозди, которыми прибиты были ко Кресту руки Христовы, ибо мать и их нашла в гробнице и послала сыну» (Церковная история, 117; PG 67, 117–120).

Примерно так же выглядит этот рассказ в изложении Феодорита Кире ко го (386–457): «Узнав, что безумные и неистовые почитатели идолов засыпали гроб Господень и через то старались предать забвению память нашего спасения и наверху его построили храм демону сладострастия (ακολάτου δαίμονος), насмехаясь над родившей Девой, император сперва повелел разрушить это постыдное здание, а землю, оскверненную нечистыми жертвами, вынести и бросить как можно далее за город, потом приказал построить величайший и прекраснейший храм» (Церковная история, 115). Затем Феодорит приводит письмо Константина к Макарию, в котором есть такие строки: «Знамение святейших страстей, скрывавшееся так долго под землею и остававшееся в неизвестности в продолжение целых веков, наконец, через низложение общего врага, воссияло для освободившихся от него рабов Господних и поистине служит предметом выше всякого удивления» (там же, I 16). «Это послание доставлено (епископу) не кем-нибудь иным, а самую мать царя, тою матерью прекрасного сына, которую прославляют все благочестивые. Она-то, водительница этого света и питательница его благочестия, взяла на себя труды путешествия, презрела немощь старости, ибо совершала этот путь незадолго до своей смерти, а умерла восьмидесяти лет. Увидев место, принявшее спасительные для всего мира страдания, она тотчас повелела разрушить упомянутый постыдный храм и вывезти сор. Когда же открылась скрывавшаяся до того времени гробница, то явились три креста, зарытые при Гробе Господнем. Тут все несомненно уверились, что один из них был Крест Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, а прочие кресты распятых с Ним разбойников, но никто не знал, который именно прикасался к телу Господню и принял капли драгоценной его крови. В этом случае мудрейший оный и поистине божественный Макарий, предстоятель города, разрешил это недоумение следующим образом. Одна знаменитая женщина одержима была продолжительною болезнью. Возлагая на нее с молитвой и благоговением каждый из этих крестов, он узнал силу Креста Спасителя, который, лишь только коснулся той жены, тотчас исцелил тяжкую ее болезнь и возвратил ей прежнее здоровье. Таким образом, мать царя достигла того, что составляло предмет пламенных ее желаний. Что же касается до гвоздей, то некоторые она вбила в шлем императора, заботясь о голове своего сына, чтобы от нее отражались неприятельские стрелы, другие вковала в узду его коня, имея в виду и безопасность царя» (там же, 117; PG 82, 956–960).

Нетрудно заметить, что Феодорит несколько смешал события. Письмо Константина епископу Макарию, которое заимствовано из сочинения Евсевия и где оно стоит после сообщения об открытии гробницы Христа, здесь поставлено до этого события, отчего получилось, что император восторгается тем, чего еще нет. Но это не ошибка или недосмотр автора «Церковной истории». Следуя за Евсевием в изложении материала, приводя те же документы, Феодорит, конечно, заметил расхождение данных Евсевия с тем рассказом, который существовал в Церкви и который передали Руфин и Сократ Схоластик. Феодорит не решился целиком отвергнуть данные «отца церковной истории», но предпочел их несколько подтасовать. Таким образом, была сохранена композиция сочинения Евсевия с включением в нее (хотя и не совсем

удачно) нового рассказа о поисках евангельских святынь царицей Еленой и выпавшей на ее долю чести открытия Гроба Господня и Святого Креста.

Еще один грекоязычный христианский историк V в. – Гермий Созомен (ум. ок. 450), – написавший «Церковную историю» на основе сочинения Сократа Схоластика, приводит историю обретения Святого Креста в наиболее развернутом виде. Его сказание начинается так:

«Когда окончилось все, происходившее в Никее, священники разъехались по домам. Император же, чрезвычайно заботясь о восстановлении единства учения в католической Церкви и желая изъяснить благодарность Богу за единодушие епископов, за себя, за детей и за царство, повелел, чтобы был построен молитвенный дом в Иерусалиме, на месте, называемом Лобным. В то же самое время его мать Елена прибыла в город с целью совершения молитв и посещения святых мест. Питая благочестивое рвение к вере христианской, она весьма желала найти древо священного Креста. Но найти его, равно как и Гроб [Господень], было делом нелегким, ибо эллины, которые в прежние времена преследовали Церковь и всеми средствами старались истребить едва возникшее богопочитание, скрыли то место под большим холмом и подняли его, тогда как прежде, подобно нынешнему своему положению, оно было углубленно. Окружив место воскресения и Лобное место стеною, они выстлали поверхность камнем, построили храм Афродиты и установили ее изображение, так, чтобы те, кто приходил сюда, чтобы поклоняться Христу, казалось, кланялись Афродите. Истинная причина поклонения в этом месте с течением времени была забыта; ибо христиане не могли безопасно посещать это место и показывать его другим, между тем как греческий храм и статуя пользовались почетом.

Царица Елена находит Святой Крест. Рисунок из манускрипта 825 г.

Однако ж, когда место это было обнаружено, то был изобличен столь тщательно придуманный обман. Некоторые говорят, что сделано это было по указанию одного мужа еврейского, который жил на Востоке и который знал о том из книги, доставшейся ему от отцов. Но, кажется, более соответствует истине то, что Сам Бог раскрыл дело посредством знамений и сновидений; ибо я не думаю, чтобы предметы божественные нуждались в указании человеческом, когда Богу угодно открыть их. Итак, когда по повелению императора означенное место было очи-

щено, то в глубине на одной его стороне обнаружилась пещера Воскресения, а на другой, близ того же места, были найдены три креста, и отдельно от них найдена еще деревянная дощечка, на которой словами еврейскими, греческими и римскими было написано: *Иисус Назорей, царь Иудейский*. Это, как говорит священная книга евангельской истории, было написано над главою Христа по приказанию Пилата, правителя Иудеи» (Церковная история, II 1, 1–5; PG 67, 929–932).

Следующий далее рассказ об отделении Святого Креста от двух других у Созомена полностью идентичен рассказам Сократа Схоластика и Феодорита. Повествование Созомен заканчивает ссылкой на свои источники – «мужей, которым описанное событие совершенно известно и которые получили сведения по преемству, от отцов к детям, по возможности описали их и оставили потомкам» (там же, II 2). Такой ссылкой Созомен пытался придать вес своему рассказу. Между тем источники его установлены точно: это церковные историки, предшествовавшие ему, главным образом – Сократ Схоластик. При этом, в отличие от Созомена, Сократ Схоластик честно признавался, что писал об обретении Святого Креста по слухам.

Западнохристианские писатели передают ту же легенду, иногда лишь добавляя новые детали. Амвросий Медиоланский (339–397) в «Слове на кончину Феодосия», 43–48, рассказывает, что «блаженная Елена, прибыв в Иерусалим, начала посещать святые места и по вдохновению Духа искала древо крестное. И, приступив к Голгофе, говорила сама себе: вижу я здесь место сражения, но не вижу победы; ищу знаков спасения и не обретаю... Тогда Дух Божий наустил ее искать древо крестное. Тогда пришла она на Голгофу и велела копать, и открылись три инструмента мученичества, которые были погребены глубоко под землей и тем самым сохранились от происков врагов... Итак, раскопав землю, находит три креста, заброшенные среди развалин и скрытые от врага. Но знамение победы Христовой не могло исчезнуть: [она] приходит в сомнение как женщина, но Дух Святой уверяет ее, что два разбойника распяты были со Христом. Потому ищет она среднее древо, поскольку кресты случайно могли быть перепутаны. Уточняет по Евангелию и находит, что на среднем кресте сделана была надпись (titulus): *Иисус Назорей, Царь Иудейский*. По этой надписи нашла она спасительный крест. Пилат на требование иудеев ответил: *что я написал, то написал*, то есть я написал не то, что вам нравится, но что могли бы познать и времена будущие; писал я не для вас, но для потомственных веков и словно бы так сказал: чтобы Елена, читая это, познала крест Господень. Найдя надпись, поклонилась Царю, а не дереву, как язычники, заблуждаясь, суемудрствуют. Поклонилась висевшему на древе, обозначенному в надписи поклонилась... Искала гвоздей, которыми Господь распят был, и, обрета, один из них употребила в узду, а другой – в диадему: один – для красоты, а другой – для проявления своей веры и благочестия» (PL 16, 1400–1402).

Не без оснований полагают, что Амвросий изложил легенду об обретении Святого Креста в ее наиболее раннем виде. М. А. Бойцов обращает внимание на то, что Амвросий еще не знает о чудесных свойствах истинного Креста. Царица Елена вовсе не выбирает из трех найденных крестов, но сразу находит нужный по прикрепленной к нему табличке Пилата³⁶. Предполагается также западнохристианское, а не иерусалимское происхождение легенды об обретении Святого Креста. Однако Руфин Аквилейский, также западнохристианский автор, писавший немногим позже Амвросия, излагает легенду совершенно так же, как и византийские писатели. Дело в том, что в 395 г., когда Амвросий составил «Слово на кончину Феодосия», легенда об обретении Святого Креста еще ходила в первозданном, неразвитом состоянии. В частности, в ней отсутствовал эпизод чудесного исцеления от древа некоей знатной дамы, который впоследствии передавали Руфин, Сократ, Феодорит и Созомен.

³⁶ Бойцов 2009, 280.

Добавим, что Амвросий Медиоланский называет только одного помощника царицы Елены – Святого Духа. Следующие западные авторы упоминают и о чудесах, произошедших от Креста, и о многочисленных участниках его поисков.

Паулин Ноланский (352–431) послал в 403 г. частицу Святого Креста своему другу Сульпицию Северу и написал ему, что эта частица была доставлена ему из Иерусалима блаженным Меланием, рассказавшим также чудесную историю обретения истинного Креста. По словам Паулина, царица Елена направилась в Палестину с целью спасения святых мест и, прибыв туда, украсила место рождения Господа, в дополнение к трем другим святым местам, а также обнаружила место Страстей в соответствии со свидетельствами многих жителей города, и евреев, и христиан. К этому Паулин добавляет, что, несмотря на то что от Креста многие берут частицы, первоначальная большая часть его чудесно сохраняется (Письма, 31, 4–5; PL 61, 325).

Сам Сульпиций Север (363–420) в своей «Хронике» сообщает, что пребывание Елены в Иерусалиме ознаменовалось освящением мест страстей Господних, Его воскресения и вознесения, хотя и «не без сопротивления иудеев». Мать императора «была первой уведомлена о нахождении места страстей, открытого благодаря усердию Елены солдатами и многочисленными провинциалами.

Она повелела убрать землю и очистить близлежащие и отдаленные руины. Вскоре в награду за веру и труды были найдены три одинаковых креста, ибо в свое время Господь был распят вместе с двумя разбойниками». Святой Крест был распознан благодаря своим целебным свойствам (Хроника, II 33–34; PL 20, 148). Позднее Иоанн Никиусский (VII в.) назвал даже имя человека, нашедшего Святой Крест: это некий Аблавиус (?), «ревностный христианин, один из самых именитых людей [Империи]» (Хроника, 76, 71).

* * *

Не заканчивая еще обзора основных источников, мы уже можем сделать некоторые замечания. Прежде всего они касаются сути церковно-археологического открытия 326 года. Мы видим разительное отличие того, что сообщается Евсевием Кесарийским, бывшим современником описываемых событий, от того, что почти в один голос рассказывают церковные авторы конца IV – первой половины V вв. Евсевий, пусть с недомолвками, пусть тенденциозно, рассказывает все же о реальном событии: о том, как во время расчистки римского храма неожиданно была найдена пустая пещера-склеп, идентифицированная как гробница Христа. Последующие же авторы излагают официальную церковную *легенду об обретении Святого Креста*, сложенную с течением времени в ответ на запросы многочисленных христианских паломников, устремившихся в Иерусалим и к святым местам. Эта легенда («самая знаменитая из всех легенд жанра “обнаружения” или “обретения” (inventio)») ³⁷ была сложена по тем же законам, по которым складывались легенды о жизни святых, евангельских местах и священных реликвиях, с тем же набором обязательных компонентов: 1) Божиим провидением, 2) чудотворением, 3) демонстрацией могущества Христа, 4) посрамлением противников христианства.

От того, что было сообщено Евсевием, в официальной легенде осталось немного:

1) Разрушение «языческого капища», стоявшего над гробницей Христа, а именно храма Афродиты-Венеры (Феодорит вслед за Евсевием называет эту богиню «демоном сладострастия» и приводит интересное соображение, что строительством на святом месте храма в честь Афродиты язычники хотели осмеять церковную доктрину о непорочном зачатии).

2) Поисковые работы на месте снесенного храма.

Все остальное стало рассказываться совершенно иначе. Прежде всего, по-другому представлялось то, что, собственно, было найдено при раскопках.

³⁷ Лимор 1999.

Существенными элементами легенды об обретении Святого Креста являются:

1) Руководство поисками Креста и деятельное участие в них царицы Елены, а также заметная роль Иерусалимского епископа Макария.

2) Обнаружение трех крестов, а также прочих евангельских артефактов: гвоздей распятия, таблички Пилата и т. п.

3) Чудесные целительные свойства одного из найденных крестов, позволившие идентифицировать его как Крест Господень.

В том, что легенда говорит о нахождении трех крестов (или перекладин), несомненно влияние Евангелий, рассказывающих о распятии Иисуса посреди двух разбойников. Из тех же Евангелий пришли гвозди и табличка Пилата. Творцам благочестивой легенды не казалось странным, что эти вещи могли оказаться в могиле Иисуса³⁸.

К перечисленным главным элементам легенды можно добавить еще два, не выраженные, впрочем, явно и встречаемые не во всех версиях:

4) Указание на то, что гробница Христа почиталась христианами и раньше («со времени страстей» – пишет Сократ Схоластик).

5) Привлечение к поискам Святого Креста местных жителей, обладавших сведениями о месте распятия Христа (Руфин, Паулин, Север), или даже иудеев, имевших сведения о могиле Иисуса в своих книгах (Созомен).

Последний элемент впоследствии был особенно усилен в так называемой «легенде об Иуде Кириаке», дошедшей до нас главным образом в латинских и сирийских вариантах. Еще Григорий Турский (538–594) в своей хронике упомянул об Иуде-еврее, в крещении названном Кириаком (Quiriacus), по указанию которого царица Елена нашла честное древо Креста Господня (История франков, I 34; PL 71, 179). Наиболее полно латинский вариант сказания передает Иаков Ворагинский (1230–1298) в своей «Золотой легенде». Здесь рассказывается, что император Константин послал свою мать найти святое древо Креста. Прибыв в Иерусалим, царица Елена созвала еврейских мудрецов Палестины и произнесла перед ними несколько обличительных речей. Один из еврейских мудрецов по имени Иуда правильно понял намерения царицы. Среди предков этого Иуды был первомученик Стефан, побитый камнями за веру во Христа. Историю Стефана Иуде поведал его отец, а также предупредил, что настанет время, когда люди будут искать древо Креста, на котором был распят Иисус, и тогда он, Иуда, должен помочь найти его. И вот теперь, догадавшись о намерениях царицы, Иуда объяснил евреям, что царица хочет найти с их помощью Крест, и добавил, что эту тайну ни в коем случае нельзя открывать, так как обнаружение Святого Креста разрушит их религию и лишит иудеев превосходства над христианами. Евреи, услышав об этом, запретили Иуде открывать то место, где был закопан Крест. Однако когда Елена вновь созвала мудрецов и пригрозила сжечь их живьем, то они в страхе указали на Иуду, говоря, что только он один может найти Святой Крест. Тогда царица отпустила мудрецов и, оставив одного Иуду, обратилась к нему с такими словами: «Покажи мне место, называемое Голгофой, где был распят Господь наш, ибо именно там мы наконец найдем Крест». Иуда отвечал: «Это случилось лет за двести или более до того, как я родился». Тогда царица воскликнула: «Во имя Того, Кто был распят тогда, я заставлю тебя умереть от голода, если не скажешь мне правду!» После этого Иуду бросили в сухой колодец. Проведя там семь дней без пищи, он наконец сдался.

«Тогда его выпустили, – повествует Иаков, – и он, придя в одно место, возвысил голос свой и молился, чтобы ему ниспослано было знамение. Тотчас же в том месте задвигалась

³⁸ *Маккавейский* 1891, 291: «Если, по раввинскому предписанию, “камень, которым кто-нибудь был убит, дерево, на котором кто-либо был повешен, меч, которым кто-нибудь был обезглавлен, и веревка, которой кто-нибудь был задушен, должны быть погребены вместе с казненным” (Санг. 45, 2), – то такое предписание не могло быть исполнено здесь. Погребение пречистого тела Господа Иисуса Христа совершалось благоговейными руками Его учеников, а тела двух разбойников, может быть, вовсе не имели еврейского погребения».

земля, и изошел дым столь изумительной сладости, что, почувствовав его, Иуда ударил в ладоши от радости и воскликнул: “Воистину, Иисус Христос, Ты Спаситель мира!” А было так, что император Адриан на том самом месте, где лежал Крест, построил храм богини, чтобы все, кто приходили к тому месту, должны были поклоняться той богине. Но царица (Елена) велела уничтожить храм. Потом позвала Иуду и велела ему начать копать на том месте, и когда он углубился на двадцать локтей, то нашел три креста и принес их царице, потому что не знал, который из них был Крестом нашего Господа. Он положил их посреди города, где пребывал и проявился Бог. И около девятого часа дня мимо несли тело умершего юноши, чтобы похоронить его. Иуда остановил носилки и положил на тело сначала один из крестов, затем второй, и когда он положил третий, тут же тело, которое было мертво, вернулось к жизни». «Когда Елена обрела крест Иисуса Христа, – заключает Иаков Ворагинский, – и увидела, что на нем нет гвоздей, она послала Иуду, чтобы он пошел в то место и нашел гвозди. И когда он вновь углубился в землю в том месте, то нашел их сияющими как золото; тогда он принес их царице, и как только она увидела их, поклонилась им с великим благоговением». К этому рассказу Иаков добавляет, что Иуда крестился под именем Кириака, сделался епископом Иерусалимским и мученически погиб при императоре Юлиане Отступнике³⁹.

Две вещи примечательны в этом рассказе. Первая – та, что Иаков Ворагинский совершенно умалчивает о нахождении гробницы Христа. Он говорит лишь о том, как под языческим храмом был найден Святой Крест, а затем и гвозди распятия. Тенденция упоминать вскользь, а то и вовсе игнорировать реальную находку – гробницу Христа и придавать первостепенное значение легендарной находке – Святому Кресту, наметившаяся еще у Руфина и Амвросия Медиоланского, нашла в рассказе Иакова Ворагинского блистательное завершение. Теперь становится понятно, почему в Средневековье храм Гроба Господня часто называли церковью Святого Креста. Вторая примечательная вещь – это привлечение к розыскам Креста еврейских мудрецов. Царица Елена уверена, что им известно местонахождение Креста. Честь открытия христианской святыни присваивается одному из раввинов, пусть затем и обращенному в христианство.

Легенда об обретении Святого Креста в передаче Иакова Ворагинского, без сомнения, христианского происхождения. Если бы мы не усматривали в рассказе о еврейских мудрецах развития все той же официальной легенды, в частности сообщения Созомена о сведущем иудее, жившем на Востоке, мы могли бы подумать, что Иаков Ворагинский обладал какими-то оригинальными сведениями о доникейском, иудеохристианском почитании места погребения Христа. Но сообщение Созомена лишает рассказ Иакова оригинальности. Этот рассказ – все та же официальная легенда, только в ее новом ракурсе.

В сирийском варианте легенды об обретении Святого Креста (V–VI вв.) на место Елены выдвигается вымышленная фигура – римская царица Протоника, супруга Клавдия Кесаря, правившего еще в I веке. Образ Протоники буквально «срисован» с образа Елены. Услышав о делах Христовых, Его смерти и воскресении, царица Протоника направляется из Рима в Иерусалим, где ее с почетом встречает апостол Иаков, «брат Господень». «И она сказала ему: “Покажи мне Голгофу, где распяли Христа, и древо крестное, на котором Он был распят иудеями, и гробницу, в которую Он был положен”. Отвечал ей Иаков: “Эти три вещи, которые ваше величество желает видеть, ныне под надзором иудеев. Они захватили их и не разрешают нам ходить туда и молиться перед Голгофой и гробницей. И они запрещают даже говорить о древе крестном, так что мы не можем проповедовать и выступать во имя Христа...” Услышав это, немедленно приказала она, царица, чтобы привели к ней Хонию бар Ханнана, священника, и Гедалию бар Кайафу, и Иуду бар Абдшеломы, глав и правителей иудеев. И она сказала им:

³⁹ *Jacobus de Voragine. The Golden Legend. The Invention of the Holy Cross. Ed. by F. S. Ellis, 1900. T. 3. P. 78–82. Jacobus de Voragine. Legenda aurea. Osnabruck, 1965. P. 303–311.*

“Передайте Голгофу, и гробницу, и древо крестное Иакову и его последователям, и пусть никто не мешает им служить там согласно их обычаю”. Так приказав священникам, она поднялась, чтобы пойти и осмотреть эти места и чтобы передать эту землю Иакову и тем, кто был с ним. Потом она вошла в гробницу и нашла внутри ее три креста: один – Господа нашего и два – тех разбойников, которые были распяты вместе с Ним одесную и ошую Ею» (Учение Аддая апостола, XI 23)⁴⁰.

Излишне говорить об исторической недостоверности сирийского повествования. Тем не менее мы видим его несомненную связь с рассказом Иакова Ворагинского. В обоих случаях большую роль играют палестинские раввины, которые в «Учении Аддая» даже называются по именам (неизвестным, впрочем, по еврейским источникам). В латинском варианте легенды иудеи еще не обладают точным знанием о месте распятия и погребения Христа, но в сирийском варианте они уже прямо обвиняются в захвате христианских святынь. Мы видим, что в конечном счете на евреев было перенесено то обвинение, какое раньше выдвигалось против язычников. Последние же у Иакова Ворагинского и в «Учении Аддая» не упоминаются вовсе!⁴¹

В переработанном антихристианском виде легенда об обретении Святого Креста вошла и в средневековые еврейские сказания. В одном из вариантов Тольдот Йешу («Происхождении Йешу», т. е. Иисуса) рассказывается, что евреи по совету старца Иехуды (Иуды) закопали в землю сделанные ими три древа. Когда царица Елена, угрожая карами, потребовала у евреев показать ей место, где находится Святой Крест, они повели ее на то самое, заранее выбранное ими место, где из земли были извлечены три древа. Желая определить, который из них является Святым Крестом, а также удостовериться в его подлинности, христиане стали поочередно прикладывать их к телу принесенного покойника. Тогда старец Иехуда, прибегнув к помощи тайного имени Божьего, сделал так, что умерший воскрес. После этого евреи были оставлены в покое, а христиане остались в уверенности, что чудо совершилось посредством найденного Святого Креста⁴². Еврейская версия, целиком следуя за известным церковным преданием, воспроизводя, в частности, легенду об Иуде Кириаке, обыгрывала и обрабатывала ее таким образом, чтобы показать, что найденный христианами Святой Крест является не настоящим, а поддельным, заранее изготовленным самими евреями для того, чтобы спастись от гнева царицы.

Фигурирующая во всех версиях Тольдот Йешу царица Елена, охотно слушающая проповеди Иисуса, а после его казни и погребения еврейскими мудрецами требующая от них показать гробницу и предъявить ей тело Иисуса, также во многом воспроизводит образ матери Константина Великого, каким он предстает в церковной легенде об обретении Святого Креста. Большинство эпизодов, включенных в Тольдот Йешу, являются теми же целенаправленно переработанными евангельскими рассказами и церковными преданиями. В наиболее ранней Йеменской рукописи Тольдот Йешу, отражающей еврейское сказание V–IX вв., даже называется место погребения Йешу-Иисуса. Разумеется, оно не совпадает с традиционным христианским местом Гроба Господня: гробница Иисуса указывается вблизи источника Силоам в Нижнем городе⁴³. В данном случае мы видим отрицательную реакцию синагоги на церковное открытие гробницы Христа и превращение ее в величайшую святыню.

⁴⁰ Перевод Е. Н. Мещерской («Легенда об Авгаре». М., 1984).

⁴¹ Имеется и коптский вариант этой легенды, где честь обретения Креста приписывается царице Евдокии, супруге императора Феодосия II. Евдокия действительно проживала в Иерусалиме ок. 460 г. и израсходовала большие суммы на усовершенствование города. См.: Eudoxia and the Holy Sepulchre: A Constantinian Legend in Coptic. Milano, 1980. P. 151–153.

⁴² Krauss 1900.

⁴³ Krauss 1902.

* * *

Таковы данные основных источников. Некоторые важные сведения мы можем извлечь также из сочинений христианских писателей, которые так или иначе касались Гроба Господня. Иероним Стридонский (ок. 347–420) в письме к Паулину (395 г.) пишет, что «со времен Адриана и до правления Константина, в продолжение почти ста восьмидесяти лет на месте Воскресения стояло воздвигнутое язычниками изваяние Юпитера, а на скале Креста – мраморная статуя Венеры, так как гонители думали уничтожить в нас веру в Воскресение и крестную смерть посредством осквернения идолами святых мест»⁴⁴ (Письма, 58, 3; PL 22, 581). Отметим, что Иероним говорит не только о гробнице Христа, но и о Голгофе, впервые, кстати, называя ее скалою (гире). Надо ли понимать указание на статуи Юпитера и Венеры так, что на этом участке стояли два разных святилища? Причем храм Афродиты-Венеры находился на месте Голгофы (а не гробницы, как у Евсевия), а на месте гробницы – храм Юпитера⁴⁵. Исследователи не исключают, что римское святилище состояло из нескольких часовен и алтарей, посвященных тому или иному богу, со множеством статуй. Ведь и Евсевий обращается к многочисленным «мертвым идолам» и говорит о нескольких «нечистых и мерзких жертвенниках», на которых «приносились ненавистные жертвы» (Жизнь Константина, III 26)⁴⁶.

Особенно важны для нашей темы свидетельства христианских паломников, оставивших описание святых мест, в частности Гроба Господня. Наиболее ранний из них – Бордосский путник, посетивший Иерусалим в 333 г., в то время, когда продолжалось строительство Константиновой базилики, а в городе еще стояли статуи Адриана. Путник побывал у нескольких христианских святынь, среди которых он упоминает купели Вифезду и Силоам, дом Каиафы, а также преторий Пилата. О самом храме Гроба Господня, *Dominicum*, путник говорит так: по пути от Сиона к Неаполитанским (Дамасским) воротам «на левой стороне находится небольшая гора Голгофа, где Господь был распят. Отсюда как бы на вержение камня находится крипта, в которой было положено Его тело и на третий день воскресло. На этом месте повелением императора Константина сооружена базилика» (CSEL 39, 22–23).

Бордосский путник не только добавляет Голгофу к числу новообретенных святынь, но и помещает ее примерно там же, где она ныне и показывается в храме Гроба Господня: в 42 метрах перед Эдикулой. Рядом с гробницей Христа видит ее и Кирилл Иерусалимский (ум. 386): «Сия святая возвышающаяся Голгофа, видимая и по сей день, до ныне показывающая, как распались тогда для Христа камни; вблизи находящаяся гробница, в которой Он положен был, и положенный при входе камень, доселе лежащий при гробнице» (Поучения, XIII 39; PG 33, 820), «сие место Голгофы и Воскресения не церковью называется, как другие церкви, а Мартирион» (XIV 6; PG 33, 832). Говорит Кирилл и о святом древе Креста, «доселе у нас видимом», сообщая также, что паломники уносят с собою его частицы (X 19; PG 33, 685–688). Вероятно, епископ Иерусалимский читал свои проповеди, находясь в храме Гроба Господня, в виду описываемых святынь. Надо заметить, что главное место в «Поучениях» Кирилла отводится доказательству исполнения во Христе ветхозаветных пророчеств; поэтому и указания на святые места обрамлены обилием библейских цитат. И все же мы встречаем указания почти на все объекты, связанные с историей Страстей.

⁴⁴ Ad Hadriani temporibus usque ad imperium Constantini, per annos circiter centum octoginta, in loco Resurrectionis simulacrum Jovis; in Crucis rupe, statua ex marmore Veneris a gentibus posita colebatur: existimantibus persecutionis et crucis, si loca sancta per idola polluisent (PL 22, 581).

⁴⁵ Впрочем, здесь сообщения латинских авторов расходятся. Упомянутый выше Паулин Ноланский ничего не говорит о храме Венеры, но пишет об изваянии Юпитера над местом страдания Христа (in loco passionis – т. е. Голгофы) (Письма, 31, 3). Дж. Вилькинсон весьма сомневается, что Иероним точен в данном случае (Wilkinson 1978, 185).

⁴⁶ Teylor 1993, 116.

Это означает, что в скором времени после чудесного открытия гробницы Христа и начала строительства храма было идентифицировано также (вероятно, на основании Ин 19:42) место распятия, расположенное рядом с гробницей. По сути дела, открытие гробницы послужило толчком к поиску на этом участке евангельских артефактов. Хотя Бордосский путник, Кирилл Иерусалимский, а также паломница Эгерия (Сильвия), описавшая свое пребывание в Иерусалиме ок. 385 г., не упоминают о табличке Пилата и гвоздях распятия, которые фигурируют в церковной легенде об обретении Святого Креста, мы можем не сомневаться, что эти артефакты также были «найжены» и идентифицированы. Можно даже определить примерное время сложения легенды о Святом Кресте. Бордосский путник в 333 г. еще не упоминает об этой важной находке, но уже в 50-х гг. IV века о почитании Креста Господня пишет Кирилл Иерусалимский⁴⁷.

Итак, обозрев источники, мы заключаем, что в 326 г. под развалинами римского святилища была найдена древняя еврейская гробница – возможно, с останками покойников, которые, разумеется, были удалены. Что же касается скалы распятия, крестов и прочих евангельских артефактов, то они появились несколько позже и своим возникновением обязаны церковной легенде об обретении Святого Креста. Долегендарными являются сообщения Евсевия Кесарийского и, отчасти, Бордосского путника. Но даже из этих сообщений нельзя понять, на каком основании найденная гробница была идентифицирована как место погребения Иисуса Христа. И прежде всего не ясно, чем руководствовались рабочие Константина, начиная раскопки под храмом Венеры. Позднейшая легенда, как мы видели, пытается объяснить столь точный и безошибочный выбор места поисков божественными знамениями и сновидениями, а также привлечением к поискам местных жителей и даже евреев, имевших-де сведения о месте погребения Христа. Но первоначальные сообщения вовсе не упоминают ни о знамениях, ни о сведущих помощниках, но даже против того, описывают открытие гробницы как неожиданное и небывалое чудо, случившееся по воле Божией.

Именно так представляет дело Евсевий Кесарийский. Иными словами, и сами раскопки под храмом Венеры, и идентификация найденной пещеры как гробницы Христа – это воля случая. Из рассказа Евсевия можно лишь вывести то, что гробница Иисуса была известна жителям Элии Капитолины, которые постарались стереть память о ней. Такое сообщение вполне могло быть последующим осмыслением того факта, что гробница Христа была найдена под разрушенным римским храмом⁴⁸.

Возможно, представление о том, что на месте евангельских святынь были построены «языческие капища», возникло по аналогии с иудейским Храмом, на месте которого Адриан воздвиг святилище Юпитера Капитолийского. Вероятно, под таким углом зрения христиане рассматривали многие палестинские «капища». Почему именно у храма Афродиты-Венеры была заподозрена христианская подкладка, на то могли быть свои причины. Одну из них приводит Сократ Схоластик: святая и непорочная Дева воспринималась как антитеза распущенной греко-римской богине любви. Хотя в этом случае логичнее было бы идентифицировать найденную под храмом пещеру как гробницу Богородицы, а не Христа.

По мнению Дж. Тейлор, все святыни и реликвии Константиновой базилики были зеркальной противоположностью святынь и реликвий храма Венеры. В частности, скала, названная христианами Голгофой, вначале была священной скалой в римском святилище, на которой

⁴⁷ Среди защитников достоверности церковного предания о Святом Кресте (S. Hunt, Z. Rubin, St. Borgehammar, J. W. Drijvers и др.) бытует и такая экстравагантная точка зрения, что Евсевий знал об обретении Святого Креста царицей Еленой в 327 г., но по каким-то политическим или религиозным соображениям умолчал об этом. См.: *Бойцов* 2009, 278–279.

⁴⁸ Исследователи справедливо указывают на то, что в начале II века, при строительстве Элии Капитолины, христианство еще не представляло собой внушительной силы, с которой стоило бы бороться.

стояла статуя богини. Замена этой статуи крестом символизировала победу христианства над язычеством⁴⁹.

В защиту локализации гробницы Иисуса на месте нынешнего храма Гроба Господня Э. Ренан в свое время (хотя и не поддерживая в целом церковной традиции) привел такое соображение: «Если бы теми, кто при Константине старались установить евангельскую топографию, руководил один только каприз, то они скорее всего поместили бы Голгофу и Гроб Господень на более видное место, на вершину одного из соседних с Иерусалимом холмов, чтобы тем самым удовлетворить воображение христиан, которые непременно хотели, чтобы место смерти Иисуса находилось на горе». Следовательно, делает вывод Э. Ренан, топографы Константина относились к своему делу с известной серьезностью и руководствовались аналогиями («Жизнь Иисуса», прим, к гл. 25).

Что можно сказать на это? Во-первых, то место, где христианские топографы наметили строительство церкви, вовсе не было низким. Вряд ли бы стоявшее здесь славное святилище Афродиты-Вене-ры римляне соорудили в каком-нибудь низком и невзрачном месте. В абсолютных высотах платформа храма Гроба Господня даже превосходит платформу Храмовой горы: 755 м над уровнем моря против 735 м. Это отмечали и раннехристианские паломники. «Храм, по правде говоря, расположен в более низкой части города (in inferiore parte urbis), около восточной стены», – писал ок. 425 г. епископ Евхерий Лионский (CSEL 39,126). В том, что основание храма Гроба Господня выше площадки Харам аш-Шарифа, и сегодня может убедиться любой желающий, стоит ему только подняться на смотровую площадку Цитадели («башни Давида») и окинуть оттуда взглядом Старый город.

Во-вторых, разумеется, ничто не происходит произвольно или случайно, и топографы Константина, выбирая в Иерусалиме место для строительства христианской церкви (и еще не зная, что это будет храм Гроба Господня), руководствовались некоторыми соображениями. И соображения эти диктовала тогдашняя императорская и церковная политика.

Укрепление власти Константина Великого, сделавшего ставку на Церковь, сопровождалось и обуславливалось ростом ее могущества. Повсеместно шло разрушение знаменитых и влиятельных в прошлом «языческих» святилищ и возведение на их месте христианских соборов и церквей. Тот же Евсевий рассказывает, как на месте разрушенного в Гелиополе храма Афродиты (Венеры) по повелению Константина была сооружена церковь (Жизнь Константина, III 58). Это же самое несколько позже случилось с весьма популярным среди населения Газы святилищем Марнейоном, который, благодаря рвению местного епископа Порфирия (ок. 346–420) и его клира, был сначала сожжен, а затем, после очищения места бывшего «идольского капища», на его руинах была возведена соборная церковь (*Марк Диакон. Житие св. Порфирия Газского*, 66; 76–83). По распоряжению Константина в христианские церкви были обращены знаменитые святилища Цезарейон и Изеум в Александрии Египетской (*Иоанн*

Никиусский. Хроника, 64, 9). В повествовании Прокопия Кесарийского (ок. 500–565) опять же встречаем рассказ о том, как император Зенон (474–491) «изгнал самарян с горы Гаризим, тотчас же отдал ее христианам и, выстроив на вершине храм, посвятил его Богородице» (О постройках, V 7). Можно не сомневаться, что этот храм Богородице покоился на фундаменте знаменитого самарянского Храма. Точно так же в Герасе (Джераше) кафедральный собор был построен на месте храма Диониса, с использованием его строительного материала. Церковь хотела покончить с «язычеством» путем тотального превращения бывших «идольских капищ» в христианские церкви.

Если этот процесс вовсю шел даже в глухой провинции, то тем более он должен был иметь место в Святом граде, который предписывалось в первую очередь очистить от всякого идолопоклонства. Прибывшие в Иерусалим доверенные лица Константина, бывшие на самом деле

⁴⁹ Taylor 1993, 134–135.

ревностными христианами, поступили так, как христиане обычно поступали в других городах. Они обратили внимание на «языческий» храм, все еще пользующийся популярностью, и решили его разрушить (или, скорее, переделать), чтобы на его месте учредить храм истинного Бога⁵⁰. Неудивительно поэтому, что, когда под фундаментом римского храма нашлась гробница Христа, люди Константина тут же заподозрили своих предшественников – строителей Элии Капитолины – в том, что делали они сами: в использовании почитаемых мест в своих целях и в стремлении приспособить их к собственному культу.

Примечательно, что мусульмане, занявшие Иерусалим в 638 г., обвиняли христиан в том же, в чем те обвиняли язычников: в умышленном осквернении святынь. «Место скалы (ас-сахра) и вся область вокруг нее (= Храмовая гора) оставались пустынными руинами, и они (= христиане) выливали на скалу нечистоты, так что она совершенно была погребена под грязью», – читаем в арабских летописях⁵¹. «Очистителю» древнего Храма халифу Омару пришлось

буквально по колено утопая в грязи пробираться к величайшей святыне. В отличие от строителей Элии Капитолины, объявленных христианами осквернителями на основании того, что они построили на месте Голгофы свой храм, христиане в данном случае действительно являлись осквернителями, ибо превратили Святую гору в свалку мусора. Следуя логике Евсевия Кесарийского и современной ему Церкви, халифа Омара также нужно счесть осквернителем, ибо он и его преемники выстроили на месте иудейского Храма мусульманскую мечеть (предварительно удалив, правда, оттуда христианские нечистоты).

* * *

Когда в начале IV века Церковь вступила в обладание Святой землей, она немедленно начала выявление святых мест и собирание связанных с ними преданий. При этом, что касалось ветхозаветных святынь, христиане, как правило, следовали издавна существовавшим местным традициям – бывшие еврейские святые места естественным образом становились объектами христианского поклонения и паломничества. «Большинство традиций, связанных с указанными местами, – отмечает израильская исследовательница Ора Лимор, – приобрели типологическую трактовку, согласно которой исторические события, происшедшие там, содержат указания на тайну христианской истины. С христианской точки зрения то, что в прошлом принадлежало евреям, теперь по праву принадлежит Церкви. Поскольку Библия, унаследованная христианами, была прославлена своей древностью и не нуждалась в специальном подтверждении, то и подлинность знаменательных мест, упомянутых в ней, не могла вызывать сомнений»⁵².

Сложнее обстояло дело с новозаветными святынями. «Если ветхозаветные святые места, – продолжает О. Лимор, – были известны издревле, и их идентификация обосновывалась старинными преданиями, то святые места, связанные с Новым Заветом, были так же новы, как и сама христианская традиция. Став обладателями Святой земли в IV веке, христиане вынуждены были искать доказательства подлинности тех святых мест, которые до этого не были известны или память о которых сохранялась только в устной традиции. Ведь прошло почти 300 лет после евангельских событий, и христиане, которые лишь теперь начинали стро-

⁵⁰ «Разрушение храма Афродиты, – пишет И. Цафрир, – и строительство храма Святого Гроба знаменовало решающий этап триумфа христианства над язычеством». И далее: «Основание церковью сопровождалась обретением реликвий, которые почитали граждане и паломники и культ которых стал неотъемлемой частью литургии в Иерусалиме» (*Tzafrir* 1999).

⁵¹ Прежде всего в летописи Назм ал-Джавахир («Венок жемчужный») (867 г.), известной на Западе также как *Annales* или *Eutychiei Historia Universalis*.

⁵² Лимор 1999.

ить церкви на местах этих событий, должны были найти доказательства подлинности выбираемых для строительства локаций» (там же).

До сей поры замечания и оценки Оры Лимор совершенно справедливы. Но цель ее работы состоит в том, чтобы показать, что «евреи оказались для христиан авторитетом, иногда даже единственным в своем роде и решающим для правильной локализации не только священных мест, связанных с Ветхим Заветом, но также мест и реликвий, относящихся к Новому Завету». Таким образом, мы видим попытку реанимировать гипотезу Багатти-Теста, но уже не за тем, чтобы доказать подлинность христианских святынь, а чтобы подчеркнуть зависимость христианской традиции от еврейской. С такой целью О. Лимор рассматривает обстоятельства обнаружения гробницы Иисуса и легенду об обретении Святого Креста. Естественным образом исследовательницу интересует одна из позднейших версий этой легенды, а именно латинская, в которой большую роль играет крещеный еврей Иуда Кириак. Отнеся появление этой легенды к началу V века и приписав ей греческое или сирийское происхождение (правда, со знаком вопроса), О. Лимор приходит к выводу, что в своем первоначальном виде легенда подчеркивала авторитетность еврейской традиции: «Без помощи Иуды христиане вместе с Еленой блуждали бы по Иерусалиму как слепые. Только он способен указать, где находится место, которое они ищут. Еврею отведена в легенде вдвойне ключевая роль: без него христиане не способны найти то место, которое обладает для них ореолом святости, и Иуда открывает им, что там сокрыто. Иуда – ^{т.е.} иудей, который знает». Он не верующий, но он знающий. И знает он в силу того, что является евреем. Его знание является наследственным и исключительным». «Похоже, – заключает О. Лимор, – что евреи появляются в этой легенде не только в целях полемических, но, главным образом, для того, чтобы воспользоваться их авторитетом для целей христианской пропаганды, то есть для того, чтобы и через евреев подтвердилась легитимность христианской власти как в Иерусалиме, так и во всей Империи и, таким образом, укрепились основания христианской веры» (там же).

Вопроса о подлинности открытого в 326 г. места погребения Христа, а в данном случае – подлинности найденного Иудой Святого Креста, О. Лимор, разумеется, не ставит. Все, что христиане обрели благодаря евреям, безусловно, подлинно. Все, что христиане обрели без евреев или вопреки им – не подлинно. Но шутки в сторону. Такое же решительное влияние еврейской традиции израильская исследовательница находит и в легенде об обретении останков первомученика Стефана в 415 г. (со ссылкой на *Epistula Luciani ad omnem ecclesiam* – PL 41, 807–818), в обретении комитом Дорофеем одеяний Иисуса (Послание Дорофея; *Analecta Bollandiana*. 1986. 104. Р. 145–159), в легенде о погребальном плат (сударионе) Христа, появившейся уже при мусульманах, и в других подобных же легендах.

Во всех перечисленных случаях действительно обретение святынь связывается с евреями, которые, впрочем, вовсе не наделяются каким-то сокровенным знанием или авторитетом (как трактует израильская исследовательница), но появляются в легендах лишь как местные жители, которым удалось сохранить доставшиеся им от родителей и оказавшиеся священными для христиан предметы. В легенде о сударионе, которую передает галльский епископ Аркульф (ок. 670), рассказывается о некоем верующем иудее, который по воскресении Христа похитил из гробницы его погребальный плат, хранил его у себя и, умирая, передал по наследству своему сыну как драгоценную реликвию. Далее дословно: «Таким образом, этот сударион Господень с верою передавали отцы, происходившие от семени того благочестивого человека, своим детям, верующие верующим, как бы по праву наследства. По истечении пяти поколений и по прошествии многих лет, когда верующие наследники из этого семейства прекратились, святой сударион перешел в руки неверующих иудеев, которые, хотя и не были достойны такого дара, продолжали хранить его». Легенда заканчивается рассказом о том, как реликвия вернулась к верующим (т. е. христианам) при халифе Муавии в VII в. (CSEL 39, 235–238).

Можно ли вывести из этого повествования ключевую роль евреев в сохранении евангельских святынь, а также существование авторитетной еврейской традиции, к которой обращались христиане по вопросу подлинности священных реликвий? Только при очень большом желании. Не свидетельствует о признании христианами авторитета еврейской традиции и появление в *Epistula Luciani* знаменитого фарисейского учителя Гамалиила, побуждающего к поискам останков святого Стефана. Этот законоучитель взят из Нового Завета и к тому же представлен как христианин, как свой брат, член

Церкви. Никакого пиетета перед еврейской традицией здесь опять же нет. Предвзятость и тенденциозность рассуждений О. Лимор очевидны. Необходимо также заметить, что выбранные ею легенды составляют небольшую часть церковных преданий об обретении той или иной реликвии. Христиане находили новозаветные святыни и без участия евреев, а за пределами Палестины – совсем без них. Да и сами поиски реликвий на Святой земле – это лишь часть общего процесса, охватившего весь христианский мир.

Прежде чем говорить об этом процессе, отметим еще один момент. Существование некоей еврейской традиции относительно гробницы Иисуса тем менее вероятно, что после разгрома 132–135 гг. и изгнания из Иерусалима евреи утратили знание даже о многих библейских святынях, в том числе об особо почитаемой гробнице Давида (*Иосиф Флавий*. Иудейская война, I 2, 5; Деян 2:29). Последними, кто знал настоящую гробницу Давида, считает археолог Б. Пикснер, были рабби Акива (ум. 135) и его современники⁵³. С тех пор одна традиция сменяла другую: гробницу Давида помещали то в Вифлееме, то на горе Сион, то к северу от Иерусалима, – только не там, где она находилась на самом деле. Такая же судьба постигла и гробницу Соломона, о которой знали даже греческие авторы (*Кассий Дион*. Римская история, 69, 14, 2). После этого утверждать устойчивость и подлинность еврейской традиции относительно местонахождения святынь не приходится.

IV и V века ознаменовались расцветом церковной археологии. Не только на Святой земле, но и повсюду шли поиск и сбор евангельских артефактов. Масса новообращенных христиан, унаследовав все нравы и обычаи своих «языческих» предков, остро нуждалась в материальных объектах почитания и поклонения. Совершенно так же, как и прежние греко-римские храмы, христианские церкви обзаводились соответствующим набором реликвий. Если раньше собирали священные предметы, оставшиеся от троянских героев и античных богов, то теперь бросились искать новозаветные святыни. Каждой общине хотелось иметь у себя какую-нибудь реликвию: то ли багряницу, то ли терновый венец, то ли гвозди распятия, то ли частичку Святого Креста, то ли, наконец, копье, которым был прободен бок Иисуса. Святая равноапостольная Нина (ум. ок. 340) отправляется на поиски хитона Господня в далекую землю иберов и колхов. Комит

Дорофей, раздобывший в 450 г. одеяния Иисуса, был далеко не единственным обладателем подобных же святынь. Непрерывный поток реликвий тек из Палестины в Константинополь. В IV веке в столице христианской империи появляются гвозди распятия, часть Святого Креста, а также останки патриарха Иосифа и пророка Захарии; в V веке – останки первомученика Стефана и одежда Девы Марии, а также камень, которым был побит Иаков Праведный; в VI веке – нерукотворный образ Христа; в VII веке – копье, губка и еще одна часть Святого Креста. Переизбыток реликвий привел к тому, что в столице отказались принять останки святых апостолов Петра и Павла без полного комплекта, включающего темничные цепи и погребальные ткани⁵⁴.

В большом количестве извлекались из земли чудесным образом сохранившиеся книги, оказывающиеся Евангелиями (подчас неканоническими), Откровениями и Апокалипсисами,

⁵³ Pixer 1990.

⁵⁴ Maraval 2002, 69.

написанными рукою библейских патриархов, апостолов или ближайших учеников Христа. Человек, живший в доме апостола Павла в Тарсе, по велению ангела откопал под домом тайное писание знаменитого апостола (Откровение ап. Павла, 1). Даже рабочие императора Юлиана, противника христианства, посланные в Иерусалим восстановить иудейский Храм и начавшие, по обыкновению, с раскопок и расчистки фундамента, согласно церковной легенде, открыли глубокую пещеру, в которой нашли столп с начертанным на нем Евангелием от Иоанна, помещенный туда еще при Соломоне (*Филосторгий*. Церковная история, VII 14).

Пожалуй, никакая другая эпоха не была столь богата ценнейшими археологическими находками, как эпоха утверждения христианства в Римской империи. Современные археологи могут позавидовать небывалым археологическим успехам христиан начала IV века, которым хватило каких-нибудь пяти лет, чтобы установить в Палестине практически все объекты, связанные с земной жизнью Христа, при том, что они, по словам императора Константина, «оставались в неизвестности в продолжение целых веков» (*Феодорит*. Церковная история, I 16).

Открытие Гроба Господня стоит в длинном ряду подобных же церковных открытий. Если даже, расчищая фундамент храма Венеры, рабочие Константина и не ставили своей целью найти какую-нибудь реликвию, тем не менее всякая находка, вполне возможная при этом, должна была отвечать требованиям Церкви. Требования эти заключались в следующем: все изыскания и открытия должны подтверждать христианское вероучение, свидетельствовать об истинности христианства и действительности новозаветной истории. В Иерусалиме к этому общему правилу добавлялась конкретная задача: доказать права христиан на владение Святым градом (почему и возникла легенда о Евангелии от Иоанна под Соломоновым храмом). Любой другой результат изысканий Церкви был не нужен и поэтому заведомо исключался.

Когда рабочие Константина отрыли под слоем земли одну или несколько древних гробниц, первое, что могло и должно было прийти в голову истинного христианина, – это евангельский рассказ о погребении Иисуса Христа. Все-таки не где-нибудь, а в Иерусалиме копали! Судя по тогдашним раскопкам на Елеонской горе и в Вифлееме, христиане уделяли особое внимание пещерам и обыкновенно находили в них свидетельства евангельских событий. Таким же образом и найденная под храмом Венеры пещера-склеп была идентифицирована как гробница Христа. Была ли такая идентификация совершенно произвольной? Возможно, что и нет. Евсевий пишет, что открытая пещера «приходящим видеть ее представляла поразительную историю совершившихся в ней чудес, делами, громче всякого голоса, свидетельствуя о воскресении Спасителя». Как это понимать? Слова Евсевия более наводят тумана, нежели проливают света на обстоятельства чудесного открытия. В пещере что-то было найдено? Ясно лишь, что это были не три креста, не гвозди распятия и не табличка Пилата, как о том говорится в позднейшей легенде. Если бы было найдено нечто подобное, Евсевий, конечно, не умолчал бы об этом.

Судя по раскопкам в еврейских гробницах, вместе с телами покойных часто клали керамические вазы, масляные лампы, печати, монеты и амулеты⁵⁵. Правда, Евангелия, описывая погребение Иисуса, не упоминают о каких-либо предметах, положенных с ним в гробнице (за исключением, разумеется, погребального савана и платка-судариона), – так что само по себе наличие таких предметов рабочим Константина ничего бы не говорило.

Может быть, под «делами, громче всякого голоса» надо понимать имевшиеся в гробнице надписи? Но почему бы Евсевию не сказать об этом прямо? Немало еврейских гробниц в окрестностях Иерусалима имеют высеченные на стенах и на оссуариях (урнах с останками покойных) еврейские, арамейские и греческие надписи, содержащие имена и отчества погребенных, а иногда даже краткие сведения о них⁵⁶. Если бы и открытая в 326 г. гробница имела

⁵⁵ Magness 2006.

⁵⁶ Среди оссуариев, обнаруженных в 1953 г. на Елеонской горе, при раскопках на месте церкви Dominus Flevit, имеется и

нечто подобное, без сомнения, Евсевий упомянул бы о надписи, указывающей на Христа, – ведь он так любил приводить разные документы. Следовательно, никаких надписей не было. Во всяком случае – надписей, относящихся к Иисусу Христу.

Можно с большой долей вероятности полагать, что в гробнице не было найдено и обычных в еврейских погребениях оссуариев, по крайней мере надписанных. Ибо наличие таких оссуариев, особенно с именем «Иисус», не только не привело бы к идентификации найденной гробницы как Гроба Господня, но вызвало бы у христиан ее решительное отторжение. Современные археологи в Палестине нередко сталкиваются с такими гробницами без надписей и ненадписанными оссуариями, но именно такие гробницы обычно не вызывают у них особого интереса. Ненадписанные оссуарии, как менее ценные, хранятся отдельно от надписанных, порою во дворе музея, и даже, бывает, пропадают – как, например, случилось с десятым оссуарием из гробницы в Восточном Талпийот⁵⁷. Еще менее должны были интересоваться оссуариями – свидетелями вторичного погребения – верующие христиане IV века.

Нам по-прежнему не ясно, на основании чего «археологи» Константина идентифицировали найденную гробницу как Гроб Господень, а замечание Евсевия о «делах, громче всякого голоса» свидетельствующих о Спасителе, представляет совершенную загадку.

Есть предположение, что открытая гробница имела ряд характерных особенностей, соответствующих евангельскому описанию гробницы Иисуса, например низкий вход, перед которым необходимо было наклониться, чтобы посмотреть внутрь или войти (Лк 24:12; Ин 20:5), достаточно просторную скамью, где лежало тело покойника и на которой также мог бы сидеть и юноша-ангел (Мк 16:5) или даже два ангела (Ин 20:12). К числу таких особенностей мог бы относиться и камень, закрывавший вход в гробницу (евр. *golal*) и имевший округлые очертания. Обычно камни, которыми блокировали вход в еврейские погребальные склепы, были квадратными или четырехугольными, похожими на плиты. По сей день из 900 скальных гробниц, обнаруженных в окрестностях Иерусалима, только у четырех отмечены круглые камни, закрывавшие вход⁵⁸. Но и в IV веке гробница с круглым камнем должна была казаться большой редкостью.

И вот, когда христиане открыли гробницу с таким камнем, на память им пришел евангельский стих: «и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и прикатил (προσεκύλισεν) камень к двери гроба» (Мк 15:46; в Синодальном переводе: «и привалил камень»; Матфей уточняет: «и прикатил (προσκούλισας) большой камень» – 27:60). Редкий в древнегреческой литературе глагол προσκούλιω («катить, перекачивать») встречается в Новом Завете только в этом случае и больше нигде. Не исключено, что большой круглый камень, закрывающий вход в гробницу Иисуса, считался ее отличительной особенностью, своего рода меткой. Находка такого камня у одной из гробниц во время разрушения «идольского капища» и расчистки места для строительства христианской церкви и послужила причиной возникновения слуха, превратившегося затем в уверенность, что именно в этой гробнице был погребен Христос.

О камне у Гроба Господня неоднократно говорит Кирилл Иерусалимский в «Поучениях», о нем упоминает Иероним в рассказе о паломничестве Павлы в Иерусалим (Письма, 108, 9; PL 22, 884).

такой, который содержит арамейскую надпись: «Симеон бар Иона» (ܫܡܥܘܢ ܒܪ ܝܘܢܐ), – хотя такое прочтение отчества остается спорным. Ряд ученых полагает, что этот оссуарий хранил останки апостола Петра и что «князь апостолов» умер и был погребен в Иерусалиме, а не в Риме, как утверждает церковное предание. См.: *Peterson R Peters Tomb recently discovered in Jerusalem* – <http://www.biblelight.net/peters-jerusalem-tomb.htm>

⁵⁷ Heiser 2007, 3.

⁵⁸ *Paym* 1960, 322; *Biddle* 1999, 110. В частности, у гробницы Иродиадов такой камень перекачивался по специальному желобу, сделанному перед входом в гробницу. А. Клонер считает, что круглый камень имелся только у особенно почетных, часто используемых и многокомнатных гробниц и не мог быть у гробницы Иисуса с одной-двумя погребальными лавками. См.: *Kloner* 1999, 28.

Другие пилигримы Аркульф (ок. 650) и Виллибальд (ок. 750) описывает этот камень как округлый (CSEL 39, 227; *Гунеберг*. Путешествие св. Виллибальда). Камень этот, по-видимому, сохранился после разрушения храма и Эдикулы в 1009 г. халифом ал-Хакимом. Петр Диакон, посетивший Гроб Господень ок. 1137 г., а также неизвестный автор «Описания святых мест» конца XIV века все еще видели этот камень приваленным к гробнице с восточной стороны (CSEL 39,107; ППС 26,13). Небольшой фрагмент камня, который, согласно Евангелию от Матфея (28:2), ангел отвалил от двери гроба, и сейчас демонстрируется в Эдикуле храма Гроба Господня.

Разумеется, округлый камень у гробницы – это вторичный, отнюдь не решающий признак того, что это та самая гробница, в которой был погребен Иисус Христос. Но так представляется только современному критическому исследователю. Христиане IV века исследователями не были, тем более критическими, и поэтому даже малейшее подобие открытой гробницы евангельскому описанию Гроба Господня в их глазах было достаточным основанием для соответствующей идентификации. Впрочем, в Церкви, вероятно, понимали зыбкость такого основания, почему впоследствии и возникли рассказы о находках, неопровержимо указывающих на Христа, и в легенде об обретении Святого Креста вместо округлого камня у гробницы говорится о табличке Пилата, перекладинах и гвоздях распятия.

3. Дополнительная легенда о могиле Адама

Христианское предание связывает Голгофу с местом погребения первого человека Адама. Об этом писал еще Ориген, говоря, что на Лобном месте, где иудеи распяли Иисуса, покоилось тело Адама и пролитая кровь Спасителя омыла кости Адама, оживотворив в его лице весь человеческий род (Комм, на Мф; PG 26, 265). Однако, комментируя таким образом Евангелие, Ориген никак не локализовал Лобное место, не указал, где оно находится. Из сообщения Оригена явствует лишь то, что Голгофа связывалась с могилой Адама еще в доникейскую эпоху.

В IV веке это предание стало почти общепризнанным. У Псевдо-Афанасия мы можем прочесть, что Христос пострадал на том месте, «где, как говорят еврейские учителя, была могила Адама и где, они говорят, он был погребен после его проклятия» (*Passione et Cruce Domini*). Епифаний Кипрский в «Панарионе» подтвердил, что на Голгофе действительно был погребен Адам и что кровь Иисуса окропила останки праотца человечества (46, 5; PL 41, 843). Эту же традицию поддержали Василий Великий (Комм, на Ис, V 141), Иоанн Златоуст (Гомил. на Ин, XIX 16–18) и другие церковные авторитеты.

В Евангелиях Иисус называет себя Сыном человеческим, что по-еврейски звучит как *бен 'Адам* – «сын Адама». В Церкви возникает представление о Христе как о типологическом соответствии первому человеку, развивается идущее от ап. Павла учение о Христе как о «втором» или «новом» Адаме. «Первый Адам был создан душой живою, – писал Амвросий Медиоланский, – второй же есть Дух животворящий. Сей второй Адам – Христос» (Комм, на Лк, 1; PL 15, 1584–1586). По учению Церкви, Христос во всем был подобен первому человеку, кроме греха. Он осмысливается как своего рода антитип Адама. Если библейский праотец впал в первородный грех и обрек человечество на смерть, то Христос, второй Адам, очистит людей от греха и избавит человечество от смерти (Рим 5:18–19; 1 Кор 15:22). Совершенно так же впоследствии Дева Мария была осмыслена как «вторая Ева». У Мильтона в «Потерянном рае» Мария искупает грехопадение праматери человечества тем, что рождает Сына, который побеждает Сатану (X 183 сл.).

Типологическое сближение Христа с Адамом повлекло сближение и отождествление священных мест, связанных с ними. «Согласно древней традиции, – писал Псевдо-Августин, – первый человек Адам был погребен на том самом месте, где был поставлен крест, и поэтому место это называется Голгофа, потому что глава человеческого рода, как говорят, был похоронен там. И это верно, братья мои, и не является необоснованным, ибо вознесен был Врач там, где лежал больной» (*Sermones supposititii*, VI 5; PL 39, 1751). В «Пещере сокровищ», сирийском сочинении VII века, рассказывается, что Ной взял тело Адама из могилы и спас его от потопа в своем ковчеге; затем Сим, сын Ноя, доставил останки первого человека в Иерусалим и похоронил их на Голгофе, которая считалась центром земли. Впоследствии на этом холме был распят Иисус, и когда сотник Лонгин пронзил его бок копьем, кровь и вода стекли вниз, на могилу Адама; таким образом, водою Адам был крещен, а с кровью Христовой получил жизнь вечную. Легенда эта проиллюстрирована на мозаике византийской церкви XI века в Дафни (около Афин): здесь изображено, как кровь распятого проливается на череп Адама, который от этого пробуждается к жизни и молитвенно поднимает руки. В некоторых православных церквях, в том числе русской, сложилась иконографическая традиция изображения креста, стоящего на некоем выступе или подиуме, внутри которого изображен человеческий череп со скрещенными под ним костями. На Руси эти изображения сопровождала аббревиатура: Г.Г. – «гора Голгофа» и Г.А. – «глава Адамова».

Во времена крестоносцев в храме Гроба Господня появилась часовня Адама. Она была устроена под часовней Распятия (12-й станцией), где в скальной породе имеется трещина, свя-

зываемая с рассказом евангелиста Матфея о землетрясении, случившемся в момент смерти Иисуса на кресте. Здесь же были погребены первые вожди крестоносцев Готфрид Бульонский и Балдуин I (их останки были удалены греками в 1809 г.).

Вероятно, христианская легенда о Голгофе как о могиле Адама вначале существовала без связи с каким-то определенным местом, и только после того, как топографы императора Константина установили Голгофу на месте нынешнего храма Гроба Господня, это место тем самым сделалось и могилой праотца Адама. Талмудические источники указывают совершенно другое место погребения первого человека: склеп Махпелы в Хевроне, рядом с могилами еврейских патриархов (ВТ Бава-Батра, 58а; Берешит-рабба, 58). Уступая еврейской легенде в древности, христианская легенда основывается к тому же не на историческом предании, а на церковной теологии.

Об этой легенде Иероним Стридонский упомянул в письме к Марцелле (Письма, 46, 3; PL 22, 485). Но в Комментарий на Мф 27:33 он прямо отвергает ее: «Я слышал, что некто объяснял, будто Лобное место есть то, на котором был погребен Адам, и оно названо так потому, что там скрыт череп древнего (= первого) человека, и будто бы в связи с этим стоит изречение апостола: *встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос* (Еф 5:14). Благоприятное толкование и ласкающее слух народа, но неверное. В действительности же вне города, за воротами находятся места, где отсекаются головы осужденных, и эти места получили название *Лобное*, то есть место обезглавленных. Господь распят там ради того, чтобы воздвиглось знамя мученичества там, где было поле осужденных, и как ради нас Он сделался проклятием крестным, был бичуем и распят, так и для спасения всех Он, как будто злодей, распят между злодеями. Но если кто-либо захочет оспаривать, что Господь ради того погребен там, чтобы-де самую Свою кровью оросить могильный холм Адама, то мы спросим такового: почему же на том месте были распяты и другие разбойники? Из этого явствует, что Лобное место не было могильным холмом первого человека, а было *местом обезглавленных* (*locum desolatorum*), так что там, где был в изобилии грех, преизобильной была и благодать. А в свитке Иисуса, сына Нави [на] мы читаем, что Адам был погребен возле Хеврона в Арбее (не ясно, имеется в виду Нав 14?)» (PL 26, 209).

В Комментарий на Еф 5:14 Иероним также высказал сомнение в том, что могила Адама находилась на месте распятия Христа. Столь же критично относились к этой легенде и другие церковные писатели. Паломник Зевульф, посетивший Иерусалим в эпоху крестоносцев, а также Иоанн Вюрцбургский, описавший святые места Палестины, несомненно были знакомы с этой легендой, но тем не менее указали, что Адам был похоронен в Хевроне. Таким образом, традиции почитания Голгофы так же как могилы первого человека придерживались в Церкви далеко не все.

Правда, в усыпальнице патриархов в Хевроне (Харам ал-Халиль) не было и нет могилы Адама. Но в этой усыпальнице имеется плита, на которой показывают след стопы первого человека. Эта плита связана со средневековым мусульманским преданием о том, что Адам часто молился на этом месте.

4. Результаты археологических исследований

Христианский Иерусалим пришел на смену существовавшей два века римской колонии Элии Капитолине. Римское название города продолжало употребляться христианами вплоть до мусульманского завоевания Иерусалима, передалось и мусульманам, именовавшим святой город Илией. Но римская Элия Капитолина, как установлено в ходе археологических изысканий, разительно отличалась от Иерусалима периода Второго Храма, от библейского города, современного Иисусу Христу и его первым последователям. После того как Иерусалим был дважды разрушен римлянами в ходе подавления иудейских восстаний в 70 и 135 гг., он был отстроен заново по плану, разработанному архитекторами императора Адриана, и стал представлять собою типично римский город. Были проложены новые широкие и прямые улицы взамен прежних узких и извилистых, на руинах еврейских домов возведены новые здания. Римская планировка Иерусалима в целом продолжает сохраняться до сих пор. Нынешний Старый город в основе своей был оформлен именно при Адриане. Все последующее строительство, проводимое в Иерусалиме и христианами, и мусульманами, так или иначе зависело от римской планировки и следовало ей.

Более того, есть доводы, что и Храмовый комплекс, традиционно считающийся детищем Ирода Великого, размеры и конфигурацию которого воспроизводит сегодня Харам аш-Шариф, на самом деле был спланирован и построен Адрианом. Иродианский же храм был гораздо меньше по размерам и занимал не более 1/3 площади нынешней Храмовой горы⁵⁹.

Другими словами, те церковные открытия, о которых шла речь в предыдущей главе, были сделаны на территории совершенно другого, нового города, построенного римлянами на месте древнего Иерусалима. Если эти открытия подлинны, то надо признать, что христиане IV века успешно справились с чрезвычайно трудной археологической задачей. Но как раз подлинность этих открытий нуждается в проверке, для чего требуются уже настоящие археологические исследования.

Что же говорит современная археология?

Археологическая история Иерусалима подразделяется на несколько сменявших друг друга периодов, в частности:

- Древний, или ранний период (с древнейших времен примерно до середины II в. до н. э.) – собственно, это ветхозаветный Иерусалим;
 - Хасмонейский период (сер. II в. до н. э. – 37 г. до н. э.);
 - Иродианский период (37 г. до н. э. – 70 г. н. э.);
 - Римский период (с 70 г. или даже с 135 г. н. э. до 325 г.);
 - Византийский период (325–638 гг.);
- и далее.

Археологические памятники каждого из этих периодов имеют свои характерные черты и особенности. Нынешние археологи могут уверенно отнести к тому или иному периоду каждую конкретную находку. Большой опыт накоплен при раскопках в Еврейском квартале Старого города, где последовательно вскрыты слои нескольких периодов; при раскопках вдоль Западной стены Храмового комплекса, а также в Цитадели найдены памятники Иродианского периода и более ранних времен. Раскопки у Дамасских ворот увенчались открытием фундамента северных ворот Элии Капитолины.

Нас интересует прежде всего археологическая картина участка храма Гроба Господня. Первые важные открытия были сделаны здесь еще в Средневековье. Во время очередных ремонтных или восстановительных работ под западной стеной Ротонды в глубине за

⁵⁹ Sagiv 1996.

Сирийской часовней был обнаружен погребальный склеп, совершенно идентичный еврейским гробницам периода Второго Храма. Традиционно склеп этот называется гробницей Иосифа Аримафейского и Никодима. Следуя Евангелиям, именно эти лица погребли Иисуса, и неудивительно, что церковная традиция связала с их именами гробницу, соседствующую с гробницей Христа. По-видимому, открытие древнееврейской гробницы произошло в XV веке, поскольку у путешественника и картографа Дж. Зуалларта, писавшего в 1586 г., мы можем прочесть, что могилы Иосифа и его сыновей (!?) Александра и Руфа находятся в Коптской (= Сирийской) часовне храма Святого Гроба.

Таким образом, было получено подтверждение того, что на участке нынешнего храма Гроба Господня имелись древнееврейские погребения. Их остатки сохраняются до наших дней. Гробница Иосифа и Никодима представляет собою погребальную камеру размерами 2,24 × 2,16 м с двенадцатью полкообразными нишами (евр. *кохим*) для хранения тел и останков умерших – по три на каждой стороне, длиной до 2 м и высотой/шириной 0,5 м. Сохранились только шесть таких ниш, в западной и южной стенах гробницы; другие ниши, оказавшиеся на том месте, где пролегает стена Ротонды, были уничтожены еще строителями Константинова храма. Посреди погребальной камеры имеется выдолбленное в полу прямоугольное углубление, также служившее для погребения. Это углубление было закрыто каменной плитой, и его обнаружили только в 1874 г.

Важным археологическим объектом является традиционная Голгофа – скалистый бугор из мягкого белого известняка (*pummulitic*), часто встречаемого в окрестностях Иерусалима. Эту скалу тщательно обследовали еще ученые XIX столетия. Высота ее 13 футов (3,9 м) относительно Гроба Господня, а расстояние до Гроба, расположенного от нее на северо-западе, – 140 футов (42 м). Интересно, что с этой стороны часть скалы была срезана, и сделали это, по-видимому, еще строители Константинова храма. Большая трещина или расщелина, которая упоминалась в предыдущей главе, находится в восточной части скалы.

В XIX и начале XX века производились некоторые раскопки на участках, прилегающих к храму Гроба Господня, в частности на Русском месте (Александровском подворье), в Коптском монастыре и при строительстве лютеранской церкви Редемер. Основной целью этих раскопок было открыть остатки «второй» городской стены библейского Иерусалима. К нынешнему времени результаты этих изысканий почти полностью пересмотрены. Подробнее мы поговорим об этом в соответствующей главе.

Настоящие археологические исследования на участке храма Гроба Господня стали возможными только во второй половине XX века. В ходе ремонтных и восстановительных работ в храме, продолжавшихся в 1961–1969 гг. и в 1970-е годы, В. Корбо, С. Куаснон и др. провели основательные раскопки. В различных частях храма ниже уровня пола были открыты остатки древней каменоломне, датированной VIII–I вв. до н. э. По характерным вырезам в скальной породе предполагается, что отсюда брали камень для городского строительства эпохи Второго Храма. Скала, в которой видят Голгофу, несколько возвышалась над каменоломней. К началу новой эры работы в каменоломне прекратились, после чего на этом участке появились еврейские гробницы. Одной из них является упомянутый погребальный склеп, известный как гробница Иосифа Аримафейского и Никодима. Следующий археологический слой образуют остатки фундамента римского святилища (теменоса), они датируются временем построения Элии Капитолины. Правда, остатки эти, обнаруженные непосредственно в храме Гроба Господня, чрезвычайно фрагментарны. Найдены только основания стен римского святилища; верхние блоки, вероятно, были удалены, когда на этом месте в 326–335 гг. строилась Константинова базилика. Ниже каменного пола Ротонды, на север от Эдикулы, построенной над гробницей Христа, открыто место, которое, возможно, использовалось как подземное хранилище (*favissa*) в Римском храме.

Самым большим остатком Адриановой каменной кладки, обнаруженной в храме Гроба Господня, является массивная стена, сохранившаяся на большой высоте под северным краем передней площадки (parvis'ом) храма. В. Корбо идентифицировал эту стену как западное продолжение сохранившейся южной стены теменоса, которая окружала римский храм. Юго-восточный угол стены теменоса доныне виден на Русском месте (Russian Hospice) на восток от храма Гроба Господня⁶⁰. Две стены неравной толщины встречаются здесь не точно под прямым углом. Они сложены из больших квадров с типично иродианской обработкой краев. Вероятно, строители Адриана пользовались каменными блоками, взятыми из разрушенных зданий Иерусалима периода Второго Храма. В Византийский период эти стены были облицованы мраморными плитами, на что указывают маленькие впадины в камнях⁶¹.

В. Корбо предположил, что упоминаемый Евсевием и другими церковными писателями храм Афродиты-Венеры занимал западную часть нынешнего храма Гроба Господня, т. е. площадь Ротонды, тогда как на месте нынешнего Кафоликона, т. е. на месте базилики Константина, стояла римская базилика⁶². По мнению В. Корбо, построенный в 326–335 гг. христианский храм (доныне сохраняющий свою структуру) воспроизводит конфигурацию римского теменоса: строители Константина возвели стены нового храма на фундаментах стен римского святилища, а в некоторых случаях даже сохранили прежнюю кладку на значительной высоте. Нижние части колонн Ротонды также, возможно, принадлежали раньше храму Венеры, который, по всей видимости, имел круглую форму. Правда, С. Куаснон предложил другую датировку тех же самых остатков строений римского периода, а также их интерпретацию, и его выводы во многих существенных деталях отличаются от теории В. Корбо⁶³. Позднее взгляды этих ученых были критически пересмотрены, и появилось мнение, что строители Константина вовсе не ставили свои стены на римские фундаменты, но вторично использовали материал римского святилища⁶⁴. В таком случае каменные блоки эти были далеко не в первом употреблении, ибо и строители Адриана, как говорилось, брали их из предшествующих строений. Результаты раскопок, конечно, подлежат дальнейшему изучению, но тем не менее установлено главное: христианский храм был построен на месте более раннего римского храма.

В 1970 г. Армянский патриархат начал исследовать пространство к востоку от принадлежащей ему часовни св. Елены. Исследования эти привели к интересным результатам. За массивной кладкой открылось пустое помещение, по-видимому заблокированное еще римскими строителями. Ныне в этом помещении устроена часовня св. Вартана, или, по-другому названию, часовня Армянских мучеников. Здесь также были обнаружены большие каменные блоки Иродианского времени, которые использовали сначала строители Адриана, а затем строители Константина. В течение раскопок открылось шесть древних стен, датируемых как римским, так и византийским временем. На одном из каменных блоков сохранился рисунок римского торгового судна, под которым имеется не очень четкая латинская надпись, реконструированная М. Броши (продолжавшим исследования в часовне св. Вартана в 1975–1981 гг.) как «DOMINE IVIMUS». М. Броши предположил, что надпись эта восходит к латинской версии Пс 121:1: *in domum Domini ibimus* («пойдем в дом Господень») и сделана христианами паломниками ок. 330 г., когда еще строилась базилика Константина⁶⁵. Впоследствии Ш. Гибсон и Дж. Тейлор

⁶⁰ Этот угол и близлежащие части каменной кладки были знакомы уже многим ученым в середине XIX в.; среди тех, кто обращался к ним: К. Шик, М. де Вогюз, Э. Пьеротти, К. Вильсон и Ш. Клермон-Ганно. См. далее, гл. 8.

⁶¹ Geva 1993, 763, 779.

⁶² Возникло также мнение, что стоявшее здесь римское святилище являлось Капитолием и было посвящено традиционной римской триаде: Юпитеру, Юноне и Минерве. Мнение это, однако, не получило развития.

⁶³ Avi-Yonah 1993, 780.

⁶⁴ Taylor-Gibson 1994; Беляев 2001, 38.

⁶⁵ Broshi 1977, 267–269.

оспорили и эту трактовку, и само прочтение надписи, доказывая, что она не имеет никакого отношения к христианам и оставлена еще строителями Адрианова храма⁶⁶.

Подводя итог, можно сказать, что археологические изыскания в храме Гроба Господня привели к результатам столь же интересным, сколь и спорным. Подтвердилось лишь одно сообщение Евсевия и других церковных писателей – именно то, что комплекс храма Гроба Господня построен на месте римского храма и, более того, возможно, воспроизводит его конструкцию. Не доказано, правда, что этот храм был посвящен именно Афродите-Венере, а не какому-либо иному божеству Римский храм был воздвигнут во II веке, вероятно в правление Адриана или Антонина Пия, и действовал до момента его преобразования в христианское святилище – до 326–335 гг. Строительный материал этого храма сохранился в фундаменте Константиновой церкви. Однако археологи не нашли никаких следов христианского присутствия на этом участке в доникейскую эпоху. Надпись DOMINE IVIMUS в часовне св. Вартана, как бы ее ни датировать, по-видимому, сделана не христианами. Погребальный склеп, условно именуемый гробницей Иосифа Аримафейского и Никодима, является типичной еврейской гробницей, в каких хоронили на протяжении столетий. Тот факт, что на участке храма Гроба Господня открыты древние еврейские погребения, который некоторые авторы считают весомым аргументом в пользу подлинности гробницы Христа, сам по себе говорит лишь о том, что на этом участке до 135 г. хоронили умерших. Но из чего следует, что именно на этом кладбище, одном из многих кладбищ Иерусалима, был погребен Иисус Христос?

Датировать гробницу, ныне находящуюся в Эдикуле и почитаемую как Гроб Господень, после всего, что произошло с нею на протяжении веков, – после полного разрушения ее в 1009 г. по приказу халифа ал-Хакима и в 1244 г. хорезмийскими завоевателями, а также после всех реставраций и перестроек, – понятно, сегодня весьма затруднительно, если не сказать невозможно. В сущности, это давно уже не гробница, а не первая по счету конструкция, заключающая фрагменты той древней гробницы. Мы можем лишь предположить, что изначально она была подобна близлежащей еврейской гробнице за Сирийской часовней и имела такое же внутреннее устройство – те же полкообразные *ниши-кохим* для нескольких покойников. Возможно также, она была несколько иного типа, того, к которому относится и «Садовая гробница», – с прихожей и погребальной камерой со скамьями-лежанками (*локулями*) для одного или двух покойников. Конструкция нынешней Эдикулы с передним и внутренним помещениями, воспроизводящая, видимо, конструкцию первоначальной Эдикулы, указывает на второй тип еврейских погребений. Маловероятным кажется только то, что гробница эта имела лишь одно погребальное ложе, как предусматривает нынешний памятник. Таких древнееврейских погребений известно очень немного, а в Иерусалиме не обнаружено ни одного!

Интересно: одно время среди паломников ходил слух, что под Эдикулой кроется еще одна гробница, и что она-то и есть истинный Гроб Господень. О том читаем в писании Трифона Коробейникова (1584 г.): «А сказывают: тот гроб учинила царица Елена, а под тем гробом тот гроб, где Господь наш Иисус Христос положен был Иосифом [и] Никодимом, и откуда Он восстал и нам жизнь вечную даровал. В тот гроб невозможно войти никому, ибо вход под землю заложен камнями»⁶⁷.

Но была ли гробница, заключенная в Эдикуле, именно той, в которой погребли Иисуса?

Анализируя данные археологии, Дж. Мерфи О'Коннор вполне это допускает. «В начале I века н. э. здесь была используемая каменоломня, находившаяся за чертою городских стен. Обнаруженные здесь гробницы датируются I веком до н. э. и I веком н. э.; они высечены в вертикальной западной стене оставленной каменоломни. Наша гробница была подобна им: также высеченная в скальной породе, она имела вход с восточной стороны. Эти факты – доста-

⁶⁶ Teylor-Gibson 1994, 7-48; Беляев 2001, 64.

⁶⁷ Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV–XVI веков. Изд. архимандрита Леонида. М., 1871. С. 35–36.

точно малый вклад археологии, но они тем не менее показывают, что этот участок совместим с топографическими данными, представленными Евангелиями. Иисус был распят на возвышенной скале, напоминающей череп, вне города (Ин 19:17) и погребен недалеко от нее (Ин 19:41–42). Трава и растения, поливаемые зимой, когда идет дождь, создали зеленый покров в карьере, который Иоанн удостоивает названия “сад”. Аргументом за аутентичность существующей традиции иерусалимской общины является то, что на этом месте совершались литургические церемонии вплоть до 66 г. н. э. Даже когда этот участок оказался внутри стен в 41–43 гг. н. э., он не был застроен. Память об участке осталась и была, возможно, использована мстительным Адрианом в 135 г., когда он засыпал карьер, чтобы поднять уровень земли для строительства своего храма, который был посвящен Афродите»⁶⁸.

Некоторые из «фактов», приведенных Мерфи О’Коннором, нуждаются в доказательстве. А именно: утверждение, что этот участок в I веке н. э. находился за чертою городских стен, что на нем до 66 г. справлялись «литургические церемонии» (liturgical celebrations; вероятно, Мерфи О’Коннор хотел сказать «погребальные»), не говоря уже о чисто гипотетическом «зеленом покрове», который в Евангелии от Иоанна называется даже садом. По этому поводу Д. Чедвик справедливо замечает: «Можно спросить Мерфи О’Коннора: почему Мария Магдалина вообразила, что она говорит с садовником (Ин 20:15), если она стояла всего лишь на зеленом покрове, возникшем на материковой породе каменоломни? Из-за недостатка пахотной почвы место храма Святого Гроба не могло быть садом во времена Иисуса»⁶⁹.

Д. Чедвик полагает, что жители Иерусалима той поры вообще старались не хоронить покойников на западе от города, поскольку частые западные ветры несли на жилые кварталы запах разлагающихся в гробницах трупов. В подкрепление этого приводится норма ВТ Бава-Батра, 25а, отражающая, видимо, давнюю традицию: «Расстояние от останков животных, гробниц и мастерских дубильщиков до города – не менее пятьдесят локтей. Никто не ставит дубильню иначе как на восток от города. Р. Акива говорит: на каждый ветер одно место, кроме запада, и расстояние в пятьдесят локтей». Чем же тогда, спрашивает Чедвик, объяснить наличие еврейских захоронений на участке храма Святого Гроба? Тем, что они возникли до строительства «второй» стены и, таким образом, находились не на западе, а на севере от тогдашнего города (и не попадали под запрет). Но во времена Иисуса, считает Д. Чедвик, когда уже существовала «вторая» стена, погребения на этом участке были прекращены⁷⁰.

К этим соображениям добавим *argumentum ex contrario*. Предположим, что на данном участке все-таки совершались погребения во времена Иисуса и он почитался христианами I-го и начала II-го веков. Было бы вполне естественным, что палестинские христиане той поры желали быть похороненными поближе к гробнице основателя Церкви, так же как впоследствии христиан хоронили поближе к могилам святых. В иудаизме существовала аналогичная традиция. Таким образом, в течение столетия (33–135 гг.) на рассматриваемом участке вполне мог образоваться небольшой христианский некрополь. Во всяком случае, мы вправе ожидать, что здесь должны были бы быть погребены члены семьи Иисуса – прежде всего его братья Иаков (ум. 63) и Симеон (ум. 107), погибшие в Иерусалиме во время гонений. То, что в Новое время найденные под стеною Ротонды остатки погребального склепа были связаны с именами евангельских героев, свидетельствует, что сделавшие это руководствовались теми же представлениями.

Очевидно, однако, что так не думали строители Константина, которые, соорудив Ротонду храма Гроба Господня, рассекли пополам и тем самым разрушили указанную гробницу. Скорее всего, строители Константина следовали своим римским предшественникам, и конфигурация

⁶⁸ Murphy-O'Connor 1998, 45–46.

⁶⁹ Chadwick 2003.

⁷⁰ Ibid. О иерусалимских стенах времен Иисуса см. далее, гл. 8.

Ротонды диктовалась конструкцией Адрианова храма. И все же, несомненно, христианские строители видели остатки погребального склепа к западу от гробницы Иисуса, но не придавали ему никакой ценности. Все их внимание было сосредоточено на гробнице Христа, а со всеми прочими погребениями они не считались. Следовательно, христианского некрополя здесь не было – во всяком случае, строители Константина его не увидели. А это – аргумент против использования этого участка христианами доникейской эпохи («литургических церемоний» Мерфи О’Коннора), и, в конечном счете, против подлинности Святого Гроба.

Таким рассуждением мы хотим лишь показать, что результаты археологических изысканий в храме Гроба Господня далеко не однозначны. Все открытия и находки спорны. При желании оправдать церковную традицию их можно представить как аргументы в пользу аутентичности гробницы Иисуса, а при неимении такого желания – как аргументы против нее. Так называемая «гробница Иосифа Аримафейского и Никодима» за Сирийской часовней иллюстрирует это наилучшим образом. То же самое относится к надписи DOMINE IVIMUS в часовне св. Вартана и к другим находкам и открытиям.

«Все, что мы можем сказать, – пишет М. Биддл в своей работе, посвященной гробнице Христа, – так это то, что если арест Иисуса, его страсти и распятие в Иерусалиме должны быть приняты как исторический факт, то не имеется никакого другого участка, который имел бы большее основание быть местом его казни и похорон»⁷¹. В подтверждение такого вывода английский исследователь приводит слова прежнего главного археолога Иерусалима Д. Бахата: «Мы не можем быть абсолютно уверены, что участок храма Святого Гроба – участок похорон Иисуса, но, поскольку мы не знаем никакого другого участка, о котором можно говорить нечто подобное, то у нас нет веской причины отклонять подлинность данного участка»⁷². Со своей стороны мы заметим, что говорящие так несколько неточны. В одной из следующих глав мы рассмотрим, по меньшей мере, пять альтернативных локаций Голгофы и гробницы Иисуса, одна из которых почти официально принята протестантами.

Впрочем, Д. Бахат и М. Биддл правы в главном: нельзя решительно отрицать церковную традицию, не имея на то веских оснований. Можно сколь угодно сомневаться в достоверности открытия 326 года, описанного Евсевием Кесарийским и другими христианскими писателями, но невозможно *ниспровергнуть* многовековую традицию местонахождения гробницы Иисуса. Мы должны считаться с этой традицией как с исторической данностью. Опровергнуть церковную традицию может только одно: установление другого места погребения Иисуса, которое базировалось бы на очевидных и неоспоримых фактах. До тех пор пока этого не произошло, церковная традиция сохраняет свою силу. Мы хотим подчеркнуть это, прежде чем продолжим нашу тему.

Остается, правда, ответить на немаловажный вопрос: почему Адрианов храм был построен на этом месте? Византийские и западнохристианские авторы, как мы видели, связывали это со стремлением враждебных христианству «язычников» скрыть величайшую церковную святыню и подменить поклонение истинному Богу поклонением «распутному демону Афродиты». Это мнение остается общепринятым и в нынешней Церкви. Так ли было на самом деле?

Как известно, продолжая эллинистическую практику, римляне охотно перестраивали в своем вкусе почитаемые в древности святилища, а также возводили на их месте новые храмы. Так же поступали и строители Адриана, возводя на развалинах Иерусалима римскую колонию Элию Капитолину. На месте иудейского Второго Храма был построен храм Юпитера Капитолийского со статуями Юпитера и самого Адриана (*Иероним Стридонский*. Комм, на Ис 2:9; Комм, на Мф 24:15). Почитаемая евреями купель Вифезда была обращена в римскую лечеб-

⁷¹ Biddle 1999.

⁷² *Biblical Archaeology Review*, May/June 1986. R 38.

ницу, а рядом возведен храм Эскулапа (ныне рядом с церковью св. Анны). Наиболее подробное перечисление Адриановых построек в Иерусалиме дает Пасхальная хроника (VII в.), которая под 119 г. н. э. (?) сообщает о возведении в Иерусалиме главного храма, двух форумов (δύο δῆμοια), театра, монетного двора, а также сооружений, называемых Трикамарон, Тетранимфон и Додекапилон (I 224; PG 92, 613). Этот перечень римских построек в Иерусалиме совершенно уникален и нигде больше не встречается. Авторы Пасхальной хроники пользовались такими источниками, которые не сохранились до наших дней и ныне неизвестны. Местоположение таких объектов, как римский театр, монетный двор, Трикамарон, Тетранимфон и Додекапилон, до сих пор не установлено, и мы можем только гадать, где они находились⁷³. И, поскольку в Пасхальной хронике не упоминается храм Афродиты-Венеры, не исключено, что какой-то из трех последних объектов отождествлялся авторами хроники с тем «идольским капищем», которое стояло на месте гробницы Христа.

В принципе нельзя исключить того, что римляне построили свой храм на месте некоего почитаемого ранее объекта. Такое было бы более чем вероятно, если бы мы располагали хотя бы каким-нибудь указанием на почитание данного участка в доадрианову эпоху. Но таких указаний нет.

Строительство Адрианова храма в этой части города было, по-видимому, вызвано совершенно другим обстоятельством. Пасхальная хроника сообщает, что в Элии Капитолине было два форума или гражданских центра – т. н. «демосий». Один из этих центров обнаружен к северу от Храмовой горы, в Мусульманском квартале. Довольно большой участок площадью примерно 200 × 150 м между нынешними улицами Харет Баб ас-Сахира и Тарик Баб Хитта в древности занимал римский форум. Почитаемая христианами арка *Ecce Homo* на Виа Долороза в действительности является остатком триумфальной арки Адриана, стоявшей при входе на этот форум с запада.

Где была вторая городская «демосия», указываемая Пасхальной хроникой? Судя по всему, второй гражданский центр, или форум, располагался непосредственно южнее храма Венеры, на месте нынешнего Муристана. Последний с эпохи Средневековья известен как традиционная торговая площадь Иерусалима. Вполне вероятно, что площадь здесь существовала и раньше, еще в эпоху Античности. Археологи обнаружили следы римских строительных работ на участке Русского места и лютеранской церкви Редимер. Римляне засыпали в этом месте низины и повысили уровень земли, чтобы сровнять его с проходящей немного восточнее главной транспортной магистралью Элии Капитолины – Кардо Максимус. На этой платформе и располагался второй городской форум. Храм Венеры примыкал к нему с севера, органически входя в комплекс строений, святилищ и колоннад, обычно окружавших римские форумы. То есть строительство храма Венеры или ряда святилищ, посвященных римским богам, было связано с оформлением второго гражданского центра, созданного в этой части города⁷⁴.

Торговая площадь под названием *Forum rerum venalium* появляется на картах Иерусалима периода крестоносцев. Она изображается в центре города, по левую сторону «улицы Сионских ворот» (via porte mons Syon), как при крестоносцах называлась южная часть Кардо Максимус. Этот форум можно локализовать в нынешнем Еврейском квартале, на пересечении улиц ха-Йехудим (Харет ал-Йахуд) и ха-Шалынелет (Тарик Баб ас-Сильсиле). Следуя описанию автора *La Cité de Jherusalem* (ок. 1220), в этом месте располагались лавки латинских менял (гл. 5, 10). Рискнем предположить, что *Forum rerum venalium* крестоносцев является наследником римского гражданского форума и «демосии» византийской Пасхальной хроники. Так же, как и те,

⁷³ В частности, Додекапилон помещают на месте бывшей крепости Антонии, Трикамарон отождествляют с трехчастной аркой *Ecce Homo* на Виа Долороза, а Тетранимфон (т. е. «четверной Нимфеум») видят в римском храме у источника Силоам, превращенном затем в византийскую церковь. См.: *Маккавейский* 1891, 234.

⁷⁴ *Margalit* 1989, 48; *Taylor* 1993, 116.

форум крестоносцев примыкает к главной городской магистрали – Кардо Максимус – «улице Сионских ворот».

5. Анализ евангельских данных

Можно ли сейчас установить истинное место распятия и погребения Христа, и на чем при этом должны основываться исследователи? Прежде всего следует рассмотреть данные первоисточников – четырех канонических Евангелий и новозаветных писаний в целом, а также раннехристианской традиции, представленной сочинениями церковных авторов II–V веков. Проанализируем соответствующие тексты.

Канонические Евангелия, хотя и с небольшими отклонениями (каждое в свою сторону), воспроизводят в основном одно и то же христианское предание, которое в среде библистов называется «повествованием о Страстях Господних». Предполагают также, что оно было вначале написано отдельным образом и имело хождение в раннехристианских общинах, пока не сделалось заключительной частью Евангелий.

Предание это содержит неперенные эпизоды:

1. Пасхальная вечеря Иисуса с учениками (Мф 26:17–29; Мк 14:12–25; Лк 22:7–38; Ин 13–17).
2. Ночная молитва в Гефсиманском саду на Елеонской горе (Мф 26:30–46; Мк 14:26–42; Лк 22:39–46; Ин 18:1).
3. Арест Иисуса в том же саду (Мф 26:47–56; Мк 14:43–52; Лк 22:47–53; Ин 18:2–12).
4. Допрос (или суд) в синедрионе (или в собрании) иудейских старейшин (Мф 26:57–75; Мк 14:53–72; Лк 22:66–71; Ин 18:13–27).
5. Допрос (или утверждение приговора старейшин) римским правителем Пилатом (Мф 27:1–30; Мк 15:2–19; Лк 23:1–25; Ин 18:28–19:15).
6. Казнь Иисуса через распятие (Мф 27:31–56; Мк 15:20–41; Лк 23:26–49; Ин 19:16–37).
7. Погребение (Мф 27:57–66; Мк 15:42–47; Лк 23:50–55; Ин 19:38–42).
8. Воскресение из мертвых (Мф 28:1 сл.; Мк 16:1 сл.; Лк 24:1 сл.; Ин 20:1 сл.).

Дополнительно к этому евангелист Лука сообщает об участии в деле Иисуса прибывшего в Иерусалим тетрарха Ирода Антипы (23:8–12), вставляя этот эпизод в рассказ о суде Пилата, а евангелист Матфей, со своей стороны, вставляет в повествование эпизоды с раскаянием и смертью Иуды Искарота (27:3–10) и со стражей у гроба Иисуса (27:62–66; 28:9–15).

Из всех мест, где происходили указанные события, бесспорно локализуется только одно: Гефсиманский сад на Елеонской горе, к востоку от Иерусалима. Обо всех остальных пунктах евангельского предания мы можем судить лишь предположительно.

Например, до сих пор не выяснено точно, где Иисуса судил синедрион (или собрание старейшин). Обычно заседания иерусалимского синедриона происходили в особой «Палате из тесаного камня» (לשכת הגזית), которая, согласно Мишне, находилась во внутреннем дворе Храма (Йома, 25, 1). Однако Матфей, Марк и Иоанн, повествуя о допросе Иисуса, говорят о «дворце» или «дворе» первосвященника (αὐλῆς τοῦ ἀρχιερέως – Мф 26:57; Ин 18:15), а Лука – о «доме первосвященника» (οἶκος τοῦ ἀρχιερέως; 22:54). Действительно, вряд ли судьи Иисуса собрались тогда в «Палате из тесаного камня» при Храме. Есть все основания считать, что заседание это было внеурочное (происходило оно ночью или ранним утром) и даже чрезвычайное. Оно вполне могло происходить в собственном доме первосвященника, где, вероятно, члены синедриона собирались в тех случаях, когда нужно было решить какой-то частный или срочный вопрос (Мф 26:3). По всей видимости, дом первосвященника имел довольно обширный двор (αὐλῆς) с неким возвышением, где происходил суд над Иисусом, в то время как Петр оставался вне или внизу этого возвышения (Мф 26:69; Мк 14:66). Марк говорит даже о «переднем дворе» (το προαύλιον – 14:68), подразумевая, что имелся и другой, внутренний двор. Исследователи полагают, что это был не частный дом, а официальная резиденция иеру-

салимского первосвященника, в которой позже проживал первосвященник Анания (*Иосиф Флавий*. Иудейская война, II 17, 6)⁷⁵.

Где находился дом Каиафы? Церковная традиция, зафиксированная уже Бордосским путником (333 г.), помещает его в юго-западной части Иерусалима, близ нынешних Сионских ворот, а то и вовсе на горе Сион, за пределами нынешнего Старого города. «С той же дороги (Силоамской), – читаем в Бордосском итинерарии, – поднимаешься на Сион, и видно место дома первосвященника Каиафы (*domus Caifae sacerdotis*), и до сих пор находится здесь столб, у которого бичевали Христа» (CSEL 39, 22)⁷⁶. О том же говорит «Бревиарий Иерусалима» ок. 530 г.: «Оттуда (от церкви Сионской) приходишь к дому Каиафы, где отрекся святой Петр; там есть большая базилика св. Петра» (CSEL 39, 155). О том, что дом Каиафы был обращен в церковь св. Петра, говорят и другие византийские авторы, например Никифор Каллист (Церковная история, VIII 30). Дом Каиафы, в частности, видят на знаменитой Медебской карте (V в.) в строении, изображенном ниже Кардо Максимус, между Сионской базиликой и «башней Давида». На Сионе, перед церковью Апостолов, помещается дом Каиафы и на средневековых картах Иерусалима. Показываемый ныне на Сионе «дом Каиафы», так же как и церковь Апостолов (*Sepaculum*), был построен в 1229 г. Фридрихом II. Но, вероятно, место их строительства было выбрано не случайно и основывалось на давней традиции.

Эта традиция отчасти подкрепляется и археологическими находками. Севернее Сиона, на территории нынешнего Еврейского квартала обнаружен фундамент богатого здания Иродианского периода, который археологи окрестили «Домом знати» (*בֵּית הַמִּדְוָה*) или «Домом правителя», вполне допуская, что это и есть особняк иерусалимского первосвященника, куда приводили схваченного Иисуса. На одном из камней, найденном при раскопках, имеется арамейская надпись: «Бар Катрос»⁷⁷. Семейство Катрос было священническим, оно упоминается в Тосефте (Менахот, 13.21).

Получается, что арестованного в Гефсиманском саду Иисуса повели через весь город (или вокруг города) на другую его сторону. Путь этот весьма интересовал средневековых христиан, желавших определить т. н. *Via captivitatis*. Полагали, что из Гефсиманского сада Иисуса повели вдоль Кедронского потока на юг к гробнице Авессалома, где был мост через Кедрон. С этого моста разъяренная толпа столкнула Иисуса, отчего на серой скале под мостом отпечатался след ноги (или руки) Спасителя. Так рассказывает Ансельм Кентерберийский (1034–1109) в своем «Описании Святой земли». Далее предполагается, что Иисуса ввели в город через одни из ворот, расположенных в древней стене Иерусалима, которая спускалась от Храма на юг, огибала Офель, источник Силоам и Сионскую гору.

Стефан Гумпенбергский (ум. 1346) насчитывал от Гефсиманского сада до дома Анны 1800 шагов, а между домами Анны и Каиафы – 200 шагов; другие авторы указывали и большие расстояния⁷⁸.

⁷⁵ Smith 1908, II 571–572. Евангелист Иоанн говорит, что арестованного Иисуса «отвели сперва к Анне, ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником» (18:13), что само по себе правдоподобно. Анан, сын Сета (евангельский Анна), после сложения своих первосвященнических полномочий в 15 г. н. э. продолжал оказывать огромное влияние на общественные дела. Это явствует уже из того, что первосвященниками после него становились, как правило, члены его клана – либо родственники (как, например, зять Каиафа), либо родные сыновья, вплоть до Анана Младшего в 62 г. (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности, XX 9, 1).

⁷⁶ Заметим, что Бордосский путник пишет о столбе бичевания в доме Каиафы, когда, согласно Евангелиям, Иисуса бичевали не в доме первосвященника, а в претории Пилата. Но Иероним Стридонский в жизнеописании блаж. Павлы, а также и паломница Эгерия (Сильвия), посетившая Иерусалим ок. 385 г., также говорят о столбе бичевания Господа на Сионе (CSEL 39, 88).

⁷⁷ Gibson 2009, 85.

⁷⁸ Маккавейский 1891, 40.

Установление местоположения дома Каиафы, хотя и спорное, частично проясняет описываемую в Евангелиях картину, показывает, что некоторые упомянутые там пункты поддаются локализации, и дает определенную надежду отыскать месторасположение и других пунктов.

Но уже следующий пункт повествования о Страстях локализовать чрезвычайно трудно. «От Каиафы повели Иисуса в преторий», – читаем в Евангелиях. Иерусалимскому синедриону было дозволено выносить смертные приговоры за религиозные преступления, но они подлежали рассмотрению и утверждению римским наместником. Приведение приговоров в исполнение также было делом римлян. В Вавилонском Талмуде отмечается, что у синедриона были отняты смертные приговоры за сорок лет перед разрушением Храма (Авода-Зара, 8b), то есть примерно в 30 г. н. э. «Нам не позволено придавать смерти никого», – говорили иудеи Пилату, требуя казни Иисуса (Ин 18:31). Таким образом, в деле Иисуса синедрион был судом первой инстанции, а римский наместник – высшей.

Греческое слово *το πραιτώριον* воспроизводит латинское *praetorium*, означающее ставку полководца, а также резиденцию наместника провинции, в том числе и наместника Иудеи (при том что Пилат, по всей видимости, имел должность префекта⁷⁹). В Кесарии Палестинской такая же резиденция называлась Иродовым преторием (Деян 23:35; ср. Флп 1:13). В Иерусалиме римские наместники появлялись время от времени, главным образом во время больших иудейских праздников, чтобы наблюдать за порядком при многолюдном стечении паломников. Бывало также, наместники оставались в Иерусалиме довольно продолжительное время, устранивая здесь свою зимнюю стоянку (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности, XVIII 3, 1). Арест Иисуса пришелся на канун Пасхи, так что присутствие Пилата в Иерусалиме вполне объяснимо. В другое время, вероятно, арестованного Иисуса повели бы в Кесарию Палестинскую, как позже апостола Павла, либо заключили бы под стражу до прибытия в Иерусалим римского наместника.

Стоит отметить, что только последний евангелист пишет прямо: «от Каиафы повели Иисуса в преторий» (18:28). Синоптики сообщают лишь, что первосвященники и старейшины народа «отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю» (Мф 27:2; Мк 15:1; Лк 23:1), а термин «преторий» появляется в их повествовании позже, после разбирательства дела Пилатом, когда его воины отвели Иисуса «внутрь двора, то есть в преторий» и подвергли осужденного насмешкам и издевательствам (Мк 15:16; Мф 27:27), отчего у некоторых исследователей возникло предположение, что место суда Пилата и преторий – два разных объекта и что (Згцую-год («судейское место», «помост» – Мф 27:19, «судилище» – Ин 19:13), на котором восседал Пилат, отстоит на некотором расстоянии от *το πραιτώριον*, где воины наместника глумились над осужденным Иисусом и откуда повели его на распятие.

Все же более естественно полагать, что термин *το πραιτώριον* указывает прежде всего на резиденцию римского наместника, правителя провинции. Вероятно, евангелисты-синоптики подразумевали под преторием внутренний двор резиденции Пилата, а под «судейским местом», «судилищем», Лифостротомом – каменный помост перед преторием, открытый для взоров народа, где восседал наместник, творя суд⁸⁰. Последний евангелист сообщает характерную деталь: «[иудеи] не вошли в преторий, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (18:28). Следовательно, это был некий двор, окруженный оградой или рядом строений. Будучи занят римлянами, двор этот рассматривался иудеями как «нечистое» место, вступление на которое влекло за собою ритуальное осквернение.

В том же Евангелии читаем, что Пилат увел Иисуса внутрь претория, где и допрашивал его, в то время как обвинители оставались вне претория, и римлянин периодически выходил к ним, обращаясь с речью и предлагая свое решение дела (Ин 18:29, 38; 19:4, 17). Таким образом,

⁷⁹ Кесарийская надпись Пилата, I в. н. э. (АЕ 1963, 104).

⁸⁰ Ср. *Иосиф Флавий*. Иудейская война, II 9, 3; 14, 8.

по Иоанну выходит, что судейское место (Лифостротон) находилось внутри претория. Как бы то ни было, мы должны заключить, что преторий и «судилище» Пилата тесно связаны друг с другом. После того как Иисус был осужден на смерть, солдаты наместника в том же претории подвергают его издевательствам, а также, по римскому обычаю, бичуют перед распятием (Мф 27:27 сл; Мк 15:16 сл).

Как соотносили судейское место Пилата и преторий раннехристианские писатели, знакомые с подобными судилищами не понаслышке? Епифаний Кипрский так перечисляет места крестных страданий Христа: Гефсимания, дом Каиафы, преторий, жилище Ирода-тетрарха, Голгофа (Ancoratus⁸¹, 40; PG 43, 89), – из чего мы видим, что евангельский суд Пилата связывается с преторием. Бордосский путник пишет: «дом или преторий Понтия Пилата» (CSEL 39, 22), понимая его как жилище, резиденцию правителя. Само обозначение «преторий Пилата» (τὸ Πιλάτου πραιτώριον), вошедшее в христианскую литературу (*Кирилл Иерусалимский*. Поучения, XIII 39; PG 33, 820), означает, что церковные авторы разумели, что именно там Пилат и судил Иисуса. Стоит добавить, что в аналогичных случаях, когда деятелей ранней Церкви привлекали к суду военно-административной власти, процессы происходили в претории (*Понтий Диакон*. Жизнь и мученичество св. Киприана, 12; Сказание о мученичестве св. Дасия, 5).

Итак, все перечисленные объекты: τὸ πραιτώριον, βήματος, Λιθόστρωτον-Γαββαθα относятся к резиденции римского наместника в Иерусалиме. Внутренний двор этой резиденции был достаточно большим, чтобы вместить «весь полк» (Мф 27:27; Мк 15:16), очевидно, когорта – 400–600 воинов. Вполне вероятно, что и апостол Павел, будучи доставлен своими обвинителями к тысяченачальнику Клавдию Лисию, очутился в том самом претории, в который двумя десятилетиями прежде вводили Иисуса. В Деяниях апостолов Лука называет это место крепостью (παρεμβολή – 21:34, 37)⁸². Павел содержался здесь под стражей, пока не был отправлен в Кесарию Палестинскую.

Локализацией претория Пилата мы еще займемся, а пока продолжим изучение Евангелий.

«Когда же насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и вывели Его, чтобы распять Его... И привели Его на место Голгофу, что значит: Лобное место» (Мк 15:20, 22; Мф 27:31, 33). Евангелисты не указывают, в каком именно направлении повели Иисуса на распятие и как долго продолжалось шествие к Голгофе. Из комедии «Привидение» (Mostellaria) Тита Макция Плавта (254–184 до н. э.) мы узнаем, что приговоренного к распятию, прежде чем пригвоздить ко кресту, водили по людным улицам с перекладиной (patibulum) на плечах, стегая бичами в назидание народу (ст. 55–57). Если с Иисусом поступили именно так, то маршрут Крестного пути может быть самым разнообразным. Осужденного долго водили по главным улицам города в том или ином направлении, пока наконец не доставляли на место распятия. Так и было бы с Иисусом, если бы дело происходило в Греции или Риме. Но, допустим, в Иерусалиме римляне по необходимости учитывали местные условия. Ввиду приближающегося праздника Пасхи, до наступления которого оставалось несколько часов, показательный обход города был сокращен или вовсе отменен, и экзекуторы повели осужденного напрямик на место казни.

⁸¹ В русском переводе: «Слово якорное». См.: Творения святого Епифания Кирского. Перевод Московской Духовной академии. Часть шестая. М., 1883.

⁸² Кстати, Лука – единственный из евангелистов, который не называет место суда Пилата и бичевания Иисуса преторием. Возможно, это место было известно ему именно как «лагерь», «крепость». В таком случае стоит присмотреться к некоторым деталям, сообщаемым Лукой об этой крепости: в нее вела высокая лестница (анофабдош – Деян 21:35), причем непосредственно от храмового двора, так что Павел, стоя на ступенях этой лестницы, обращался с речью к народу, собравшемуся в Храме. Несомненно, речь идет о крепости Антонии, в которой постоянно пребывал римский отряд и из которой в храмовые галереи спускались по лестницам (*Иосиф Флавий*. Иудейская война, V 5, 8)

Можно представить, что Голгофа находилась в некотором удалении от претория, так как потребовался человек со свежими силами, который мог бы нести орудие казни вместо избитого и обессиленного Иисуса (Мф 27:32 и пар.)⁸³. У Матфея сказано: «Выходя (ἐξέρχόμενοι), они встретили одного Кириинеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его» (27:32). У Марка встречаем подобное же выражение: «И вывели Его (ἐ&γуюшь), чтобы распять Его» (15:20). Эти глаголы «выводить», «выходить» заставляют думать, что они относятся не только и не столько к преторию Пилата, сколько к городской стене, и что место распятия находилось вне города. Последний евангелист определенно указывает, что распятие произошло «недалеко от города» (Ин 19:20), т. е. за чертой городских стен («вне врат» – Евр 13:12), в достаточно людном месте, так что поставленную на кресте надпись «читали многие из иудеев».

По-видимому, рядом с Голгофой проходила оживленная дорога; Матфей и Марк упоминают «проходящих» (οἱ παρὰ τοὺς ὁδοὺς) у креста (Мф 27:39; Мк 15:29), что можно понимать как «идущих мимо по дороге». Лука представляет дело так, что у креста находилась толпа, специально «сошедшаяся на зрелище», которая затем вернулась в город (23:48). Но, по-видимому, Матфей и Марк точнее передают первоначальное предание. Иисус был распят близ дороги, ведущей в город, недалеко от городских ворот (характерно упоминание «врат» в Евр 13:12), что вполне естественно в случае публичной показательной казни. Стоит учесть, что вместе с Иисусом были распяты два разбойника. Вероятно, Голгофа представляла собою обычное тогда место совершения публичных казней. «Всякий раз, когда мы распинаем преступников, – писал Квинтилиан (35–96), – выбирается многолюдная большая дорога (celeberrimae eliguntur viae), чтобы многие видели это и страшились, потому что эта казнь служит не только возмездием за содеянное, но и предостережением для других» (Малые речи, 274, 13).

В талмудической литературе Голгофа не упоминается вовсе (как и многие другие евангельские топонимы), но само это слово семитское. Евангельское Γολγοθᾶ передает арамейское *gulgaltā* или *golgota*, что означает «череп»⁸⁴. Евангелисты довольно точно переводят это слово как «Лобное место» (Краньоῦ Τβ̄τιυδ; в Вульгате: *Calvariae locus*). Что означает это название? В Евангелиях не говорится, что Голгофа представляла собою возвышенность, но естественно предположить, что это был холм или бугор, своими очертаниями напоминающий человеческий череп. Бордосский путник (333 г.) описывает Голгофу как небольшую горку, холмик (*monticulus*). Иероним Стридонский и Евхерий Лионский называют ее скалою Креста (*Crucis gire*). О том, что Голгофа не просто холм, а скала, и притом крутая, мы узнаем из сообщений последующих авторов. «Гора скалистая... – описывает ее Феодосий (ок. 530), – на каковую гору восходят по ступеням: там был распят Господь» (CSEL 39, 140–141).

Итак, все, что мы можем вывести о Голгофе из Евангелий, а также из раннехристианского предания (в тех случаях, где оно не противоречит Евангелиям), заключается в следующем:

- 1) Голгофа находилась за пределами города;
- 2) близ оживленной дороги;
- 3) недалеко от городских ворот;
- 4) представляла собою небольшой холм или скалу;
- 5) и являлась обычным местом публичных казней во времена Иисуса.

Эти пять пунктов необходимо учитывать всякий раз, когда мы будем рассматривать существующие уже варианты локализации Голгофы, либо оценивать вновь предлагаемые.

Последний пункт мог бы стать решающим в нашем исследовании, если бы в источниках сохранились какие-либо указания на этот счет. Но ни в Евангелиях, ни в сочинениях Иосифа

⁸³ Заметим, однако, что евангелисты ни о каком изнеможении ведомого на казнь Иисуса не говорят (тем более о его падении или падении по пути на Голгофу, – это позднейшая легенда). И все же можно предположить, что на Симона Кириинеянина крест был возложен потому, что после бичевания Иисус был не в состоянии нести его сам, как то полагалось приговоренному к распятию.

⁸⁴ Др. – евр.: *gulgoleth* (Суд 9:53; 4 Цар 9:35).

Флавия, ни в трудах раннехристианских писателей ничего не говорится о том, где именно совершались казни в Иерусалиме начала I века.

Некоторые исследователи начиная с XIX века пытаются связать Голгофу с упоминаемым в Мишне местом побоев камнями (Сангедрин, 6.1–4), которое находилось за чертою города («вне стана» – от Лев 24:14). Связь такая довольно сомнительна. Во-первых, в случае с Иисусом речь идет не о процедуре побоев камнями, предписанной в Мишне, а о римской казни через распятие. Во-вторых, даже если раввинское место побоев камнями соответствует Голгофе, то это мало что дает для ее локализации, поскольку в Мишне говорится лишь, что камнями побивали «вне стана», а в вавилонском комментарии на это место – «вне трех станов» (ВТ Сангедрин, 42b). В любом случае одного лишь отождествления места побоев камнями и евангельской Голгофы оказывается недостаточно для нахождения места распятия Иисуса, и упомянутые исследователи вынуждены искать дополнительные указания и аналогии⁸⁵.

Так, например, рассуждают о представлениях древних римлян относительно четырех сторон света. На западе помещалось царство усопших, а западная стена лагеря или города связывалась со «страною мрака». Римляне выводили преступников на экзекуцию через западные ворота, обычно называемые Судными (*porta judiciaria*). Предполагается, что и в Иерусалиме во время господства римлян имелись своего рода *Porta judiciaria*, которые находились в западной стене города, у которых производился суд и в которые выводили осужденных на смерть преступников. «Со времени учреждения “великого синедриона”, – читаем у Н. К. Маккавейского, – эти ворота в Иерусалиме должны были потерять свое значение места суда, но значение ворот Судных в том смысле, что ими выводили преступников на казнь и у них же совершали ее, должно было оставаться за этими воротами навсегда»⁸⁶.

В действительности же у римлян не было никакого твердо установленного правила на этот счет. В Риме казни обычно совершались за воротами Эсквилинскими или Коллинскими (*Тацит. Анналы*, II 32; *Светоний. Август*, 25), находящимися в восточной и в южной стенах города, а никак не в западной. В других римских городах преступников казнили на т. н. Марсовом поле или возле Капитолия, вне зависимости от их расположения относительно городских стен и сторон света. С другой стороны, нет никаких исторических данных, что в библейском Иерусалиме имелись Судные врата. Ни в Ветхом Завете, ни в Новом, ни в сочинениях Иосифа Флавия, ни в трудах раннехристианских писателей, касающихся топографии Иерусалима, не встречаются ворота с таким названием или же близким к нему. Сама идея, что в древнем Иерусалиме имелись *Porta judiciaria*, как мы увидим далее, возникла лишь эпоху Средневековья.

Переходим к месту погребения Иисуса. Влиятельный в Иерусалиме человек испросил у Пилата тело казненного и похоронил его в новой гробнице (= склепе, = пещере), «высеченной в скале» (Мк 15:46). Матфей добавляет к этому, что это была гробница, принадлежащая лично Иосифу Аримафейскому (27:60), а Лука – что там еще никто не был положен (23:53). Вот, собственно, и все, что донесло до нас синоптическое предание. В окрестностях Иерусалима сохранилось множество древних гробниц, как построенных из камня, так и высеченных в скалах. Иные из них имеют внушительные размеры и были созданы как родовые усыпальницы. «Бейт олам» называли их евреи, что значит «дом вечности». В одном из таких склепов, видимо, и был погребен Иисус.

Некоторые исследователи (например, Дж. Кроссан) полагают, что Иисус не мог быть погребен в гробнице как обычный умерший, ибо еврейский закон предусматривал погребение преступников в особых местах, в обычной яме (Мишна. Сангедрин, 6.5). Другие исследователи возражают, говоря, что Иисус был осужден и распят римлянами; поэтому-де его, не нарушившего еврейского закона, вполне могли похоронить по отеческому обычаю. Заметим, однако,

⁸⁵ См., например: Conder 1909, 152–153.

⁸⁶ Маккавейский 1891, 194.

что прежде Пилата Иисуса осудили на смерть члены иерусалимского синедриона, и осудили именно как «богохульника», нарушителя предписаний Торы. Но и в этом случае нельзя отрицать евангельских данных. Норма, отраженная в Мишне, либо не была абсолютной и применялась не во всех случаях, либо ужесточилась с течением времени (Мишна приобрела письменную форму лишь в III веке). В Гив'ат ха-Мивтар обнаружены останки распятого в I веке еврея по имени Иехоханан (с гвоздем, застрявшим в кости его ступни), и обнаружили в обычном оссуарии, в обычной еврейской семейной усыпальнице. Иосиф Флавий также свидетельствует об обычном погребении распятых иудеев (это свидетельство мы приведем чуть ниже). В случае же с Иисусом, вдобавок Евангелия сообщают, что погребением занимался богатый и влиятельный человек. Как знать, не окажется Иосифа Аримафейского с его новой гробницей, Иисуса могли похоронить и в простой земляной могиле, где хоронили бедняков, в каком-нибудь учрежденном для этого месте вроде «земли горшечника», где погребали странников (Мф 27:7–8).

Разумеется, в какой-то мере на евангельский рассказ о погребении Христа повлияло пророчество Исаии: «Ему назначен гроб со злодеями, но Он погребен у богатого» (53:9). Заметна также переключка с другими ветхозаветными текстами, в частности с 3 Цар 13:30. Вполне естественно, что евангелисты опирались на существующую традицию и оперировали традиционными образами. Но это не означает, что их рассказ от начала до конца искусственен и не имеет под собою реальной почвы. Стремление максимально приспособить погребение Иисуса к пророчеству Исаии отмечается только у Матфея («богатый человек из Аримафеи» – 27:57); у Марка и Луки это стремление не так выражено («знаменитый член совета» – Мк 15:43; «человек добрый и праведный» – Лк 23:50) и совсем отсутствует у Иоанна, представляющего Иосифа Аримафейского тайным учеником Иисуса (19:38). Во всяком случае, мы видим, что эта фигура не вымышлена. Иосиф Аримафейский существовал на самом деле, и, по-видимому, именно он и занялся похоронами галилейского проповедника.

Евангелист Иоанн вообще дает отличные от синоптиков сведения насчет погребения Христа. Хотя он и называет то же лицо, похоронившее Иисуса, но не говорит ни о какой скале. «А на том месте, где Он распят, был сад, а в саду гроб новый, в который еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко» (Ин 19:41–42)⁸⁷. Последние слова пояснил Татиан Сириец (ок. 120–175) в «Диатессароне»: «И Иудеи, из-за пятницы же, говорили: не должно телам ночевать на древе (Втор 21:23), ибо наступает суббота, – а та суббота пришлась на великий праздник» (гл. 52). Поэтому, исполняя данную норму Второзакония, хоронившие Иисуса торопились, и им удалось уложиться в срок, потому что могила находилась недалеко от Голгофы.

Можно ли совместить «гроб, высеченный в скале», как его описывают синоптики, и «гроб в саду» последнего евангелиста? Как правило, церковные экзегеты не находят здесь никаких затруднений и легко совмещают одно с другим. На наш взгляд, здесь имеется серьезное расхождение в показаниях источников. Рассказ Иоанна близок к синоптикам (точнее, к одному Луке) только тем замечанием, что в гробу «еще никто не был положен»⁸⁸. Во всем остальном он разительным образом отличается от синоптической традиции. Иоанн сближает место распятия и место погребения Иисуса, а также вводит понятие «сад» (κῆπος), совершенно не известное синоптикам⁸⁹. Мы оказываемся в затруднении: какие данные более верны и что мы должны предпочесть?

То, что еврейские гробницы периода Второго Храма высекались не только в голых скалах, лишенных всякой растительности, но и в таких местах, которые либо соседствовали, либо

⁸⁷ В дальнейшем Иоанн упоминает также садовника, в ведении которого был этот сад с гробницей (20:15).

⁸⁸ На показательные и таинственные совпадения отдельных фраз и выражений в Евангелиях от Луки и от Иоанна обратил внимание еще Э. Ренан.

⁸⁹ В апокрифическом Евангелии от Петра этому саду и даже самой гробнице присвоено название «сад Иосифа» (6.24).

даже окружались садами и огородами, мы хорошо знаем на примере нескольких иерусалимских кладбищ той эпохи. То есть само по себе сочетание «сада» и «гробницы» в рассказе четвертого евангелиста не является чем-то невозможным. В Ветхом Завете также имеются примеры того, что умерших хоронили в саду, в том числе в приусадебном (4 Цар 21:18).

Нет причин подвергать сомнению и указание Иоанна на близость гробницы к месту распятия. Оба этих места находились за городом и, вполне вероятно, соседствовали друг с другом. Мы должны принять это указание четвертого евангелиста (за неимением подобных указаний у синоптиков), тем более что описываемая им торопливость хоронивших Иисуса «ради пятницы Иудейской» весьма правдоподобна. Хорошо известно, как у восточных народов тщательно соблюдаются погребальные обычаи и правила и как они щепетильны на этот счет. «Иудеи так строго чтят погребение мертвых, – читаем у Иосифа Флавия, – что даже приговоренных к распятию они до заката солнца снимают и хоронят» (Иудейская война, IV 5, 2). Впечатление такое, что это написано о Христе. Не случайно в исследовательской литературе появились предположения, что Иосиф Аримафейский руководствовался не столько любовью к Иисусу, сколько стремлением соблюсти еврейский закон и обязательно похоронить покойного до наступления темноты. Ради этого он даже предоставил собственную гробницу, оказавшуюся неподалеку от места казни.

Так или иначе, в нашем исследовании мы должны исходить из того, что место погребения Иисуса располагалось поблизости от Голгофы, и те географические ориентиры, которые мы вывели из Евангелий относительно Голгофы, относятся также и к гробнице.

6. Альтернативные гипотезы

На протяжении веков в христианском мире никто не подвергал сомнению аутентичность традиционно почитаемых Голгофы и гробницы Христа, пока ученые XIX века не произвели тщательную ревизию христианских святынь на предмет их подлинности и не пришли к отрицательным результатам. Отсутствие указаний на святые места в доникейскую эпоху породило сильнейшее подозрение, что эти святыни были изобретены задним числом для многочисленных паломников, которым хотелось лицеизреть каждое место, упоминаемое в Евангелиях. Подозрений таких не избежали и древнейшие евангельские святыни: пещеры Благовещения и Рождества, а также Голгофа и Гроб Господень. Именно тогда появилась мысль о том, что настоящая гробница Иисуса еще не найдена и не идентифицирована.

Сомнения в достоверности Голгофы и Святого Гроба возникли еще в XVIII веке. Посетивший в 1738 г. Иерусалим немецкий ориенталист Корте опубликовал описание своего путешествия, в котором высказал мнение, что традиционная Голгофа не подлинная, поскольку располагается в центре города, а должна, согласно Евангелиям, находиться за городскими стенами. Корте предположил, что Голгофа находится на западе от Яффских ворот, в районе пруда Биркет Мамилла. Понятно, что немецкий путешественник отождествлял современные стены Старого города со стенами библейского Иерусалима. То же думали о Голгофе Дж. Плессинг в 1789 г. и Э. Кларк в 1812 г. Первый крупный ученый, проводивший археологические раскопки в Иерусалиме, – Э. Робинсон – также высказался против подлинности традиционной святыни, хотя и не предложил никакой альтернативы.

Эрнест Ренан в качестве возможной Голгофы рассматривал несколько возвышенностей в окрестностях Старого города: ветхозаветные холм Гарев и местность Гоаф, упоминаемые пророком Иеремией (31:39) и лежащие к северо-западу от Иерусалима, а также холмы, господствующие над долиной Хинном выше Биркет Мамиллы, и еще холм, господствующий над «гротом Иеремии» (Жизнь Иисуса, гл. 25). Трудно сказать, насколько Ренан руководствовался данными источников, достижениями археологии XIX века, а насколько – стремлением продемонстрировать свою полную независимость от церковной традиции. Кажется, он готов принять за Голгофу любое место, лишь бы это был не храм Гроба Господня.

В 1847 г. в своем очерке о топографии древнего Иерусалима архитектор Дж. Фергюсон высказал экстравагантное предположение, что мусульманская святыня Куббат ас-Сахра («Купол Скалы») на Храмовой горе, о которой известно, что ее построил халиф Абд ал-Малик в 691 г., до этого была церковью, созданной императором Константином Великим над Святым Гробом. В подтверждение этого Дж. Фергюсон указывал на несколько объектов на Храмовой горе, которые, по его мнению, были построены в Византийский период. Гипотеза Фергюсона встретила немало сторонников. Но критика ее историками была настолько уничтожительной, что она не продержалась и до конца XIX века. Последний удар по гипотезе Фергюсона нанесла Медебская мозаичная карта Палестины, открытая в 1896 г.

На этой карте, датируемой Византийским периодом, храм Гроба Господня изображен там, где он находится по сию пору.

Неудача Дж. Фергюсона не остановила поисков альтернативной («подлинной») гробницы Иисуса. Особенную активность в этих поисках проявляли представители протестантских церквей, не имеющих своего участка в храме Гроба Господня. Во второй половине XIX века было предпринято несколько попыток отождествить с гробницей Иисуса те или иные погребальные склепы, обнаруженные севернее Старого города. Из них самой известной является т. н. «Садовая гробница» (Garden Tomb), находящаяся ныне во владении представителей Англиканской церкви и почитаемая протестантами как подлинная могила Иисуса.

Почему именно к северу от Старого города стали искать Голгофу и гробницу Иисуса, объясняется влиянием евангелиста Иоанна, благодаря указанию которого наличие «сада» стало непременным условием локализации места погребения Христа. В библейские времена к северу от Иерусалима располагались загородные усадьбы с садами и огородами. «О садах вне Иерусалима, – отмечал полковник К. Кондер, – мы можем прочесть у Иосифа (Иудейская война, V 2, 2); холм Гарев (или “плантации”) упомянутый Иеремией (31:39), находился также на севере. Север рассматривался евреями как неблагоприятная сторона света. Вплоть до шестнадцатого столетия к северу от города располагалось *Sahrah*, “плато”, описанное арабским автором как известное место (Муджир ад-Дин, 1521 г.). Стоит учесть также, что место побиения камнями святого Стефана с IV века помещалось к северу от Иерусалима. Таким образом, мы видим согласие еврейской, христианской и мусульманской традиций по этому вопросу»⁹⁰ (хотя какое тут согласие, судите сами. – Б. Д.).

Еще в 1842 г. О. Фениус из Дрездена, а следом за ним и другие европейские путешественники предположили, что скалистый холм *el-Edhemieh* над т. н. «гротом Иеремии», расположенный в 228 метрах (250 ярдах) на северо-восток от Дамасских ворот, является подлинным местом распятия Иисуса. В выбоинах и расщелинах скалы наблюдатели увидели изображение, напоминающее человеческий череп. Известность этому месту принес британский генерал и рядовой библеист Ч. Дж. Гордон, уверенно заявивший в 1882 г., что *el-Edhemieh* и есть евангельская Голгофа. К северу от холма лежит византийское кладбище, в числе погребальных склепов которого в 1867 г. была обнаружена «Садовая гробница». На момент открытия это была христианская гробница V столетия, наполненная останками покойников. Но устройство гробницы свидетельствовало о ее дохристианском, древнееврейском происхождении. После раскопок, произведенных здесь в 1881–1882 гг. К. Шиком, Ч. Дж. Гордон объявил, что эта гробница является подлинным местом погребения Христа. Учрежденное в Англии Общество Садовой гробницы (Garden Tomb Society) приобрело этот участок в 1894 г. и устроило на нем религиозный комплекс, приспособленный для приема паломников из числа протестантов, а также многочисленных туристов.

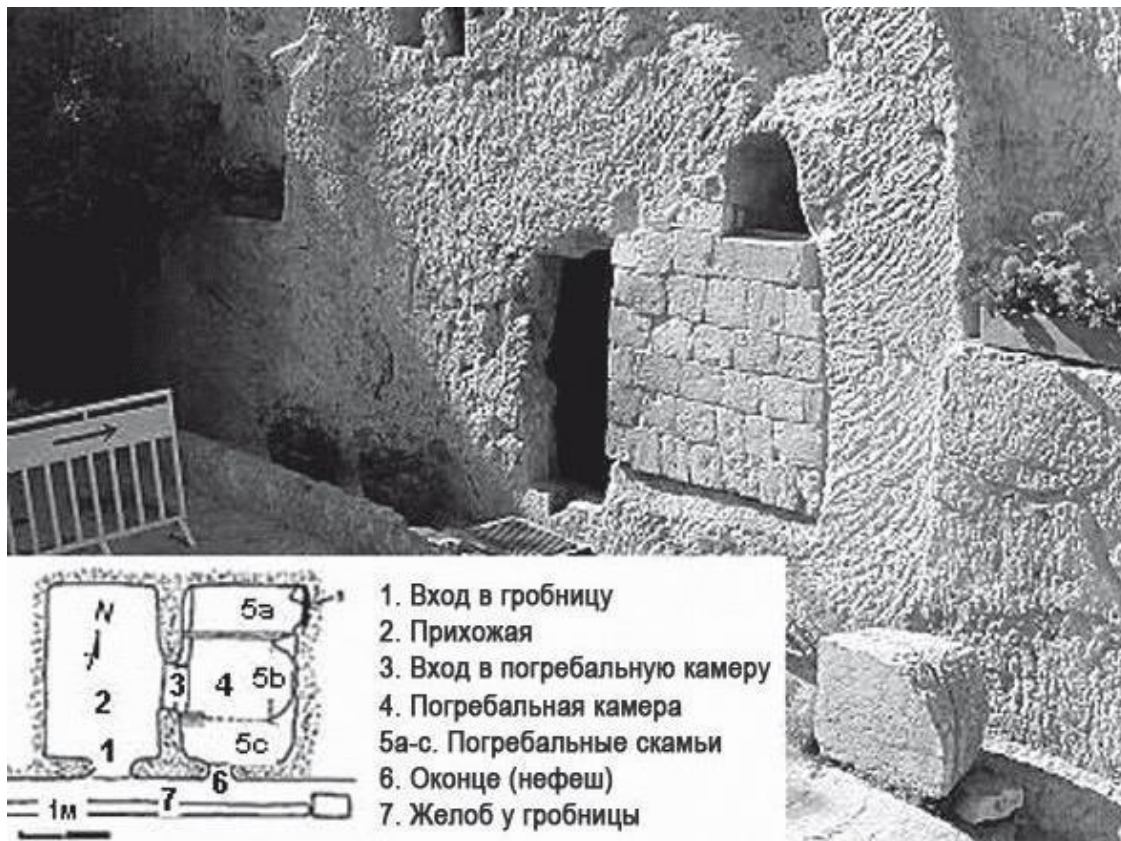
Надо сказать, что Англиканская церковь официально не признала «Садовую гробницу» в качестве святыни, но и не препятствовала своим членам поклоняться этой гробнице как Святому Гробу. Впервые за много веков у традиционного храма Гроба Господня появился достаточно влиятельный конкурент. Не только члены Англиканской церкви, но и представители других протестантских церквей потянулись к новообретенной гробнице Иисуса. Многие европейские ученые также высказались в пользу ее подлинности. Из последних выступлений по этой части можно отметить работу Дж. Тведнеса, представившего развернутое обоснование аутентичности «Садовой гробницы» и «Голгофы Гордона»⁹¹.

Он отметил, во-первых, что скалистый холм над «гротом Иеремии» вполне соответствует предписанной в Мишне процедуре смертной казни. Осужденного сначала сбрасывали со скалы высотой не менее 12 футов, и если он оставался жив, то побивали камнями (Сангедрин, 6, 1–4). По словам полковника К. Кондера, бывшего на этом участке в 1874–1875 гг., существовало еврейское предание, что в прежние времена на вершине скалистого холма исполнялись смертные приговоры. Вполне вероятно, что на этом месте был побит камнями первомученик Стефан, – еще в Византийский период немного севернее скалистого холма была построена церковь св. Стефана, а Дамасские ворота были названы воротами св. Стефана. Следы византийской церкви (фрагменты мозаичного пола, изображения крестов с инициалами Иисуса Христа) сохранились непосредственно на участке «Садовой гробницы», что также, по мысли Дж. Твед-

⁹⁰ Conder 1909, 152–153. См. также: <http://www.godrules.net/library/lifetimes/lifetimes97.htm>. Сам К. Кондер рассматривал в качестве места погребения Иисуса одну из гробниц, обнаруженных в 1881 г. в 250 м к северу от Дамасских ворот, западнее улицы Дерех Шхем (Ibid., 155–158).

⁹¹ Tvednes 1981.

неса, свидетельствует об особом значении этого места. В ходе раскопок на этом участке в 1924 г. были обнаружены остатки винодельни, а также резервуар водоизмещением примерно 200 000 галлонов. Из этого был сделан вывод о существовании здесь сада, соответствующего указанию евангелиста Иоанна (19:41).

«Садовая гробница»

Аутентичность «Садовой гробницы» обосновывается открытием в этом районе ряда древнееврейских захоронений, из чего делается вывод, что вся эта местность находилась за чертою городских стен, по крайней мере во время Ирода Великого. На христианском кладбище Византийского периода, расположенном к северу от участка «Садовой гробницы», близ церкви св. Стефана, найдена надпись: «Погребенный подле Господа», что может относиться к «Садовой гробнице». Другая найденная надпись гласит: «Онисим, дьякон церкви свидетелей Воскресения». В последней надписи, предполагает Дж. Тведнес, содержится название византийской церкви, стоявшей на участке «Садовой гробницы», что косвенно указывает на место воскресения Иисуса.

Сама гробница вполне соответствует другим известным погребениям периода Первого Храма. Она ориентирована на Храмовую гору, имеет вход с западной стороны, переднюю комнату для посетителей, а также внутреннюю камеру со скамьями (*локулями*) для тел покойников. При этом северо-восточная скамья расположена так, что ее может увидеть человек, стоящий у входа в гробницу, – так, как в четвертом Евангелии говорится о Иоанне и Марии Магдалине, что они видели скамью, наклонившись при входе в гробницу (20:5, 11). О том же свидетельствует и высота входа в гробницу, которая ниже человеческого роста. Кроме того, перед гробницей имеется желоб, по которому могли «прикатывать» ко входу круглый камень.

Против этих доводов были выдвинуты серьезные возражения. Основные из них приводит Дж. Мерфи О'Коннор: «Гробница состоит из двух помещений, расположенных бок о бок; из вестибюля делают поворот вправо, в погребальную камеру. Эта конфигурация типична для

погребальных склепов IX–VII вв. до н. э. Но в гробницах, высеченных во времена Иисуса, погребальная камера находилась обычно позади вестибюля, по прямой линии. Также можно было бы ожидать, что каждая из скамей, на которую полагалось тело усопшего, должна быть установлена в пределах свода (*аркосолиум*). Здесь же, напротив, скамьи для тел усопших просто примыкают к стене, как и в других гробницах железного века. Поэтому, со строго археологической точки зрения, эта гробница, конечно, не была “гробом новым” в I веке н. э. Кроме того, в Византийский период скамьи были срезаны, а скальная порода на их месте углублена, чтобы создать нечто вроде саркофагов. Такое радикальное обезображивание структуры ясно указывает, что христиане IV–VI веков не верили, что эта гробница была местом погребения Христа»⁹². Уже одно то, что византийцы продолжали хоронить в этой гробнице покойников, свидетельствует, что она не была для них неприкосновенной святыней⁹³.

К этому можно добавить еще несколько наблюдений. Д. Чедвик отмечает, что остатки винодельни свидетельствуют о существовании здесь виноградника. Между тем в Ин 19:41 фигурирует сад (*κῆπος*); виноградник евангелисты обозначают другим словом – *ἀμπέλωνος*⁹⁴. Желоб у гробницы, скорее всего, появился в Средневековье и, вероятно, использоваться для питья животных. По мнению Д. Чедвика, здесь находилась типичная конюшня. Также и резервуар и прочие выработки в скальном основании принадлежат системе подачи и хранения воды и не имеют отношения к гробнице.

Что касается скалистого холма над «гротом Иеремии», то трудно определить, как он выглядел в начале I века. Нынешние свои очертания холм этот приобрел совсем недавно. В течение многих веков отсюда брали твердый известняк для строительства, и ландшафт этого участка непрерывно менялся. На поверхности холма располагается престижное мусульманское кладбище. Именно здесь стреляют из пушки, знаменуя окончание поста Рамадан. В мусульманской традиции этот холм вообще играет важную роль. В этом месте, согласно преданию, должно начаться воскресение мертвых перед Страшным судом.

«Голгофа Гордона» и «Садовая гробница» продолжают пользоваться огромной популярностью, а их окрестности – привлекать к себе многочисленные группы энтузиастов, надеющихся обнаружить новые свидетельства в пользу их подлинности, и, в конечном счете, подлинности евангельской истории. С этим стремлением тесным образом сопряжено желание сделать сенсацию.

Наиболее выдающимся представителем такого рода деятелей был ныне покойный Рон Уайетт из Нешвилла, врач по профессии и археолог-любитель, прославившийся «открытием» почти всех библейских реликвий, начиная с «Ноева ковчега». В 80-х годах прошлого века в поисках «Ковчега Завета» он производил раскопки на участке, непосредственно примыкающем к участку «Садовой гробницы». Помимо планируемой сенсации, – открытия ветхозаветной святыни, – Р. Уайетт объявил о большом количестве находок, отнесенных им к евангельской истории. В числе этих находок римские монеты I–II веков, «место побиения камнями», «три квадратных углубления, высеченные в коренной породе», служившие для установки крестов распятия, а также огромный обтесанный камень диаметром более 4 м и шириной 60 см, интерпретированный как «отсутствующий камень “Садовой гробницы”», закрывавший вход в нее»⁹⁵.

Хотя очевидно, что большинству «находок» Р. Уайетт придал крайне произвольную интерпретацию, а часть их даже прямо сфальсифицировал (за что возмущенные христианские организации окрестили самодеятельного археолога «шарлатаном и провокатором»), нужно

⁹² Murphy-O'Connor 1998, 141.

⁹³ Barkay 1986, 50.

⁹⁴ Chadwick 2003.

⁹⁵ Уайетт М. Н. Ковчег Завета. История исследования. – <http://nbad.narod.ru/aoc/find1.htm>.

отметить, что в данном случае он нисколько не поколебал существующую англиканскую традицию. Приняв «Садовую гробницу» в качестве святыни, Р. Уайетт все свои евангельские открытия истолковал в ее пользу Другое дело, что все его находки у «Садовой гробницы», мнимые и реальные, не в силах затушевать отрицательные выводы археологов относительно подлинности англиканской святыни.

В том же XIX веке появилось новое направление поисков Голгофы и гробницы Иисуса – на восток от Иерусалима, на Елеонской горе. В 1873 г. Р. Хутчинсон высказал предположение, что распятие Иисуса произошло на Елеонской горе. Примерно такой же взгляд исповедали Дж. Беркли и Д. Портер, поместившие Голгофу между восточной стеной Старого города и Кедронской долиной. Эти ученые руководствовались следующими соображениями: Кедронская долина располагалась ближе всего к резиденции Пилата и месту суда над Иисусом, которое, вероятно, находилось в северо-восточном углу Храмового комплекса. Поэтому римским солдатам вместо того, чтобы вести осужденного по тесным улочкам города на запад или на Дамасскую дорогу, удобнее было бы вывести Иисуса через самые близкие ворота и распять его близ дороги, идущей в Вифанию. Простота такого решения проблемы локализации Голгофы все же не оказалась подкупающей. Беркли и Портер встретили возражения других ученых: во-первых, евангельский рассказ подразумевает, что дорога, ведущая через Голгофу, была более оживленной, чем узкая и гористая дорога в Вифанию; во-вторых, к востоку от Иерусалима не имеется никакого места, напоминающего формой череп⁹⁶.

Надо сказать, что «елеонская» гипотеза примечательна тем, что имеет прецеденты в раннехристианской литературе. В апокрифическом Евангелии от Никодима, датируемом V веком, говорится, что Иисус был распят «на том же месте, где Его взяли» (IX 5), т. е. в Гефсиманском саду. Неизвестно, где автор апокрифа почерпнул такие сведения, явно противоречащие данным Евангелий. Возможно, он просто смешал два разных сада: Гефсиманский сад и сад у гробницы Иосифа Аримафейского.

В последнее время «елеонскую» гипотезу активно отстаивают Э. Л. Мартин и некоторые другие. Они исходят из предпосылки, что место распятия Иисуса Христа было сакральным местом в Иерусалиме периода Второго Храма (местом принесения «жертвы за грех») и что оно тесным образом связано с ветхозаветной и новозаветной символикой. Трудно удержаться от того, чтобы не назвать подобный подход чисто церковным, при том что формально он противостоит существующей церковной традиции. Сторонники «елеонской» гипотезы обращают внимание на значение Елеонской горы в еврейской и христианской традиции: здесь, по Ветхому Завету, «станут ноги Господа» в Судный день (Зах 14:4), и здесь же, по Новому завету, Иисус учил апостолов и отсюда же вознесся на небо. Не имея достаточных исторических оснований считать Елеонскую гору местом казни Иисуса, сторонники этой гипотезы первостепенное значение придают ветхозаветным ассоциациям. В широком ходу также и новозаветные символы. Э. Л. Мартин так формулирует свой принцип: «География, связанная с символами, *должна быть буквальной*, даже если символы – нет»⁹⁷.

Таким образом, локализация Голгофы на Елеонской горе – это плод «символической географии». Помещая в южной части Елеонской горы то место, где сжигался телец, приносившийся в жертву за грех народа (Лев 4:12; Иер 43:21; Мишна, Миддот, 1.3; 2.4; Йома, 7.2), Э. Л. Мартин обращается к новозаветному Посланию к Евреям, где с этой «жертвой за грех» отождествляется Христос (10:8-10), а также к Посланию Варнавы, где говорится, что «телец есть Иисус» (8:2). Из этого следует вывод, что Иисуса распяли на том самом месте, где обычно приносили в жертву ветхозаветного тельца. Уподобление Иисуса ветхозаветной храмовой жертве позволяет отождествить врата, в которые Иисус был выведен на распятие, с восточными воро-

⁹⁶ Dictionary 1907, I 655.

⁹⁷ Martin 1992.

тами Храма (= Золотыми вратами), ведущими на Елеонскую гору, и вообще провести Крестный путь в восточном направлении. Символический метод позволяет также под ветхозаветного выражения «пред лице Господне» понимать фасад Иерусалимского храма; в таком случае распятый «пред лицом Господним» Иисус должен был видеть Храм и Святое святых, а видеть, как разодралась завеса святилища, можно было только с Елеонской горы (разумеется при этом, что завеса разодралась на глазах у распятого и присутствующих при казни).

Нет нужды объяснять, как далека вся эта «символическая география» от исторической и сколь мало она связана даже с евангельскими рассказами о распятии и погребении Иисуса. Но этого мало. Вдобавок к имеющимся символам Э. Мартин изобретает новые. Из ветхозаветного стиха 2 Цар 15:3 «а Давид пошел на гору Елеонскую, шел и плакал; голова у него была покрыта» он выводит, что эта гора или одна из ее вершин в те времена называлась «головой» (*роби*) и отождествляет изобретенное им название горы с евангельским топонимом «Голгофа» – «череп» (там же).

Приняв елеонскую локализацию Голгофы, Э. Мартин и место погребения Иисуса по необходимости помещает на той же Елеонской горе. В этом случае он не оригинален. Некоторые исследователи уже давно указывали на древнюю гробницу, находящуюся на территории нынешней церкви «Отче наш» (Pater Noster), как на действительную могилу Иисуса. Одним из первых предположение такое высказал в 1960 г. Дж. Э. Райт. В его «Библейской археологии» читаем: «В *Demonstratio Evangelica*, труде, написанном Евсевием около 303 г., он ничего не говорит о Гробе Господнем и о Голгофе в связи с языческим храмом, но выделяет Елеонскую гору (и Елеонскую пещеру) к востоку от Иерусалима и Святую Церковь Господню на холме, лежащем к западу от него, как места, особо почитаемые и христианами, и иудеохристианами (VI 18). Искусственная пещера, расположенная примерно в 100 м к югу от холма, действительно могла быть погребальным склепом. Она была объектом паломничества, хотя нигде определенно не сказано, что это место погребения Иисуса»⁹⁸.

Дж. Э. Райт писал это в то время, когда еще процветал миф об иудеохристианском происхождении палестинских церковных святынь и в библеистике господствовала гипотеза Багатти-Теста. Мнимая иудеохристианская традиция привлекалась всякий раз, когда нужно было обосновать какую-либо новую гипотезу или нетрадиционный взгляд на христианские святыне места.

Фактически же положение таково. На месте нынешнего монастыря Pater Noster стояла византийская церковь с апсидой и мозаичным полом, украшенным крестами. Строительство этой церкви датируется IV веком. Она была разрушена персами в 614 г., затем восстановлена крестоносцами. Рядом с алтарем имелся спуск в пещеру, расположенную под ним, которая была оформлена как подземная часовня. Она известна как пещера, где Иисус учил апостолов (Cave of Christ's Teaching). До того как на этом участке был построен кармелитский монастырь, Ш. Клермон-Ганно в 1868–1870 гг. проводил раскопки в подземной часовне. Западнее ее открылся вход в гробницу, который был заложен, по-видимому, еще византийцами. Оказалось, первоначально здесь располагалась гробница, а подземная часовня («пещера Учения») была передней комнатой или прихожей этой гробницы. В погребальной камере в трех стенах имеются пять пар полкообразных ниш-*кохим*, что указывает на еврейское происхождение гробницы. Вероятно, гробница эта была создана в I в. н. э. При строительстве церкви византийцы значительно видоизменили гробницу: засыпали землей погребальную камеру и блокировали вход в нее стеною, а также расширили переднюю комнату, превратив ее в подземную часовню. Одновременно было создано два новых входа в пещеру, один напротив другого, причем из церкви в пещеру спускались по лестнице, построенной поверх засыпанной землей и частично разрушенной погребальной камеры. Судя по этому, а также в целом по строительной активности византийских христиан, кажется маловероятным, что данная пещера почита-

⁹⁸ Райт 1960, 319–320.

лась тогда именно как гробница⁹⁹. В противном случае строители не стали бы засыпать землей погребальную камеру и блокировать вход в нее.

Действительно, источники указывают на то, что эта пещера с IV века почиталась христианами не как гробница, а как то место, где Иисус учил апостолов на горе Елеонской. Об этом сообщают Геронтий в «Житии св. Мелании» (ок. 430 г.), паломница Эгерия ок. 385 г. (CSEL 39, 101), Аркульф, Теодорих и другие пилигримы (ППС 2, 119–200). Во времена крестоносцев, как следует из сообщения Зевульфа (1102 г.), в этом месте показывалась написанная по-еврейски молитва Господня («Отче наш»), оставленная, по преданию, самим Христом. Эта традиция сохраняется и по сей день.

И все же, прежде чем вынести суровый приговор в отношении «елеонской» гипотезы, следует сказать, что Елеонская гора и скалистые участки в долине Кедрона издавна служили местами погребения жителей Иерусалима. Самые знаменитые древнееврейские гробницы находятся здесь. В ходе археологических работ было открыто множество еврейских погребений по всей Елеонской горе. Некоторые из этих гробниц продолжали использоваться и в Византийский период. Исследователи, разделяющие взгляды Багатти-Теста, не перестают находить «христианские символы» в погребениях Иродианской эпохи и расценивают целый ряд здешних гробниц как иудеохристианские. Неудивительно поэтому, что у этих исследователей возникает желание найти в этом районе и могилу основателя Церкви. И поиски эти будут продолжаться.

Гробница в Восточном Талпийот (дополнение 2007 г.)

Совсем недавно, в феврале 2007 г., известный канадский режиссер Джеймс Кэмерон и журналист С и мха Якобович выпустили документальный фильм под нарочито сенсационным названием «Потерянная гробница Иисуса», в котором выдвинули гипотезу о том, что место погребения основателя Церкви, а также членов его семьи находится в иерусалимском районе Восточный Талпийот, в 5 км к югу от Старого города. Показанный фильм призван привлечь внимание к вышедшей ранее книге С. Якобовича и Ч. Пеллегрини «Гробница семьи Иисуса», посвященной тому же предмету. Таким образом, выдвинута еще одна альтернативная версия относительно места погребения Христа¹⁰⁰.

Древняя гробница на крутом холме, ставшем затем районом Восточный Талпийот (иначе: Армон ха-Нацив), была обнаружена еще в 1980 г. в ходе строительных работ. После непродолжительного исследования ее археологами (А. Клонером и др.) гробница была законсервирована, а ее участок полностью застроен жилыми домами, так что ныне трудно даже найти это место.

⁹⁹ Wilkinson 1978, 121–123; Geva 1993, 784; Murphy-O'Connor 1998, 126.

¹⁰⁰ Говорят, что это шестая по счету альтернативная храму Гроба Господня гробница Иисуса Христа (<http://www.hamburgeruniverse.com/artic/Jesus-Ossuary.htm>), но мы насчитываем только пять таких альтернативных локаций: 1) Куббат ас-Сахра (гипотеза Дж. Фергюсона, 1847 г.); 2) «Садовая гробница» (гипотеза К. Шика и Ч. Гордона, 1882 г.); 3) «гробница Кондера» (1909 г.); 4) «Пещера учения» на Елеонской горе (гипотеза Дж. Э. Райта и Э. Мартина, 1960–1992 гг.) и, наконец, 5) гробница в районе Восточный Талпийот (гипотеза С. Якобовича и др., 2007 г.). Возможно, говорящие о шести локациях гробницы Христа знают больше нас. Мы же принимаем во внимание только имеющиеся конкретные объекты, а не рассуждения, пусть и правдоподобные. Не исключено, что шестой такой локацией считается т. н. «пещера Иоанна Крестителя» близ Эйн Карема, обнаруженная Ш. Гибсоном в 1999 г., хотя она напрямую с Иисусом не связана.

Гробница в районе Восточный Тальпийот

То, с чем имели дело исследователи, представляло собою типично еврейскую гробницу периода Второго Храма, с погребальной камерой, с шестью нишами типа *кохим* и двумя полками типа *аркосоллий*. В гробнице было найдено десять оссуариев (с останками покойников), описанных в 1994 г. в *Catalogue of Jewish Ossuaries in the Collections of the State of Israel* (№ № 701–709). Ныне оссуарии эти находятся в Музее Израиля в Иерусалиме (в то время как останки покойников были повторно погребены по еврейскому обычаю). На стенках некоторых оссуариев по-арамейски и по-гречески написаны имена, будоражащие воображение христианина: «Иосиф», «Мария», «Иуда, сын Иисуса» и др. Одна надпись (хотя и нечеткая) гласит: «Иисус, сын Иосифа». Именно эта надпись явилась главным основанием для идентификации указанного лица как евангельского героя 25 лет спустя после открытия гробницы. В течение всего этого времени оссуарии из гробницы в Талпийот неоднократно описывались в археологической и исследовательской литературе, но никто из ученых не связывал погребенных в Талпийот членов еврейского семейства с семьей Иисуса Христа (хотя в СМИ нечто подобное высказывалось начиная с 1996 г.).

С. Якобович и его съемочная группа посетили участок гробницы в 2005 г., хотя, создавая фильм, больше пользовались уже опубликованным археологическим материалом. В документальном фильме утверждается, что после «тщательного исследования», проведенного археологами, историками, судебными экспертами и экспертами по ДНК, авторы фильма приходят к выводу, что в данных оссуариях содержались останки Иисуса, его матери Марии, членов их семьи, а также Марии Магдалины, объявленной супругой Иисуса¹⁰¹.

Большинство ученых с глубоким сомнением встретили все эти нарочито сенсационные «открытия» канадского кинорежиссера и журналиста. Появились критические публикации. Подробнейший анализ археологических находок в гробнице в Талпийот, проведенный М. С. Хейс с ер ом, опубликован в Интернете¹⁰². Имена «Иисус», «Иосиф», «Иуда», «Мария» были широко распространены среди евреев периода Второго Храма. Вообще имя «Иисус» встречается на 22 еврейских оссуариях, обнаруженных археологами в разных местах. Что еще важнее, на одном таком оссуарии, найденном еще в 1926 г. (*Catalogue of Jewish Ossuaries*, № 9), оно появляется именно в том же сочетании, что и на оссуарии из Талпийот: «Иисус, сын

¹⁰¹ С. Якобович, помимо прочего, связывает оссуарии из гробницы в Талпийот с незарегистрированным в качестве археологической находки оссуарием «Иакова, брата Иисуса», в каковом лице предлагается видеть новозаветного «брата Господня». Предполагается даже, что оссуарий Иакова происходит из той же гробницы (*Heiser*; 2007, 3). Подробнее об оссуарии Иакова см. мой сборник: Иисус Христос в документах истории. Сост. и комм. Б. Г. Деревенского. 6-е изд. СПб., 2013. С. 22–25.

¹⁰² *Heiser* 2007.

Иосифа». Поэтому нет никаких причин видеть в «Иисусе, сыне Иосифа», погребенном в Талпийот, именно основателя христианства.

Кроме того, существует проблема правильного прочтения надписей на оссуариях. Так, довольно небрежно написанное имя «Иисус» может читаться и иначе¹⁰³. В греческой надписи *Μαριαρῖνου* (η) Мара на другом оссуарии имя «Мариам», по-видимому, стоит в родительном падеже и может читаться как «Мариин, Мариамов» и вообще относиться к мужчине, а не к женщине¹⁰⁴. При такой неопределенности в отношении наименования лиц, погребенных в Талпийот, проводить их историческую идентификацию, по меньшей мере, преждевременно.

Теперь то, что касается самой гробницы в районе Восточный Талпийот. Вот описание А. Клонера: «Фасад гробницы украшен рельефом с остроконечным фронтоном, высеченном в виде полукруга, и неполной розеткой. Квадратный вход (0,43 × 0,47 м) обрамлен высеченной рамкой 9-12 см ширины и 8 см глубины. Блокировочный камень (*голаль*), очевидно, удаленный еще в древности, не был найден. Ступень (0,4 × 0,4) только в дверном проеме облегчала вход в гробницу (2,3 × 2,3; 1,51-1,56 м высоты), которая почти на полметра была засыпана землей. Нет никаких скамей или ям. От входа шесть ниш-/сохши расположены в восточной, северной и западных стенах, по две ниши в каждой стене. *Кохши* высечены грубо по сравнению со стенами гробницы. Они имеют нечто вроде фасада, обычного в гробницах I века. Запечатывающие *кохши* камни были удалены еще в древности, и местонахождение их неизвестно. Десять оссуариев были найдены в пределах *кохши*, некоторые из них повреждены. Кости внутри этих оссуариев находились в первой стадии распада. Две крышки оссуариев были найдены в земле на глубине 0,5 м, в центре камеры; от них отказались еще в древности. На полу камеры и в насыпи обнаружено несколько раннеримских (ироудианских) монет. Две полки-*аркосолий* были высечены в гробнице, одна в верхней части западной, другая в северной стене. *Аркосолий* высечены с большим старанием и более тщательно, нежели *кохши*. Разрушенные кости, вероятно упавшие с *аркосолий*, были найдены на полу камеры. Они включают черепа, фрагменты костей и позвоночника. Несколько поврежденных костей оставались на полках *аркосолий*»¹⁰⁵.

И сама гробница, и оссуарии в ней использовались длительное время, так что в каждом оссуарии хранились останки покойников, принадлежавшие разным поколениям, а не только тому лицу, чье имя значится на стенке оссуария. Трудно точно определить, сколько человек представлено найденными костями. Полагают, что не менее 30–35¹⁰⁶. То, что, помимо человеческих останков в оссуариях, фрагменты различных костей были найдены на полу гробницы и в насыпи, свидетельствует о том, что гробница была разорена еще в древности. В гробнице нет никаких христианских знаков или символов (хотя еврейские символы имеются), а также нет следов почитания этой гробницы христианами. Изображенные на фасаде гробницы углообразный шеврон и круг под ним, которые авторы фильма «Потерянная гробница Иисуса» произвольно интерпретируют как некие иудеохристианские символы или даже масонское «всевидящее око», в действительности часто встречаются на крышках еврейских оссуариев и служат в качестве рукоятки для поднятия крышки. В этой связи М. С. Хейсер полагает, что фасад гробницы был отделан таким образом, чтобы напоминать крышку оссуария, как бы подразумевая, что сама гробница является одним огромным оссуарием¹⁰⁷.

Средневековые итинерарии не уделяют внимания этому району. Нет сведений, что его посещали христианские паломники. То, что далеко к югу от Старого города была открыта гробница периода Второго Храма, свидетельствует только о том, что и в этой местности имеются

¹⁰³ В *Catalogue of Jewish Ossuaries*, изданном Л. Рахмани, перевод этого имени как «Yeshua» сопровождается знаком вопроса. См.: *Kloner* 1996, 3.

¹⁰⁴ *Heiser* 2007, 9-20. Другое прочтение см.: *Gordon* 2007.

¹⁰⁵ *Kloner* 1996, 16.

¹⁰⁶ *Heiser* 2007, 2.

¹⁰⁷ *Ibid*, 5.

древнееврейские погребения, и здесь находилось еще одно старинное кладбище, одно из многих в окрестностях Иерусалима.

Можно сомневаться и даже отвергать гипотезу С. Якововича, как и множество подобных гипотез, но нельзя не отметить их определенную пользу: они позволяют ученым заострить внимание на таких сторонах евангельской археологии и на таких деталях евангельской истории, которым ранее не уделялось должного внимания. Тем самым расширяются масштаб и глубина проблемы.

7. Местоположение Голгофы зависит от местоположения претория Пилата

Согласно Евангелиям, преторий Пилата был тем местом, из которого Иисуса повели на казнь. Следовательно, чтобы сказать что-либо определенное о местоположении Голгофы, нужно сначала установить местоположение этого претория.

Исследователи отдают себе отчет в том, что после двукратного разрушения древнего Иерусалима римлянами (в 70 и 135 гг.), после радикальных перестроек города при римском императоре Адриане, при христианском императоре Константине, затем при крестоносцах, мамлюках и турках остатки исторического претория Пилата вряд ли удастся найти. Все камни того древнего строения давно разобраны на новые постройки. Мы можем лишь, вооружившись данными источников, исследуя церковную традицию, судить (с той или иной степенью достоверности) о возможном местоположении того легендарного претория.

Нынешняя надпись над дверьми 1-й станции Виа Долороза: ΤΟ ΠΡΑΙΤΩΡΙΟΝ – PRISON OF CHRISTI («Преторий – темница Христова») появилась лишь в прошлом веке, когда окончательно оформились все четырнадцать станций Крестного пути. Христианским паломникам и туристам показывают плиты евангельского Лифостротона в церкви Сестер Сиона, где Иисуса судил Понтий Пилат, показывают место бичевания Христа в часовне соответствующего названия, показывают и арку, на которую римский правитель вывел избитого Иисуса и показал его народу, говоря: «Се Человек» (Ессе Номо). Однако мы должны знать, что все эти объекты были локализованы лишь в Новое время и что древние христиане помещали их совсем в другой части Иерусалима.

В своих «Поучениях» Кирилл Иерусалимский сообщает, что «преторий Пилата ныне пребывает запущенным по воле Распятого тогда» (XIII 39; PG 33, 820). Это можно понять так, что строение, считаемое христианами IV века преторием Пилата, пребывало в заброшенном, запущенном, может, даже разрушенном состоянии. Примерно о том же читаем в «Итинерарии» Бордосского путника (333 г.): «Идя отсюда (т. е. от Сионской церкви) за стену Сионскую, вправо, к воротам Неаполитанским (т. е. Дамасским), внизу в долине видишь стены бывшего дома или претория Понтия Пилата. Здесь допрашивали Господа прежде чем Он пострадал» (CSEL 39, 22). Слова «стены бывшего дома» указывают на нежилое, заброшенное здание¹⁰⁸.

Бордосский путник – первый автор, сообщающий местоположение претория Пилата. Несомненно, он говорит о Тиропеонской долине, отделявшей Верхний город от Нижнего и от Храмовой горы (*Иосиф Флавий*. Иудейская война, V 4, 1). Однако от Сионских ворот до базилики Константина – следующего пункта, отмеченного Путником после претория, – простирается довольно обширный участок, целиком в те времена лежавший в долине. Где конкретно помещался преторий Пилата, в каком именно здании, из сообщения Путника не явствует.

Достаточно подробное описание византийского претория Пилата дает паломник из Плацентии (ок. 570): «И мы молились в претории, где допрашивали Господа и где ныне базилика святой Софии, перед развалинами Соломонова храма, под улицей (sub platea), которая проходит к Силоамскому источнику мимо портика Соломона. В этой базилике есть седалище, на котором сидел Пилат, когда допрашивали Господа. Посреди претория находится четырехугольный камень, на который ставили подсудимого для допроса, чтобы его видел и слышал весь народ. На этот камень поднимали Господа, когда его допрашивал Пилат, и там остались Его следы: нога красивая, небольшая, тонкая. Имеется и образ Его, писанный при Его жизни и

¹⁰⁸ Дом Каиафы также достался христианам в разрушенном состоянии, о чем сообщает Пруденций в «Книге гимнов» (CL 60, 1439; 1444). Позже на его месте была построена церковь ап. Петра.

поставленный в претории: рост обыкновенный, волосы кудреватые, руки красивые с длинными пальцами. От того же камня, на котором Он стоял, совершаются многие чудеса... И этот камень украшен золотом и серебром» (CSEL 39, 174–175). Описание базилики св. Софии у пилигрима следует непосредственно за сообщением о прибытии его из Сионского храма в базилику св. Марии. В последнем случае имеется в виду Новая церковь Богоматери (Nea Theotokos), построенная императором Юстинианом в конце Кардо Максимус, у Сионских ворот. Здесь действительно могла проходить некая улица, ведущая мимо южной стены Храмовой горы к источнику Силоам. Следует думать, что базилика св. Софии находилась севернее Новой церкви Юстиниана, в непосредственной близости от нее и, возможно, примыкала к ней. В таком случае церковь или базилику св. Софии, считаемую бывшим преторием Пилата¹⁰⁹, нужно локализовать в южной части нынешнего Еврейского квартала, примерно на месте синагоги Хурва.

Рассматривая Медебскую карту, И. Милик увидел византийскую церковь св. Софии в одном из домов на восточной стороне Кардо Максимус, в непосредственной близости от Новой церкви Юстиниана¹¹⁰. Дом этот изображен с остроконечной кровлей, покрытой красной черепицей, – так, как обычно на византийских мозаиках изображались церкви и базилики. При этом в двух колоннах, изображенных снаружи или внутри этого дома, И. Милик предложил видеть два столба (хотя почему два столба? – Б. Д), к которым был привязан Иисус во время бичевания. Изучая ту же мозаичную карту, Г. Кроль, помимо этого дома, нашел еще одно здание, по его мнению более соответствующее византийскому преторию Пилата. Оно изображено также на восточной стороне Кардо Максимус, но значительно севернее Новой церкви Юстиниана, почти напротив храма Гроба Господня¹¹¹.

1. Неаполитанские ворота, ныне Дамасские; 2. Площадь перед воротами с колонной (Адриана?); 3. Cardo Maximus; 4. Второе Кардо или Via triumphalis; 5. Храм Гроба Господня (Мартирум); 6. Баптистерий (?); 7. Здание на месте римского форума; 8. Дворец царицы Евдокии (?); 9. Церковь св. Анны (купели Вифезда); 10. Улица, ведущая к восточным воротам, впоследствии улица Иосафата; 11. Восточные ворота, ныне Львиные или ворота св. Стефана; 12. Porta aresiosa периода крестоносцев, ныне Золотые ворота; 13. Храмовая базилика (?); 14. Лестница, ведущая к Силоамской купели; 15. Новая церковь (Nea) Юстиниана; 16. Часть городской стены на восток от Новой церкви; 17. Силоамская церковь (?), церковь св. Петра в оковах (in Gallicantu ?); 18. Ворота в конце Cardo Maximus, перед расширением города на юг; 19. Яма, где содержался арестованный Иисус (?); Пещера пророка Иеремии (?); 20. Церковь св. Петра в оковах (in Gallicantu ?); 21. Дом Тайной вечери (?); Гробница Давида (?); 22. Сионская церковь или церковь апостолов на Сионе; 23. Дом Каиафы (?); 24. Башня Давида (?); 25. Штаб лагеря X Легиона (praesidia) ?; 26. Римский Decumanus, затем улица Давида; 27. Западные ворота, ныне Яффонские; 28. Церковь св. Софии-преторий Пилата (?); 29. Церковь св. Софии-преторий Пилата (?).

Изображение Иерусалима на мозаике в Медебе (V в.)

«Археологические раскопки в крипте церкви *Notre Dame du Spasme*, – пишет немецкий автор, – кажется, дают северному положению преимущество. В южной части крипты найдены несколько мозаик различного времени. Поздняя мозаика является простым грубым орнамен-

¹⁰⁹ В «Чине богослужения на Великую Пятницу», греческом памятнике IX–X вв., упоминается «святая София на Лифостротоне». См.: Маккавейский 1891, 127.

¹¹⁰ Kroll 1980, 448.

¹¹¹ На Медебской карте Иерусалима, представленной нами, эти два дома отмечены номерами 28 и 29.

том, состоящим из черного, красного и белого цветов. Более ранняя мозаика изображает две ноги желтого цвета, обутые в сандалии и очерченные черными линиями. Вероятно, эта мозаика напоминает о пропавшем камне со следами ног Иисуса, который видел пилигрим из Плацентии в 570 г.»¹¹².

Что сообщают о претории Пилата другие христианские авторы? Мы видим, что он постепенно передвигается на Сионскую гору. Уже Иероним Стридонский, описывая Сион, упоминает «колонну, поддерживающую портик церкви, обагренную кровью Господа, к которой, как говорят, Он был привязан для бичевания» (Письма, 108, 9; PL 22, 884). Паломница Эгерия (Сильвия), посетившая Иерусалим ок. 385 г., также говорит о столбе бичевания Господа в церкви на Сионе (CSEL, 39, 88). Иероним и Эгерия не называют эту церковь бывшим преторием Пилата; вполне возможно, они имеют в виду бывший дом Каиафы, к тому времени также обращенный в церковь. Но следующие церковные писатели и преторий Пилата помещают туда же. «От святого Сиона до дома Каиафы, где ныне церковь святого Петра, шагов около 50, — пишет Феодосий в 530 г., — От дома Каиафы до претория Пилата шагов около 100; там церковь святой Софии». С той же церковью св. Софии близ Сионской горы отождествляется преторий Пилата в «Бревиарии Иерусалима» (ок. 530) и у Иерусалимского патриарха Софрония (633–638) (CSEL 39, 155; Anacreontica, 20:73–80). Благодаря этим указаниям мы узнаем не только о том, что некогда заброшенное здание, принимаемое христианами за преторий Пилата, было заново отстроено в качестве христианской церкви и объекта паломничества, но и то, что церковь эта находилась в непосредственной близости от Сионской горы и дома Каиафы (церкви св. Петра).

«Сионская» традиция сохранялась и при мусульманах. Монах Епифаний (IX в.) помещает преторий непосредственно на Сионской горе, вблизи дома Тайной вечери: «В западных воротах Святого града (т. е. Яффских) стоит башня Давидова, на которой царь сидел в пепле и писал псалмы. Справа от башни находится Лифостротон, маленькая церковь, где Иуда предал Господа (? – Б. Д.). Направо от Лифостротона стоит святой Сион, дом Божий. И здесь же находится камень, на который они поднимали Христа... И при святых дверях алтаря виден след ноги Христа, где Он стоял, судимый Пилатом... И в апсиде церкви святого Сиона, то есть в претории, есть небольшое мощеное помещение... В этом же месте находятся дома Пилата, Анны, Каиафы и царей» (ППС 2, 2). Пришедшие в Иерусалим крестоносцы застали всю ту же традицию, что явствует из сообщений Иоанна Вюрцбургского в письме к Дитриху (1156 г.) и монаха Теодориха (ок. 1172), описавшего христианские святыни Палестины. «Пилат восседал на судилище, — читаем у Теодориха, — в том месте, которое называется Лифостротон. Это место находится напротив церкви блаженной Марии на Сионской горе (= Сионского храма), на возвышенности против городской стены. Там есть часовня в честь Господа нашего Иисуса Христа, в которой стоит часть большой колонны. Господь был привязан к ней Пилатом, после того как он осудил Его на распятие и распорядился подвергнуть Его бичеванию» (Описание святых мест, IV 25; ППС 2, 109).

Вернемся к Бордосскому путнику и обратим внимание на его маршрут. Он входит в Иерусалим со стороны Елеонской горы и первым делом обозревает Храмовую гору с ее ветхозаветными святынями. Затем спускается к источнику Силоам, имеющему некоторое отношение к евангельским событиям, потом поднимается на Сионскую гору и именно с этого места начинает перечисление святых мест, связанных с последними часами земной жизни Иисуса Христа. Конечная цель маршрута — Голгофа и храм Гроба Господня. Этот путь, вероятно, был традиционным для паломников византийской эпохи¹¹³. На Сионской горе помещались гробница

¹¹² Kroll 1980, 448.

¹¹³ Pullan 2000. Хотя уже в конце IV в. из традиционного маршрута выпала Храмовая гора: Эгерия и другие пилигримы о ней ничего не говорят, а на Медебской карте ей отведено оскорбительно ничтожное пространство. Полагают, что Церковь сознательно пренебрегала Храмовой горой после попытки евреев возродить свой Храм при императоре Юлиане.

Давида, дом Тайной вечери и древнейшая Церковь апостолов (*Mater Omnium Ecclesiarum*). Оттуда шли в направлении к храму Гроба Господня, посещая по пути основные станции Крестного пути, включая преторий Пилата. Такова была первоначальная византийская Виа Долороза, совершенно отличная от нынешней.

В том, что византийские христиане не знали нынешнего маршрута Крестного пути, мы можем убедиться, изучая Медебскую карту. Все пространство между Кардо Максимус и вторым Кардо изображено на карте в виде сплошной застройки, без каких-либо поперечных улиц, что само по себе показательно. Нет оснований считать, что византийцы были менее благочестивыми христианами, чем средневековые паломники и топографы, которые всегда отмечали Виа Долороза на своих картах. Если бы в византийские времена существовал маршрут, ведущий от северо-западного угла Храмовой горы к храму Гроба Господня, он непременно отобразился бы на Медебской карте. Но византийцы такого маршрута не знали. Тем не менее они отображали на мозаичной карте свою Виа Долороза, которая, по-видимому, проходила от Сионской горы к храму Гроба Господня и совпадала с Кардо Масимус.

Ныне существующая традиция Крестного пути начинает складываться в эпоху крестоносцев. Русский игумен Даниил в 1107 г. направился от храма Гроба Господня в восточном направлении и по пути к церкви св. Анны в числе других евангельских мест посетил преторий (= преторь), «куда воины привели Христа к Пилату, и где Пилат руки свои умыл, сказав: *Чист есть от крови Сего праведника*» (ППС 3, 27). Другими словами, Даниил прошел по маршруту нынешней Виа Долороза, только в обратном направлении¹¹⁴. Упомянутый уже немецкий монах Теодорих, побывавший в Иерусалиме ок. 1172 г., наряду с Лифостротомом на Сионской горе называет также дом Пилата (*domus Pilati*), который помещает рядом с церковью св. Анны и Овчей купелью (Описание святых мест, IV 25). Наиболее точно локализует этот дом автор *La Citez de Jherusalem* (ок. 1220): «На правой стороне улицы Иосафата»¹¹⁵ находится церковь, именуемая церковью Отдыха. Здесь, говорят, Христос останавливался, когда вели Его на распятие. И здесь же находится тюрьма, в которую Его поместили той ночью, когда Он был взят в Гефсимании. Немного впереди, на левой стороне этой улицы находится дом Пилата. Перед этим домом имеется проход, по которому можно пройти в храм» (гл. 22). Совершенно ясно, что автор *La Citez* говорит о том самом участке, где преторий Пилата помещает нынешняя традиция – у северо-западного угла Храмового комплекса.

На исторических картах Иерусалима дом или дворец Пилата появляется в XIV веке.¹¹⁶ На плане Иерусалима венецианца М. Сануто (ок. 1310) *domus Pilati* изображен в северной части города, на широкой улице, ведущей от ворот Иосафата и церкви св. Анны к храму Гроба Господня, на пересечении с улицей, идущей от Дамасских ворот, т. е. на месте нынешнего Австрийского приюта. На плане Иерусалима Б. Бейденбаха (1486 г.) дом Пилата помещен северо-западнее церкви св. Анны, на месте церкви Марии Магдалины эпохи крестоносцев (ныне мечети ал-Мамуние), в Мусульманском квартале Старого города. Приблизительно в том же районе локализуют жилище Пилата и последующие немецкие и итальянские картографы. Хотя никто еще не называет этот дом преторием, но в сочетании с располагаемыми поблизости аркой Пилата (Ессе Номо), темницей Христовой и церковью Бичевания такая локализация свидетельствует об окончательном забвении прежних «тиропеонской» и «сионской» традиций и торжестве новой традиции Крестного пути.

¹¹⁴ В то же время дом Каиафы Даниил, так же как и его предшественники, поместил на Сионской горе.

¹¹⁵ Улицей Иосафата во времена крестоносцев называлась нынешняя улица св. Стефана (Тарик Баб Ситт Марйам), ведущая от ворот Иосафата (ныне ворот св. Стефана или Львиных ворот) на запад и переходящая в Виа Долороза (Тарик ас-Сарай).

¹¹⁶ Карты Иерусалима периода крестоносцев впервые изображают прямую улицу под названием *via* или *vicus ad portam Iosaphat*, пролегающую от ворот Иосафата и церкви св. Анны к храму Святого Гроба. Уже одно это предполагает традицию церковного шествия по этому маршруту. На Медебской карте, как говорилось, нет ничего подобного.

Стык XIII и XIV веков – переломный момент евангельской топографии. Все прежние новозаветные локации отвергаются, а взамен их учреждаются новые. В картографии библейского и современного Иерусалима царил полная неразбериха. Картографы, следующие прежней «сионской» традиции, продолжают помещать Дом Анны и Дом Каиафы на Сионской горе, в то время как другие картографы, начиная с М. Сануто, переносят эти объекты совсем в другую часть Иерусалима, в Мусульманский квартал Старого города и помещают их к северу и северо-западу от Храмовой горы. Христианский паломник, прибывший в это время в Иерусалим на поклонение «святым местам», имея он в руках все эти карты, был бы полностью дезориентирован. Разноречивые указания картографов поставили бы его перед неразрешимой проблемой.

В 1587 г. итальянский картограф Дж. Зуалларт, руководствуясь, видимо, новыми данными, поместил дом Пилата у северо-западного угла Храмовой горы, на месте исторической крепости Антонии (ныне школа ал-Омария). Теперь отождествление этой крепости с преторием, где Пилат судил Иисуса, стало лишь делом времени. И все же потребовалось еще четыре века, прежде чем на 1-й станции Виа Долороза, рядом со школой ал-Омария, появилась нынешняя табличка: ΤΟ ΠΡΑΙΤΩΡΙΟΝ – PRISON OF CHRISTI.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.